

СВѢТИЛЬНИКЪ ПРАВОСЛАВІЯ.

(ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ БЫВШАГО НАСТОЯТЕЛЯ МОСКОВСКАГО ПРИДВОРНАГО АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА ПРОТОІЕРЕЯ ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВИЧА АМФИТЕАТРОВА).

5119-0

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова, дреемн. И. С. Ефимовъ, Большая Якиманка, соб. домъ.

1912.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 31 юли, 1912 года.

Старшій Цензоръ, Архимандритъ *Александръ*.

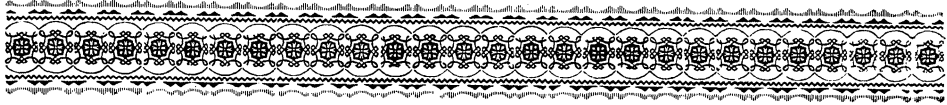

2010513210

Арнольдъ Васильевичъ Сусловъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Краткій очеркъ духовной дѣятельности великаго пастыря.

Знаменитый пастырь, протоіерей Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, изъ Калужской губерніи былъ направленъ Господомъ въ Москву, чтобы пламенной пастырской дѣятельностью противоборствовать духу маловѣрія и распущенности. Печальное время переживала тогда столица. Святые храмы, эти несокрушимые оплоты православія, попрежнему стояли въ ней какъ незыблемыя стѣны, святыя иконы красовались драгоцѣнными сіяющими ризами, угодники Божіи почивали въ храмахъ своими нетлѣнными мощами, а народъ—созданія Божіи, погибалъ отъ своихъ пороковъ и заблужденій. Духъ маловѣрія и распущенности, какъ самая лютая зараза, косилъ повсюду слабыя нетвердыя головы, обвивая ихъ тонкой гибельной паутиной. Различные лжеучители—Толстой и другіе—своей пагубной пропагандой ловко и умѣло вкрадывались въ молодыя неопытныя сердца, подрывая въ нихъ основы вѣры и благочестія. Забытъ былъ Господь съ Его любовью и милосердіемъ, забыты были правила нравственности и чести; началась жизнь вольная, веселая, бурная; власть, порядокъ—все забывалось и отвергалось, страсти и пороки широко развивались на просторѣ. И вотъ пріѣзжаетъ въ Москву пастырь—молодой, горячій, кипучій. Великой любящей душой своей оплакиваетъ онъ народный

развратъ, онъ видитъ, какъ молодежь въ цвѣтѣ своей жизни, всё свои молодя, горячія силы тратитъ на одинъ грѣхъ; онъ видитъ, какъ семейная жизнь колеблется среди обоюдной вражды, обмана, лицемѣрія; онъ видитъ, какъ умныя, сильныя головы, которыя могли бы создать много прекраснаго и полезнаго, гибнуть въ праздности и самочинствѣ; онъ видитъ, какъ степенная зрѣлость, уже на склонѣ лѣтъ, не желаетъ и мыслить о предстоящемъ переходѣ въ вѣчность, занимаясь одними суетными увеселеніями и пустыми забавами; все это множество людей, созданныхъ по образу и подобию Божию, которые должны бы были ежечасно и ежеминутно прославлять и воспѣвать Всесвятое Имя Божіе, нести крестъ Христовъ, вмѣсто сего шлетутъ Христу терновый вѣнецъ и готовятся возложить эти колючія терніи на Его Пречистую страдальческую Главу...

Наблюдаетъ все это пастырь своимъ зоркимъ умомъ, — горько и жалко ему видѣть все это, и вотъ служитель Христа рѣшается всего себя отдать на спасеніе ближнихъ. Онъ забываетъ, что онъ еще молодъ, полонъ силъ и здоровья и можетъ пожить еще для себя, среди семейныхъ радостей и удовольствій; онъ забываетъ, что молодая жена и дѣти тоже желаютъ наслаждаться его обществомъ и лаской; онъ забываетъ, что и ему нуженъ покой и отдохновеніе отъ трудовъ, что онъ можетъ переутомиться и ослабнуть отъ постоянного кипучаго движенія и томленія; все это онъ забываетъ и одно только видитъ передъ глазами — людскую гибель... Всѣмъ своимъ пламеннымъ существомъ, пастырь устремляется ко Господу, — умоляя Бога о нпспосланіи силъ и мудрости воздѣйствовать на слабый, погибающій, несчастный людъ. И услышалъ Господь Своего пастыря, возлюбилъ его за его ревность и любовь къ ближнимъ, надѣлилъ такимъ обиліемъ небесной благодати, что пастырь сталъ какъ бы не земнымъ человѣкомъ, а великимъ небеснымъ посланникомъ и про рокомъ.

Начинается всесторонняя кипучая дѣятельность, неустанная молитва, и прославленіе Господа, неутомимая борьба за вѣру и

благочестіе; падають громовые удары на нечестіе вольнодумцевъ, суровыя обличенія на людей, вмѣсто служенія Богу возлюбившихъ служеніе Мамонѣ и другимъ мірскимъ идоламъ.

И народъ не остался глухъ къ призывамъ добраго пастыря. Радостно онъ побѣжалъ подъ горку въ храмъ «Нечаянной Радости», гдѣ появился благодатный пастырь.

Началось служеніе передъ Чудотворной иконой Божіей Матери «Нечаянная Радость». Сама уже икона, изображающая символически милосердіе къ людямъ, подобно кающемуся грѣшнику припадающимъ къ Богоматери, радовала надеждой на помилованіе.

А «поручитель» пастырь, съ своей стороны, всей силой своей высшей любви взывалъ къ Царицѣ Небесной словами акаѳиста и просилъ Ее—озарить всѣхъ несчастныхъ Своей благодатью, простить ихъ и принять подъ Свой благостный покровъ. Вотъ что совершалось въ сей малой, сокрытой «подъ горкой», церкви.

Началось благодатное служеніе, полились горячія мольбы вѣрующихъ, благодарныхъ сердець, храмъ озарился невидимо сіяніемъ небожителей, которые радостно слетались сюда на помощь дивному служителю Христову и помогали ему въ его великихъ трудахъ и горячихъ молитвахъ. Храмъ весь сіялъ, благоухалъ, невозможно было безъ слезъ и умиленія стоять тамъ; душа наполнялась свѣтомъ, блаженствомъ и въ радостныхъ благодарственныхъ звукахъ неслась къ небесамъ, къ Самому Сладчайшему Господу и Его Пречистой Матери, ниспославшихъ въ сей храмъ такого благодатнаго служителя на радость и спасеніе людей!

Можно ли было оставаться невѣрующимъ, когда тысячи чудесъ и исцѣленій полились на глазахъ у всѣхъ; можно ли было не восторгаться и не умиляться, когда самъ благодатный пастырь влекъ сердца людей своей нѣжной лаской и любовью, какъ своихъ малыхъ сирыхъ дѣтокъ, замѣняя имъ самыхъ любящихъ родныхъ и благодѣтелей. Не было у человѣка крова и

пріюта—онъ давалъ; не было денегъ—онъ помогалъ; не было здоровья—онъ устранялъ силою Божіей—немощи и болѣзни; не было близкихъ, родныхъ—онъ замѣнялъ ихъ своей сердечностью и любовью. Надъ всѣми же сими царило небесное врачеваніе Божественной пищей въ таинствѣ пріобщенія. Это величайшее непостижимое таинство, предлагаемое пастыремъ лишь подъ условіемъ самой горячей вѣры и любви ко Господу, съ корнями вырывало пороки и слабости, насаждая взамѣнъ ихъ ростки добра и милосердія.

Все больше и больше стекалось народу, все сильнѣе и сильнѣе лилась благодать исцѣленія и обновленія.

Собственно говоря, у пастыря не было ни бѣдныхъ, ни сирыхъ, ни безкровныхъ, ни печальныхъ—тутъ все молилось, любило, прославляло, торжествовало и благоговѣнно преклонялось передъ дивнымъ труженикомъ, служителемъ алтаря, дни и ночи неустанно охранявшимъ и утѣшавшимъ свою паству.

Скончалась у пастыря молодая жена, и онъ еще больше отдался дѣлу апостольскаго служенія людямъ.

Онъ не довольствовался краткимъ, временнымъ назиданіемъ и утѣшеніемъ какого нибудь человѣка,—нѣтъ; принявъ его подъ свою спасительную охрану, онъ изо дня въ день велъ его по пути совершенствованія, зорко слѣдя за всѣми его чувствами, мыслями и желаніями; пастырь благодатно отгонялъ отъ своего пасомага всѣ искушенія и соблазны, онъ постепенно искоренялъ его пороки и заблужденія и въ то же время насаждалъ взамѣнъ ихъ вѣру, надежду и любовь ко Господу; онъ пріучалъ его къ состраданію и милосердію, отвлекалъ отъ богатства, праздности и безпечности; человѣкъ мало-по-малу становился переработаннымъ, перевоспитаннымъ, обновленнымъ, жизнерадостнымъ, а пастырь начиналъ направлять его къ вѣчности, руководя имъ, лаская, утѣшая и подкрѣпляя свою овцу.

Несмѣтное множество такихъ существъ, вырванныхъ пастыремъ изъ грѣховной тины, группировалось около своего нена-

гляднаго хранителя-батюшки и обращалось къ нему со всякими вопросами и недоумѣніями.

Но и врагъ не дремалъ. Множество женщинъ и дѣвушекъ, спасенныхъ пастыремъ и поставленныхъ на твердую почву, проникались благоговѣйнымъ чувствомъ къ своему духовному отцу и устремились къ нему, какъ беззавѣтно любящія дѣти. Такое особое тяготѣніе къ пастырю женскихъ сердець возбуждало язвительные толки и пересуды среди развращенныхъ людей міра сего.

Но эта сатанинская клевета не могла пошатнуть благодатной твердыни великаго избранника Божія, который все больше и больше сіялъ небесной мудростью и прозорливостью, восходя отъ силы въ силу.

Тихо, радостно текла общая жизнь подъ покровомъ Царицы Небесной, при служеніи великаго пастыря. 18 лѣтъ священствовалъ онъ въ этой церкви, неустанно спасая, обновляя и возрождая приходящихъ къ нему.

Промыслу Божию угодно было перевести пастыря въ Архангельскій Соборъ для поставленія свѣтильника на свѣщницѣ.

Горько было паствѣ разставаться съ любимой маленькой церковью, но вся она перешла вмѣстѣ съ батюшкой въ Соборъ, въ полной убѣжденности, что необходимо неотступно слѣдовать за пастыремъ и дорожить его благоговѣйнымъ служеніемъ.

Архангельскій соборъ, дотолѣ мрачный и почернѣлый, вдругъ засіялъ и наполнился молящимися.

И здѣсь, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, пастырь проявлялъ пламенную ревность о спасеніи пасомыхъ. Онъ непрестанно внушалъ своей паствѣ о необходимости возможно частаго приобщенія св. Таинъ.

Послѣ столь усердныхъ пастырскихъ трудовъ Господь призвалъ его къ великому духовному подвигу, такъ сказать, схимѣ—слѣпотѣ. Пастырь оставилъ служеніе при храмѣ и, 6 лѣтъ пребывая въ тяжеломъ, томительномъ подвигѣ, умолялъ Господа простить и помиловать грѣшный, погибающій народъ.

А паства, рыдая и скорбя вмѣстѣ съ пастыремъ, направля-

лась къ его скромному домику и неоскудно получала отъ пастыря руководство и наставленіе.

Прошли эти 6 лѣтъ... и не стало пастыря на землѣ. Отлетѣла праведная душа въ райскія обители, душа, всей своей страдальческой, труженнической жизнью неустанно прославлявшая Своего сладчайшаго Господа, неустанно стремившаяся на благо и спасеніе ближнихъ.

Вотъ кто былъ нашъ дорогой хранитель-батюшка. Мірѣ не знаетъ еще виолнѣ о его великихъ сокровенныхъ заслугахъ, но впоследствии все будетъ явлено и раскрыто.

Широкій кругъ его духовныхъ дѣтей, видѣвший несчетное множество случаевъ его чудесъ и исцѣленій, его благодатной мольбы ко Господу, пожелалъ теперь печатно открыть это духовное богатство всѣмъ православнымъ христіанамъ для ихъ назиданія и утѣшенія, а также по чувству глубокой благодарности и признательности къ престопамятному пастырю.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ пастырской охраны и почительности.

Матрена Андреевна Руднева рано лишилась мужа, оставшись безъ всякихъ средствъ съ 2-мя малолѣтними дѣтьми. Господь помогъ ей устроиться въ Бахрушинскій вдовій домъ. Послѣ смерти мужа она очень скорбѣла и, хотя была хорошей портнихой, но отъ великой скорби не могла приняться за работу. Наконецъ, впала въ такое отчаяніе, что нигдѣ не находила себѣ мѣста, только все и ходила на кладбище, на могилку своего мужа. Видя ее въ такомъ состояніи, сосѣдка ея Матрена Антоновна, стала ей совѣтовать сходить къ батюшкѣ отцу Валентину, говоря, что онъ великій пастырь и что онъ облегчитъ ея скорбь; но она все отговаривалась тѣмъ, что ей и некогда и незачѣмъ идти къ нему, ибо ей никто не сможетъ помочь. Такъ прошелъ весь Петровскій постъ. Наконецъ, въ субботу, наканунѣ Петрова дня, Матрена Антоновна приходитъ къ ней и настоятельно зоветъ ее пойти завтра къ батюшкѣ причаститься, говоря, что въ такой большой праздникъ она все равно не будетъ работать. Руднева

отговаривается тѣмъ, что у нея нѣтъ денегъ. Матрена Антоновна даетъ ей 40 коп., присовокупляя, что батюшка все равно не беретъ за исповѣдь; та, чтобы отдѣлаться отъ докучливой сосѣдки, на другой день идетъ съ ней въ Соборъ, причемъ намѣревается незамѣтно уйти оттуда, такъ какъ не чувствуетъ никакого желанія исповѣдываться; но, какъ она ни старается ускользнуть незамѣтно, всѣ какъ нарочно удерживаютъ ее и заставляютъ пробраться впередъ.

Наконецъ, Матрена Антоновна выходитъ съ исповѣди; какимъ-то способомъ образуется широкая дорога, и Руднева принуждена пройти въ исповѣдальню. Все-таки, не желая показываться батюшкѣ на глаза, она пробирается назадъ и становится около образа св. Александра Невского. Вдругъ батюшка отворяетъ дверцу въ исповѣдальню и, громко произнося: «раба болящая, подойди сюда», прямо обращаетъ свой взоръ въ ея сторону. Матрена Андреевна разомъ какъ-то вся холодѣетъ, но, не понимая, что пастырь требуетъ именно ее, стоитъ, не трогаясь съ мѣста.

Тогда батюшка вторично громко вызываетъ ее и прямо устремляетъ глаза на нее: «Подойди же сюда, я тебя требую», произносить онъ опять.

Дрожащая, взволнованная идетъ она на исповѣдь къ батюшкѣ, все еще не очнувшись отъ изумленія. Батюшка велитъ ей встать на колѣни передъ аналоемъ и молиться преподобному Саввѣ, прибавляя: «а я пойду за тебя передъ престоломъ молиться» и оставляетъ ее одну.

Рудневу вдругъ охватываетъ непонятное ей чувство мирной духовной радости, вдругъ нисходящей на нее отъ дѣйствія благодати Святого Духа.

А пастырь стоитъ у Престола, всей горячностью своей вѣры и любви ко Господу испрашивая милосердіе и заступленіе несчастной, одинокой, скорбной вдовѣ, которая, вся истомившаяся среди холодныхъ опасныхъ волнъ житейскаго моря, уже была близка къ вѣчной гибели и мученію.

И внявъ милосердый Господь горячей молитвѣ Своего пра-

ведника; все исчезло: и безутѣшная скорбь, и уныніе, и слабость и маловѣріе... Женщина, какъ найденное въ снѣжномъ сугробѣ замерзающее дитя, разомъ стала согрѣваться лучами вѣры и благодати, воспринимая жизненные силы, радость и энергію. Теперь уже не безнадежность и горькое безутѣшное горе охватывало ея душу, а стремленіе къ труду, любовь и нѣжность къ покинутымъ несчастнымъ сироткамъ—дѣтямъ, которыя совсѣмъ, было, захрипѣли безъ материнскихъ заботъ и ласки, печально увядая среди чуждыхъ, непривѣтливыхъ людей.

И вотъ, вся возрожденная, вновь ожившая, вдова стояла у аналоя, еще не понимая, что такое съ ней творится, почему такъ тепло и отрадно сдѣлалось у ней на душѣ, почему все стало привѣтливо и радостно.

Батюшка, глубоко понимая ея духовное настроеніе, радовался, что милосердый Господь внялъ его просьбѣ и спасъ несчастную душу отъ неминуемой духовной гибели; пастырь самъ перечислилъ ея грѣхи и сказалъ: «я все знаю, вотъ сегодня приобщимся и полетимъ домой». Дѣйствительно, приобщившись святыхъ Таинъ, она какъ на крыльяхъ полетѣла домой. Что же!.. приходитъ она, а дѣти, какъ бы уже извѣщенные о ея счастьѣ и возрожденіи, радостно встрѣчаютъ ее съ чаемъ.

Матрена Андреевна стала съ тѣхъ поръ часто ходить въ Соборъ съ дѣтьми; батюшка и ихъ принялъ подъ свою милостивую охрану и часто сталъ приобщать ихъ святыхъ Таинъ.

Жизнь семейства совсѣмъ перемѣнилась, мать стала усердно работать, доставляя тѣмъ безбѣдное существованіе и себѣ и дѣтямъ.

Такъ прошло нѣкоторое время спокойной радостной жизни.

Это было необходимо для подкрѣпленія унавшихъ силъ и здоровья, ибо впереди предстояла борьба съ новыми трудностями и испытаніями.

Приходитъ Матрена Андреевна разъ въ Соборъ съ дѣтьми, а батюшка и говоритъ: «крестъ ворочается и надолго». Дѣйствительно, опять началась трудная, тяжелая жизнь. Господь, под-

крѣпивъ ихъ радостями и спокойствіемъ, требоваль вновь отъ нихъ терпѣнія и безропотнаго перенесенія скорбей и болѣзней.

Заболѣла у ней дочь Тоня, заболѣла очень опасно, нѣсколько дней не принимала никакой пищи; приглашенъ былъ докторъ, который, осмотрѣвъ больную дѣвочку, сказалъ фельдшеру: «не могу понять, что за болѣзнь».

Наступила батюшкина недѣля; вдругъ больная говоритъ: «мама, пойдѣмъ къ батюшкѣ», говоритъ такъ твердо и настойчиво, что дѣвочкѣ нельзя было отказать въ ея желаніи. Мать одѣла ее и потихоньку пошла съ ней въ Соборъ; гдѣ несла ее, гдѣ дѣвочка шла сама. Наконецъ, пришли онѣ въ Соборъ. Матрена Андреевна подвела ее къ святой иконѣ Благовѣщенія и поставила дочку около Нея. Тогда Тоня и говоритъ: «иди мама, сама станюпись на исповѣдь, а я и одна побуду». Отошла она, оглянувшись, а дочка ея уже спокойно стоитъ на ногахъ. Батюшка вскорѣ вышелъ, сталъ искать глазами дѣвочку и сказалъ: «гдѣ тутъ больная дѣвочка»? Онѣ подошелъ къ ней, далъ ей Образочекъ Спасителя, обласкалъ ее, затѣмъ причастилъ святыхъ Таинъ, и дѣвочка бодро пошла съ матерью домой, совсѣмъ веселая и здоровая.

Пошли онѣ разъ въ Соборъ подъ праздникъ Рождества Богородицы, батюшка подошелъ къ Сѣвернымъ дверямъ и сказалъ: «какой дифтеритъ, какая скарлатина». И что же! въ этотъ годъ 200 дѣтей въ ихъ домѣ умерло отъ дифтерита и скарлатины; Тоня тоже заболѣла, но выздоровѣла по святымъ молитвамъ батюшки.

Пришли онѣ разъ съ Матреной Антоновой въ соборъ, батюшка ихъ благословилъ и мимоходомъ промолвилъ: «а вы смерть не видите»? и вскорѣ Даша изъ Рогожской умерла въ Соборѣ около образа Царицы Небесной «Благодатное Небо»; батюшка подошелъ къ ней, благословилъ и сказалъ: «дай, Господи, и мнѣ такую смерть получить», показавъ всѣмъ, что кончина ея была христіанская, непостыдная.

Однажды Рудневой не удалось получить благословенія отъ

батюшки въ Соборѣ; какъ ни старалась она пробраться сквозь толпу, никакъ не могла; съ великой грустью вышла она изъ Собора, подошла къ воротамъ и въ сильномъ уныніи остановилась посмотрѣть, какъ батюшка проѣдетъ. Вотъ ѣдетъ и батюшка... Она поклонилась. Но развѣ могъ дорогой любвеобильный пастырь видѣть чужое горе? Духомъ прозорливости онъ понялъ ея скорбь и сейчасъ же восхотѣлъ утѣшить и усюкоить взволнованную вдову. Онъ быстро приказалъ кучеру остановиться и благословилъ ее, исполнивъ счастьемъ и отрадой все существо вѣрующей женщины.

Мужъ ея почти и не ходилъ къ батюшкѣ, но тоже получилъ въ своей жизни чудесное указаніе о благодатномъ величіи сего пастыря. Былъ онъ долгое время безъ мѣста и много скорбѣлъ, ибо, не имѣя сильной вѣры и упованія на Господа, не могъ духовно возноситься въ горячей мольбѣ къ Нему. И вотъ Матрена Андреевна проситъ своего мужа пойти въ храмъ «Нечаянной Радости», говоря, что тамъ батюшка можетъ утѣшить его и помолиться за него. Мужъ соглашается идти туда и говорить: «къ Нечаянной Радости пойду, а къ батюшкѣ не подойду». И вотъ послѣ молебна подходитъ онъ къ Кресту и слышитъ отъ батюшки слова: «Насъ нынче Царица Небесная нечаянно обрадуетъ». Изумленный Рудневъ подходитъ къ женѣ и спрашиваетъ ее: ты ничего не говорила про меня батюшкѣ? Почему это онъ мнѣ такъ сказалъ? Мнѣ теперь такъ хорошо и спокойно, точно я хорошее мѣсто получилъ».

Пошли они домой, около ихъ квартиры былъ садикъ; только что вошли они въ садъ, видятъ, какой то мужчина дожидается ихъ; отворили ему дверь, а онъ и говоритъ: «вотъ сколько времени васъ ищу, здравствуйте», потомъ, обращаясь къ Рудневу, прибавляетъ: «я за тобой пріѣхалъ, поѣдемъ въ Богородскъ, можетъ, Богъ дастъ, и мѣсто получишь». Поѣхали. Въ 12 час. ночи возвратился Рудневъ домой ликующій, радостный и возвѣстилъ женѣ, что поступилъ на мѣсто. На другой день онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Вотъ какъ дѣйствительно обрадовала его Царица Небесная, о чемъ предрекъ пастырь, проявивъ свою дивную прозорливость.

Пришла разъ Матрена Андреевна съ дѣтьми въ исповѣдальню. Въ исповѣдальнѣ всегда было очень много народу, всѣ стремились впередъ къ пастырю, чтобы попасть къ нему на исповѣдь; вполне понятно, что дѣтей безцеремонно стали толкать и давить; бѣдные дѣтки, попавъ въ такую толпу, никакъ не могли выбраться изъ нея и стали плакать, какъ слабенькія, безпомощныя созданія, не имѣя возможности отразить столь сильный натискъ. Тогда батюшка отворилъ дверцу въ исповѣдальню и явился ангеломъ-утѣшителемъ бѣдныхъ дѣтокъ. «Плачущія, идите сюда», громко возгласилъ онъ, раздвигая толпу, «идите сюда, что? наплакались»? утѣшилъ онъ ихъ, духомъ узнавъ о ихъ «плачевномъ» состояніи. Онъ взялъ ихъ на исповѣдь, облагаль и сказалъ: «вы зачѣмъ пришли? Что вы плачете?! вамъ узкій путь. А вы знаете, къ чему узкій путь ведетъ? Послѣ этого вамъ будетъ легко». Такъ утѣшалъ и вразумлялъ дѣтокъ любвеобильный пастырь, заставивъ ихъ прочесть молитвы: «Богородица» и «Отче Нашъ».—Дѣти пошли утѣшенныя и счастливыя.

Матрена Андреевна передаетъ еще слѣдующій случай прозорливости пастыря. За Анну Григорьевну сватались 2 жениха Георгій и Александръ. Спросили батюшку, за кого онъ благословить отдать ее. Батюшка отвѣтилъ: «за Георгія не благославляю, жди Александра», но она не послушалась и вышла за Георгія. И что же! 5 лѣтъ прожила она съ мужемъ очень плохо, потомъ, къ довершенію всѣхъ бѣдъ и ужасовъ, мужъ ея покончилъ съ собой самоубійствомъ.

Одну ея знакомую уговаривали идти къ батюшкѣ, но та отвѣчала: «намъ некогда, намъ нужно дома сидѣть, дѣла дѣлать». Наконецъ, уговорили ее, она согласилась; отправилась; подходитъ къ батюшкѣ, онъ благословляетъ ее и говоритъ: «дома

больше сиди, дѣточка», повторяя ея собственныя слова о необходимости сидѣть дома.

Вотъ что сообщаетъ намъ семья Куманиныхъ *).

Это было во второй половинѣ 19-го столѣтія. Марія Θεодорова, дочь богатыхъ помѣщиковъ Ярославской губерніи, весело проводила свою дѣвическую жизнь. При красотѣ и богатствѣ пользовалась она всеобщей любовью и похвалами. Свѣтская, изнѣженная, выхоленная родителями, она сіяла на высотѣ свѣтской пышности и славы. Свѣтскій баловень, она царила на увеселеніяхъ и балахъ, привлекала всѣхъ своей красотой и элегантностью, такъ что часто въ первой парѣ открывала балы. Ей предстояла богатая счастливая жизнь, полная всевозможныхъ утѣхъ и наслажденій. Большое состояніе родителей давало возможность выбрать себѣ хорошаго спутника жизни и вмѣстѣ съ нимъ проводить свои годы въ полномъ довольствѣ и счастіи. Но такая изнѣженная жизнь, чуждая тревогъ и страданій, не воспитывала души; такая жизнь, полная всевозможныхъ утѣхъ и удовольствій, могла бы совсѣмъ притушить сердце, сдѣлать его неспособнымъ для духовной, христіанской жизни. Свѣтская барышня, въ разгарѣ удачъ и блеска, являлась малымъ ребенкомъ въ духовной жизни, не понимающимъ божественныхъ красотъ, не сознающимъ необходимости духовныхъ подвиговъ.

И вотъ милосердый Господь, по Своему неизреченному челоуѣколюбію, дивно перемѣнилъ ея жизнь, чтобы бѣдную душу, лишленную духовной отрады и умиленія—страданіями умягчить и воспитать духовно и тѣмъ приблизить къ Себѣ и сдѣлать способною къ воспріятію иныхъ наслажденій духовнаго, неземнаго свойства. Посватался за молоденькую красивую дѣвушку-невѣсту богатый купчикъ. Согласіе родителей было дано. Молодая чета поселилась въ Москвѣ, удивляя родныхъ и знакомыхъ своей красотой и богатствомъ. Молодой мужъ, при всей любви къ женѣ, все-таки не могъ сдержать своей буйной удали, развѣзжалъ на богатыхъ

*) Прѣсня, домъ Низовой, кв. № 33.

рысакахъ и постоянно присутствовалъ на скачкахъ. Своимъ не-
удержимымъ молодымъ разгуломъ онъ удивлялъ Москву, щедро
раскрывалъ свой бумажникъ на удовлетвореніе всевозможнымъ
прихотямъ и уладамъ. Первые годы проходили вполне счастливо
и радостно; два огромныя состоянія, соединившись вмѣстѣ, пред-
ставляли настолько солидное обезпеченіе, что вполне можно было
разсчитывать на его прочность и устойчивость. Мужъ преспокойно
подходилъ къ гостепріимной «конторкѣ», захватывалъ изъ нея
солидныя суммы денегъ и тратилъ ихъ въ «свое удовольствіе».
Результаты такой неправильной жизни скоро сказались.

Родился первенецъ мальчикъ. Родители выростили его въ
полной роскоши и изнѣженности. Приглядываясь къ дѣйстви-
ніямъ своего папаша, сынокъ счелъ за необходимое, какъ это
всегда свойственно дѣтямъ, подражать отцу. И вотъ, однажды,
не спросясь родителей, онъ преспокойно подобрался къ соблаз-
нительной «конторкѣ» и, захвативъ нужную сумму денегъ, скрыл-
ся съ нею, чтобы дать этимъ деньгамъ надлежащее употребле-
ніе. Пропалъ сынокъ, достойное дѣтище своего отца и своимъ
внезапнымъ исчезновеніемъ впервые принесъ великое страданіе
несчастной матери.

9 долгихъ мучительныхъ мѣсяцевъ не осушала несчастная
Марія Федоровна своихъ глазъ, 9 мучительныхъ мѣсяцевъ бро-
салась она туда и сюда, не зная куда направиться, къ кому
обратиться, чтобы отыскать пропавшаго сына. Сколько тревогъ,
мучительныхъ бессонныхъ ночей было пережито за это время—
и пересказать невозможно.

Вотъ тутъ только пришлось узнать впервые, что не всегда
жизнь скользитъ по гладкой, пріятной поверхности, бываютъ
иногда и рытвины, которыя своими страшными, ухабистыми тол-
чками, могутъ принести мучительное страданіе и потому. Тутъ
только впервые было понято, что нельзя беззаботно прозябать
въ пустыхъ забавахъ, что есть Великая Несокрушимая Сила, ко-
торая можетъ мгновенно согнуть, принизить человѣка и съ вы-
соты воздвигнутыхъ имъ твердынь богатства и величія—сверг-

нуть въ пропашть горя и ничтожества. Позналось Всемогущество Божіе, стала ощущаться жажда благодатной помощи, душа начала искать выхода изъ своей тоски и томленія. Куда бѣжать? Къ кому обратиться?

И, вотъ, истомленной, страдающей душѣ матери посылается облегченіе.

Крестная ея сына—Павлова, видя ея горькую тоску и муку, посоветовала ей сходить въ церковь «Нечаянной Радости», говоря, что тамъ есть хорошій священникъ, который утѣшитъ ее и укажетъ ей средство какъ «выпутаться изъ бѣды»,—(до матери дошли слухи, что сынъ ея попалъ въ политическую шайку). Марія Федоровна пошла въ указанную церковь, подошла къ батюшкѣ за благословеніемъ и сказала ему о своемъ горѣ. Батюшка, благословилъ ее, прижалъ ея руку къ ея сердцу и сказалъ: «терпи, неси крестъ до гроба своей жизни». Марія Федоровна не удовлетворилась этими словами: она не услышала ни совѣта, ни указанія, что ей дѣлать и куда обратиться, чтобы спасти пропавшаго сына. Материнское сердце терзалось неудержимыми страданіями за своего сына, неизвѣстностью объ его участи, изнывало въ продолжительныхъ тревогахъ. Каково было несчастной матери послѣ такого довольства и послѣ всеобщаго баловства и похвалъ, переживать материнскую горестъ объ ужасной участи своего сына, каково было ей ежеминутно ждать роковой вѣсти объ его смерти или заточеніи! Это было такъ ужасно, непосильно, мучительно! Молиться и получать утѣшеніе глубинной горячо вѣрующаго сердца она еще была не способна, такъ какъ лишена была духовнаго воспитанія и не могла всецѣло возложить свое упованіе на премудрость и благость Творца Промыслителя, все устрояющаго къ нашему благу и спасенію, Творца безъ воли Котораго и одинъ волосъ не упадетъ съ головы нашей. И вотъ бѣдная мать опять рѣшилась обратиться къ батюшкѣ и стала дожидаться его на горкѣ, причемъ горько и неудержимо плакала.

Любвеобильный и сострадательный пастыръ не могъ оттол-

кнуть такой скорби матери,—онъ ласково благословилъ ее и спросилъ: «чего же ты плачешь»? Тогда Марія Федоровна какъ бы съ укоромъ замѣчаетъ батюшкѣ: «что же вы мнѣ ничего не сказали»? намекая ему, что она просила у него совѣта и указанія, обращалась къ нему съ надеждой услышать про своего сына, но ничего не услышала отъ пастыря.

Пастырь съ великой лаской и любовью обращается къ ней, вполне понимая, каково ей испытывать страданіе матери при такой неизвѣстности, и говорить: «Какже я тебѣ ничего не сказалъ? я тебѣ все сказалъ». Марія Федоровна, продолжая высказывать горе своей души, желаетъ вызвать у пастыря большее сочувствіе своей скорби и говорить: «вѣдь мнѣ его жалко, онъ у меня первенецъ!»! Батюшка на это замѣчаетъ ей: «Какая же ты была бы мать, если бы тебѣ не было жалко своего дѣтища»? (это было около Спасскихъ воротъ). Потомъ оборачивается на церковь «Нечаянной Радости», говоритъ: «ходи почаще сюда; тебѣ здѣсь будетъ полегче» и уѣзжаетъ.

Однакоже сынъ не возвращается... Марія Федоровна идетъ опять къ батюшкѣ и становится на исповѣдь. Батюшка вскорѣ же беретъ ее исповѣдывать, ласкаетъ ее, слегка сжимаетъ ея голову и говоритъ: «много ты страдала; всего не упомнишь; голова слабая, вѣтеръ подулъ, все и пропало», намекая, что еще долго житейскій вѣтеръ будетъ колыхать ее по свѣтскому теченію и не дастъ ей плыть правильнымъ путемъ къ блаженной, духовной пристани.

И вотъ радость! Вскорѣ же появляется ея сыночекъ цѣлымъ и невредимымъ!

На радостяхъ опять все забывается: и храмъ «Нечаянной Радости», и добрый, ласковый пастырь, и исповѣдь, и молитва. Жизнь опять полетѣла потокомъ неудержимыхъ радостей и удовольствій. Блескъ, богатство, театры, балы—все это опять стало смѣняться веселой, пестрой чредой, другъ передъ другомъ, услужливо, тѣшить душу и катить ее по скользкому, опасному пути житейской суеты.

Пошли дѣти—дѣвочки, которыя своимъ милымъ лепетомъ и

дѣтскими шалостями еще болѣе доставляли развлеченія. Тутъ совсѣмъ некогда было думать о духовномъ, молитвенно углубляться и сосредоточиваться. Гдѣ тутъ ходить въ церковь, когда такъ много хлопотъ и домашней суеты? гдѣ тутъ думать о храмѣ и молитвѣ, когда надо наряжать маленькихъ, живыхъ куколокъ, украшать ихъ изящныя фигурки цѣлыми воланами кружевъ и лентъ; богатство не даетъ духовной свободы: оно само стремится къ господству надъ человѣкомъ, властно обвиваетъ тонкими, цѣвкими нитями свою жертву, не выпуская ее изъ своего опаснаго, одуряющаго плѣна. Гдѣ тутъ молиться, когда разгульный мужъ, давъ волю своему пылкому темпераменту, весь домъ поднималъ на ноги своими причудливыми затѣями? Любитель охоты, онъ завелъ хорошую псарню и постоянно, то на скачкахъ, то на охотѣ, волновалъ молодую жену страхомъ за его жизнь и безопасность. Стрѣлой примчится, онъ, бывало, къ дому на измученныхъ, разгоряченныхъ скакунахъ и, посѣтивъ «конторку», снова мчится удовлетворять молодымъ порывамъ.

Забытъ ласковый батюшка, забытъ его наказъ бывать въ церкви «Нечаянной Радости». Такъ быстро пролетаютъ 10 лѣтъ.

Но всему приходитъ конецъ.

Кончилось ровное неудержимое веселье, кончилась пора свободы и радостей. Непрошенная страшная гостья—болѣзнь вдругъ вкралась въ богатую семью, разомъ похитивъ счастье и веселье.

Безпрерывный гулъ свѣтскихъ, шумныхъ увеселеній, охота, поѣздки—все это пошатнуло здоровье Виктора Климентьевича Куманина. Изъ крѣпкаго, бурнаго, неудержимаго наѣздника, онъ быстро сталъ превращаться въ слабаго, безсильнаго больного человека. Скоротечная чахотка съ водяной незамѣтно подкралась къ нему и начали подтачивать когда то могучій организмъ, какъ бы всецѣло приспособленный къ неустанному движенію и скаканію.

Прежній силачъ, искусный охотникъ, сталъ быстро превращаться въ хилаго страдальца.

Вполнѣ погрязнувъ въ житейской суетѣ и эгоизмѣ, онъ совершенно былъ незнакомъ съ требованіями духа, ибо давно уже вы-

черкнулъ духовные принципы изъ своего разума и совѣсти. Господь съ Его всеблагимъ промысломъ былъ далекъ отъ пониманія этого человѣка, который уже 4 года не говѣлъ до періода своей болѣзни. Даже дѣтей онъ воспитывалъ по своему ложному шаблону и не пускалъ ихъ въ церковь, такъ что мать, понимая, какъ необходима малымъ дѣткамъ всеспасительная благодать храма Божьяго, бывало, украдкой водила ихъ туда.

Такъ прожита жизнь, неправильная, будоражная, неразумная; мало годовъ протекла она, но зато сколько денегъ, богатства унесла она съ собой, сколько пережито ненужныхъ, глухихъ и даже грѣховныхъ тревогъ, хлопотъ и волненій!

Молодая жена, понимая опасность состоянія своего мужа, видя, что онъ можетъ погибнуть въ своей духовной окаменѣлости, вдали отъ Господа, онъ Его благодати и всепрощенія,—начинаетъ уговаривать мужа поговѣть; тихонько, исподволь, любяще старается она вразумить его, давая ему понять, что, въ случаѣ своей нераскаянности, онъ можетъ получить вѣчное осужденіе. Но очерствѣлый Куманинъ не хочетъ и слышать о такомъ незнакомомъ ему духовномъ врачевствѣ; онъ рѣзко обрываетъ жену словами: «когда умирать буду, успѣю, тогда все и справлю», отдаляя отъ себя самую мысль о скоромъ разставаніи съ жизнью, ибо онѣмѣвшее сердце человѣка, само по себѣ не можетъ придти къ свѣту и покаянію. Нужна высшая спасительная благодать, которая могла бы расплавить ледяную оболочку развращенной души и благостно зажечь въ ней лучезарный свѣточъ горячей вѣры и любви ко Господу.

Пожалѣлъ милосердый Господь бѣдную душу, Онъ восхотѣлъ ее освятить, убѣлить, украсить всѣми радостями блаженнаго покаянія и примиренія, чтобы душа въ чистотѣ и блескѣ могла предстать ко Господу и своимъ хотя малымъ, но всецѣлымъ, искреннимъ покаяніемъ получить награду помилованія.

Марія Федоровна идетъ къ своимъ хорошимъ знакомымъ Леоновымъ посовѣтоваться, что ей дѣлать. Леоновы посылаютъ ее въ церковь «Нечаянной Радости», говоря, что въ Москвѣ есть

одинъ великій молитвенникъ; къ нему и надо обратиться—онъ поможетъ.

Но Марія Федоровна не рѣшается идти туда, говоря, что она прежде уже бывала у того батюшки, но теперь онъ не приметъ ее, такъ какъ она не исполнила его наказа и 10 лѣтъ не ходила въ ту церковь. Леоновы, однако, настаиваютъ, чтобы она непременно сходила. Послушалась она; пошла къ батюшкѣ; подходитъ къ нему и говоритъ: «батюшка у меня мужъ больной, 4 дѣтей, не знаю, что и дѣлать, дѣла упадаютъ». А батюшка ей на это замѣчаетъ: «Мужъ больной, онъ не сейчасъ боленъ, онъ уже 4 года *) больной—показывая ей, что онъ 4 года лишалъ себя благодати и тѣмъ заслужилъ праведный гнѣвъ Божій,—«а я тебя первый разъ вижу. Гдѣ ты раньше была? ты не могла нажать больного мужа и 4 дѣтей».—Этимъ онъ упрекать ее за то, что она не послушалась его и не ходила молиться сюда, въ храмъ «Нечаянной Радости».

Описанная бесѣда происходила въ Ноябрьрѣ, передъ днемъ Ангела ея мужа; на другой день пошла Марія Федоровна опять къ батюшкѣ и стала просить его, чтобы онъ помолился за ея мужа и привелъ бы его къ себѣ на исповѣдь. Батюшка сказалъ ей: «пойди, приведи твоего мужа, скажи, что я велю ему придти ко мнѣ».

Смущенная Марія Федоровна недоумѣваетъ, какъ ей привести своего мужа, когда онъ такъ рѣзко отклонялъ всѣ ея просьбы и убѣжденія.

Однако же, она рѣшается передать мужу приказъ батюшки, вполне увѣренная, что упорная окаменѣлая натура мужа не откликнется на такой нежелательный для себя наказъ. Каково же было ея изумленіе, когда она видитъ, что мужъ ея, несмотря на все свое упорство и духовное оупѣніе, какъ бы противъ своей воли, подъ дѣйствіемъ чьего то высшаго требовательнаго приказа, соглашается идти къ батюшкѣ. Съ большимъ трудомъ, съ

*) Т.-е., 4 года не говѣлъ.

большимъ неудовольствіемъ, съ ропотомъ,—однако, идти, такъ какъ не смѣетъ ослушаться этого высшаго велѣнія.

Но врагъ не хочетъ такъ скоро выпустить изъ рукъ заманчивую жертву. Какъ! Онъ такъ долго и тщательно трудился надъ ней, и вдругъ потерять ее, отдать на посмѣяніе себѣ, для торжества добра и правды. Нѣтъ! надо придержать ее и попытаться остановить на пути грѣха и паденія. И вотъ на пути къ батюшкѣ, больной преспокойно принимается за папирсы, начинаетъ курить, какъ бы ограждая тѣмъ себя отъ возможности приступить къ Пребожественной Святѣйшей Чашѣ Христовой.

Но пастырь—вѣрный духовный стражъ, цѣлитель испорченныхъ, погибающихъ душъ—силой своей любви и благодати любяще принимаетъ къ себѣ несчастнаго, духовно и тѣлесно страдающаго человѣка и такъ обильно озаряетъ его лучами свѣта и небесной благодати, что сразу вырываетъ изъ пропасти грѣха и паденія и возрождаетъ духовно. Кто бы могъ подумать, что этотъ циникъ-человѣкъ, столько лѣтъ закоптѣвшій въ свѣтскомъ чаду, непрестанныхъ, неудержимыхъ скачкахъ и веселіяхъ—сразу смогъ воспринять благодатную силу раскаянія и просвѣтленія, порвать все съ прежней пошлостью и суетой?! Кто бы могъ подумать, что этотъ кремень-человѣкъ, привыкшій укрощать буйныхъ, необузданныхъ лошадей, закаленный, властный, неукротимый—зарыдалъ, какъ малое безпомощное дитя, только при первыхъ благодатныхъ словахъ пастырской любви и ласки!

Да! онъ рыдалъ самыми неудержимыми, самыми искренними рыданіями сокрушенія и раскаянія, полнѣйшаго сознанія своей грѣховности, сожалѣнія о глупо и безцѣльно проведенной жизни!

Здѣсь онъ впервые понялъ весь ужасъ своего грѣховнаго проважденія времени, весь ужасъ своей погони за призрачнымъ миражемъ счастья!!

Вотъ какъ совершился этотъ благодатный, спасительный переворотъ. Пришелъ Куманинъ въ храмъ и остановился вмѣстѣ съ женой ожидать батюшку.

Привзжаетъ батюшка, подходитъ къ нему, торжественно беретъ его за руку, ведетъ въ церковь и говоритъ: «Викторъ побѣдитель, иди врага побѣждать».

Эти слова разомъ воспламенили совѣсть уже потухающую въ чловѣкѣ искорку Божию, зажгли все существо его такимъ тепломъ и духовной отрадой, что сухой безчувственный чловѣкъ сразу ожилъ и воскресъ. Да, онъ воскресъ отъ своего ужаснаго, загроубѣлаго состоянія—духовной смерти, онъ сразу сбросилъ многолѣтнее, тяжкое, давящее бремя невѣрія и, зарыдавъ на всю церковь неудержимыми спасительными воплями, тѣмъ далъ понять всѣмъ, какой въ церкви былъ великій пастырь, однимъ только своимъ словомъ могущій сразу погасить многолѣтнее пламя разныхъ пороковъ и заблужденій.

Воскресла душа, сбросивъ невѣріе и облеклась въ чистую одежду живой, горячей вѣры, спасительнаго смиренія и сокрушенія.

Батюшка беретъ его на исповѣдь, удостоиваетъ Святого Приобщенія, потомъ, подведя его къ взволнованной, растроганной женѣ, говоритъ: «представляю вамъ его молодцомъ; онъ у насъ сразу помолодѣлъ; я его постараюсь на тепленькое мѣстечко устроить». Эти слова батюшки невольно заставляютъ призадуматься Марію Θεодоровну. Какъ это на «тепленькое мѣстечко»? а торговля? а дѣла? Неужели все надо бросить и получить какое то новое «тепленькое мѣстечко». Загадочныя слова вскорѣ же объяснились. Батюшка давалъ понять ей, что супругъ ея близокъ къ смерти и долженъ готовиться къ отходу въ вѣчность.

Приобщившись святыхъ Таинъ, озаренный пастырскою благодатію, Викторъ Климентьевичъ, счелъ за необходимое также дѣтей своихъ привести къ пастырю и надѣлать ихъ духовною пищею приобщенія св. Таинъ.

На другой же день они съ женой забираютъ всѣхъ своихъ дѣтокъ и идутъ къ батюшкѣ.

Итакъ, вся семья по молитвамъ великаго пастыря возвращается въ лоно спасительной церкви Христовой и дѣлается рев-

ностной исполнительницей батюшкиныхъ совѣтовъ и наставленій.

«Какія большія», нѣжно ласкаетъ добрый пастырь маленькихъ дѣвочекъ, отечески радостно принимая ихъ подъ свою ласку и охрану.

Годъ проходитъ быстро, незамѣтно. Самъ Куманинъ 4 раза пріобщается у батюшки и, все больше и больше озаряясь спасительной благодатью, съ полной надеждой на милосердіе Божіе мало-по-малу готовится къ отходу въ вѣчность.

Наконецъ, подходитъ роковая минута. Укрощенный, смягченный, озаренный онъ все больше и больше слабѣетъ, таетъ; наконецъ, силы измѣняются ему, онъ уже не можетъ ходить въ церковь и остается въ постели. Чувствуя приближеніе смерти, Куманинъ приглашаетъ къ себѣ на домъ священника, 2 раза пріобщается на дому святыхъ Таинъ, послѣ чего выражаетъ желаніе пособороваться и тихо умираетъ въ вѣрѣ и глубокомъ христіанскомъ смиреніи.

Остается молодая неопытная вдова и 5 дѣтей. Что ей дѣлать? Какъ жить? состояніе—большое, но какъ уберечь его? какъ правильно жить при такомъ шаткомъ положеніи? Продолжать торговлю невозможно; нѣтъ достаточнаго умѣнія и опытности, на такое трудное, многосложное дѣло. На бѣду, единственная надежда матери—ея первенецъ сынокъ задумываетъ жениться, оставляя мать на произволь судьбы, безъ охраны и подмоги. Что тутъ дѣлать? Опять обращается Марія Федоровна къ батюшкѣ и говоритъ: «сынъ женится». Батюшка замѣчаетъ ей: «забудь его, какъ будто его и нѣтъ. Я тебѣ въ немъ не помогу». Дѣйствительно, сынъ женился, сталъ жить очень хорошо, завелъ свое собственное дѣло, но о матери совсѣмъ не сталъ заботиться, ничѣмъ не утѣшалъ ее и не помогалъ ей. Схоронивъ мужа, Марія Федоровна на другое утро вмѣстѣ съ дѣтьми пошла въ Соборъ. Подошли дѣтки къ Кресту; батюшка ихъ всѣхъ сгруппировалъ около себя и, обращаясь къ стоявшей тутъ княгинѣ Шаховской сказалъ: «вотъ, мои сиротки» и, прижавъ свой на-

персный крестъ къ сердцу, промолвить: «онѣ у меня здѣсь». Съ этого дня батюшка взялъ ихъ всѣхъ на свое полнѣйшее попеченіе, подъ свой пастырскій покровъ. Чтобы изъ свѣтскихъ изнѣженныхъ натуръ сдѣлать людей пригодныхъ къ правильной, христіанской трудовой жизни, необходима была ломка. Нужно было сначала закалить терпѣніе, развитъ чувство упованія на Господа, смиренное сознаніе своего ничтожества и слабосилія.

И вотъ пастырь принялся за великое, славное дѣло: онъ прогонялъ душевное расслабленіе, нерадѣніе, удалялъ многолѣтнюю пыль ненужныхъ суетливыхъ хлопотъ о внѣшнемъ лоскѣ и украшеніяхъ, а вмѣсто сего насаждалъ постепеннымъ, медленнымъ, зоркимъ уходомъ—ростки вѣры, добра и сердечности. Онъ шлифовалъ молодую натуру матери, непривыкшую къ надлежащему духовному режиму, обильно освящая ее благодатью Святого Духа. Онъ также выращивалъ, нѣжилъ и украшалъ малые хрупкіе цвѣточки—дѣтокъ, согрѣвая ихъ лучами ласки и любви.

Онъ не былъ для нихъ только пастыремъ, нѣтъ, онъ вполне замѣнилъ имъ самаго нѣжнаго, любящаго отца, стараясь уладить горечь ихъ тяжелаго положенія. Горе постепенно забывалось. Радостными птичками дѣтки летѣли въ Соборъ, получая отъ пастыря благодатное освященіе въ святомъ, божественномъ Таинствѣ.

Легко сказать, 4 дѣвочки были на полномъ попеченіи батюшки; надо было ихъ правильно развитъ, умудрить, твердо насадить въ нихъ сѣмена правды, нравственности и благочестія.

И вотъ 4 неоперившихся птенчика порхаютъ и веселятся около своего ненагляднаго батюшки, вполне счастливыя и довольныя.

На 9-й день послѣ смерти отца подходитъ старшая дѣвочка Оля за всеюнощной къ Евангелію; батюшка благословляетъ ее и говоритъ: ну, что дѣточка, отца похоронили? «Да, похоронили, отвѣчаетъ дѣвочка. Тогда батюшка осѣняетъ себя знаменіемъ Креста и произноситъ: ну, и слава Богу», давая ей понять, что

онъ радуется, что ему удалось спасти отца и привести его ко Господу, хотя при концѣ его жизни.

Марія Ѳеодоровна съ дѣтьми постоянно ходила къ батюшкѣ на его службы, во всемъ слушалась его совѣтовъ; безъ благословенія батюшки ничего не предпринималось.

Предстоялъ трудный, важный вопросъ, какъ жить, что предпринять? Были еще деньги, было еще много драгоценныхъ вещей, но надолго ли устоитъ все это при шаткомъ неопытномъ положеніи вдовы, надолго ли хватить сбереженій, если они неудержимо потекуть на то, чтобы жить и кормиться. Торговля покончилась, доходы прекратились, а расходы быстро стали истощать запасныя деньги и вещи. Марія Ѳеодоровна обращается къ батюшкѣ и говоритъ: «какъ мнѣ теперь жить, вѣдь у меня и имѣніе есть и домъ». Батюшка беретъ ее за руку, выводитъ на середину храма, противъ Царскихъ вратъ, подымаетъ взоръ кверху и произноситъ: «у тебя тамъ есть, а здѣсь ни въ Москвѣ, ни въ Ярославлѣ нѣтъ ничего».

Не зная на что рѣшиться, Марія Ѳеодоровна, наконецъ, проситъ у батюшки позволенія уѣхать съ дѣтьми въ Ярославль, говоря, что она сможетъ тамъ прожить безбѣдно въ имѣніи, но батюшка, обращаясь ко всѣмъ дѣвочкамъ, возражаетъ: «Мнѣ васъ жалко, я васъ отъ себя не отпущу», такъ что Марія Ѳеодоровна должна была остаться въ Москвѣ. Въ другой разъ батюшка, благословляя Марію Ѳеодоровну, указываетъ ей на дѣтей ея и произноситъ: «Какой у тебя садъ, какія розы, дѣти твои—стѣнна каменная, я утѣшаюсь ими».

И вотъ начинается новая тяжелая жизнь. Мало по малу распродается обстановка; цѣнныя, дорогія вещи распродаются за безцѣнокъ; появляются хитрые людишки, пользующіеся затруднительнымъ положеніемъ семьи, дешево скупающіе золото, драгоценности и наконецъ, мало-по-малу разоряютъ семью...

Вещи утекаютъ, а дѣтки не перестаютъ просить правильнаго питанія. Несчастливая вдова съ ужасомъ думаетъ о будущемъ, и дрожитъ за дальнѣйшее существованіе: 4 малютокъ и никого

изъ родныхъ на подмогу и подкрѣпленіе!.. При такой безвыходности положенія, она даже рѣшается младшую дочку помѣстить въ пріютъ и просить у батюшки на это благословенія. Но батюшка строго вразумляетъ ее: «Какъ тебѣ не стыдно, неужели у тебя не хватитъ на нее 10 коп.»?

Батюшка ревностно оберегалъ ихъ отъ постороннихъ, нагубныхъ знакомствъ, тѣмъ болѣе что дѣвочки быстро росли. Посему пастырь потребовалъ отъ Маріи Федоровны, ни съ жильцами не жить, ни въ жильцахъ, а жить только одной семьей. Приходилось снимать самыя маленькія квартирки, гдѣ нибудь на чердакѣ, въ холодѣ, въ сырости, въ убожествѣ. Дорогой неоцѣненный пастырь, несмотря на весь ужасъ такого помѣщенія, не гнушался посѣщать. Какъ яркое солнышко появлялся онъ въ маломъ убогомъ жилищѣ, надолго озаряя его лучами своей отеческой заботливости, надолго вселяя въ сердца бѣдныхъ дѣтокъ— радость и счастье. Не гнушались слабыя, болѣзненные ноги великаго труженика-пастыря восходить по спиральнымъ шаткимъ лѣстницамъ, въ маленькую каморку къ бѣднымъ, всѣми покинутымъ людямъ. Дорогой неоцѣненный батюшка съ великой лаской и заботливостью посѣщалъ семью.

Онъ понималъ, что избалованную натуру вдовы, мало знакомую съ дивными всесильными проявленіями Божія Промысла, надо было перевоспитывать и перерабатывать.

Нужно было горькимъ опытомъ показать ей ея ничтожество безъ Бога, нужно было заставить ее воочию убѣдиться, какъ все земное суетно, тлѣнно, чтобы, познавъ эту истину, она бы сознательно, съ полною вѣрою и любовію направилась къ Единному Источнику, вѣчному, прекрасному, всесильному, неизмѣнному.

И вотъ бывшая, гордая богачка, привыкшая повелѣвать и властвовать, доходитъ до положенія бѣдной, униженной, обездоленной женщины, не имѣющей по временамъ даже куска хлѣба. Можно понять, что испытывала несчастная вдова, видя голодающими своихъ малыхъ дѣтокъ; какъ терзалась ея душа въ тщетномъ желаніи выпутаться изъ такой ужасной нужды.

Чтобы скольконибудь утолить голодъ дѣтей, она рѣшается ходить въ дешевую столовую, гдѣ за 5 коп. получаетъ жалкую похлебку, но и это кушанье считается лакомымъ и сытнымъ... Почему же пастырѣ, при всей своей любви и щедрости, допускаетъ семью до такой бѣдности? Стоило бы ему молвить словечко, десятки услужливыхъ рукъ съ радостью бы, изъ-за благоговѣнія и любви къ нему, протянулись бы съ обильной помощью этой женщинѣ,—почему же пастырѣ, при всемъ своемъ состраданіи и жалости къ людямъ, смогъ на много лѣтъ такъ сдерживать себя, замкнуться въ предѣлы умѣренности и расчетливости?!

Такъ надо было великому, чудному воспитателю! Такъ надо было для блага и счастья этой семьи!

Долгими, мучительными лишеніями, душевными и тѣлесными страданіями онъ прекрасно пересоздалъ натуры матери и дѣтей. Окунувъ ихъ въ холодныя волны горькой бѣдности и болѣзней, онъ чрезъ это умягчилъ, убѣлилъ и очистилъ ихъ отъ сорныхъ порошинокъ житейской суеты. Пройдя сквозь ужасный «туннель» безвыходной нужды и лишеній, онѣ научились сознательно наслаждаться красотами Божіаго міра и познали всѣмъ сердцемъ, всей вѣрой, всей любовью Того, Кто Единъ управляетъ всѣми нашими богатствами, достатками, силами и здоровьемъ.

Это то и нужно было великому пастырю, этого то и добивался онъ многолѣтней трудной выправкой и блистательно осуществилъ свою задачу.

Но вотъ подросли дѣвочки, надо было придумать имъ дѣло, чтобы онѣ разумно употребляли свое время на труды, а не на пустяки.

Найдено было и занятіе—завертываніе конфетъ; прислана была и особа, которая могла бы научить ихъ этому. Чтобы совсѣмъ сломить гордость, было придумано такое трудное унижительное дѣло.

Тяжело было дѣвушкамъ, особенно сначала, такъ какъ приходилось носить большія тяжести на далекое разстояніе; и въ

холодь, и въ вѣтеръ, и слякоть, шли онѣ, неся на себѣ тяжелые мѣшки, (до 3-хъ пудовъ въ день переносилось туда и обратно). А сколько приходилось переносить колкостей, насмѣшекъ, униженій отъ грубыхъ, надменныхъ торговцевъ и распущенныхъ приказчиковъ!..

Сколько тревожныхъ безсонныхъ ночей проведено было за тяжелой работой, при всевозможныхъ недостаткахъ, бѣдности и неудобствѣ помѣщенія.

Часто несносная сырость смачивала леденець и патоку, жидкая масса слипала пальцы, приводя въ сильное волненіе и недоумѣніе юныхъ конфетчиць, ибо требовалось быстрое и аккуратное исполненіе; замедленіе наказывалось строгими выговорами и бранью.

Пастырь не давалъ въ обѣду своихъ сиротокъ, строго осаждая рѣзкую требовательность заказчиковъ, пригибая ихъ своимъ властнымъ пастырскимъ жезломъ. Стараясь приучить дѣвушекъ къ правильному труду, онѣ въ то же время отечески жалѣлъ и часто нѣжно ласкалъ ихъ, какъ своихъ бѣдныхъ, беспомощныхъ дѣтокъ, понимая, что служеніе его въ храмѣ, мѣшало правильности ихъ работы, такъ какъ сиротки бѣжали къ батюшкѣ, не смотря на обидчивыя колкія замѣчанія своихъ заказчиковъ. Онѣ бѣжали къ батюшкѣ, такъ какъ не могли не присутствовать за его благодатными службами. Тяжелый, физическій трудъ воспринималъ, развивалъ, и удерживалъ отъ суеты. Плечи болѣли и ныли отъ тяжелыхъ грузовъ. Легко сказать, приходилось перенести за день пѣшкомъ до 3-хъ пудовъ конфетъ; притомъ такая массивная ноша конфузила молодыхъ дѣвушекъ; часто, въ великомъ смущеніи, перебѣгали они съ тротуара на тротуаръ, чтобы избѣжать встрѣчи съ знакомыми.

Одна изъ дѣвиць Александра Викторовна, подъ вліяніемъ такого тяжкаго гнета, рѣшилась разстаться съ семьей и уѣхать къ брату, который жилъ въ полномъ довольствѣ. Она стала собирать нужныя вещи и, не спросясь батюшки, готовится къ отъѣзду. Но пастырь понималъ всю нецѣлесообразность подобной

поѣздки и во время остановилъ ея намѣреніе: вдругъ она заболѣла и слегла въ постель. Болѣзнь была такая изнурительная, что полтора мѣсяца продержала ее дома. Когда же она встала, поправилась и пошла въ Соборъ, то батюшка, увидавъ ее, сказалъ: «Дай-ка мнѣ твои ушки, я тебѣ сережки надѣну», а самъ въ это время потрепалъ ее за уши, давая ей понять, что ее нужно наказать за провинность и прибавилъ: «Если бы я тебя не уложилъ, ты бы отъ насъ уѣхала, а я не хотѣлъ тебя пускать». Послѣ этого все съ любопытствомъ стали обращаться къ ней, прося показать, какія сережки надѣлъ ей батюшка, такъ какъ не поняли великаго смысла батюшкиныхъ словъ.

Дѣвушки продолжали трудиться и, сколько могли, зарабатывали на свое пропитаніе.

Начиная свой великій славный подвигъ перевоспитанія, батюшка сказалъ: «я многое хотѣлъ бы изъ васъ сдѣлать; не знаю, удастся ли мнѣ». Когда же окончилась великая пастырская наука, онъ радостно воскликнулъ, обращаясь ко всемъ дѣвушкамъ (это было уже на дому): «Дѣточки, я закрываю глаза спокойно, вы у меня воспитаны, выучены, образованы. Помните, что мы пережили? Мы дѣлили 1 фунтъ хлѣба на пятерыхъ».

Да, много, много потрудился великій пастырь надъ этой семьей, много тяжелыхъ заботъ стоило ему поднять на ноги 4-хъ дѣвушекъ, воспитать ихъ духовно, высоко-нравственно. Онъ единственно самъ оказывалъ имъ матеріальную помощь, не допускалъ другихъ вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла. Такъ, на примѣръ, когда одна дама любяще предложила батюшкѣ свое желаніе помогать имъ, то батюшка строго отклонилъ это, сказавъ: «Не надо, онѣ сами». Онъ не желалъ также, чтобы онѣ обращались къ другимъ пастырямъ за совѣтами и указаніями, зная, что духовная жизнь требуетъ правильнаго, точнаго руководства и не допускаетъ разностороннихъ вмѣшательствъ.

Понимая, какъ трудно Маріи Федоровнѣ переносить тяжелыя домашнія работы, онъ ласкалъ ее и говорилъ: «Дѣточка, какъ ты у меня унизилась! Бѣдная, сама носить дрова, послѣ такой

жизни» и потомъ озарять ее надеждой на лучшее будущее и провозносилъ: «Я всё силы употреблю, чтобы вывести васъ изъ такого положенія».

Бѣдность, лишения и убожество—все скрашивалось великими утѣшеніями пастыря, который для полноты ихъ счастья нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ ихъ убогую лачужку, бесѣдуя съ ними, какъ небесный посланникъ.

Случилось однажды, что въ ночь передъ пріѣздомъ батюшки Саша Куманина чисто на чисто вымыла полъ въ комнатѣ и лѣстницу. Пріѣхалъ батюшка, обласкалъ сиротокъ, долго бесѣдовалъ со всѣми; потомъ, уѣзжая, сказалъ: «ахъ, что же это я не похвалилъ Саню, вѣдь, это она мнѣ вымыла полъ, умница какъ хорошо». Вотъ какъ батюшка съ любовью слѣдилъ за всѣми; даже малое дѣло для себя онъ не оставлялъ безъ вниманія и ласки.

Послѣдній разъ онъ былъ у нихъ въ періодъ своего заболѣванія глазами. Онъ началъ ходить по комнатѣ, ощупывать стѣны и сказалъ: «А гдѣ же у васъ еще комнаты? Гдѣ вы спите? Гдѣ кушаете»? Давая понять, что жизнь ихъ измѣнится къ лучшему, что у нихъ будетъ болѣе удобное и просторное помѣщеніе.

Дѣйствительно, бѣдственное, несчастное положеніе кончается, дочери всё выходятъ на дорогу, становясь самостоятельными труженицами, помощницами матери. Старшая дочь опредѣляется на мѣсто и беретъ къ себѣ мать, другая дочь поступаетъ компаньонкой въ богатый домъ, третья—учительницей рукодѣля и вскорѣ выходитъ замужъ за студента, который, ставъ учителемъ, началъ помогать вдовѣ. ^{Младшая} Младшая дочь выдерживаетъ экзаменъ на домашнюю учительницу, тоже опредѣляя себя на самостоятельную трудовую дѣятельность.

Окончилась трудная школа жизни. Неоцѣненный пастырь успокоился на лаврахъ своего славнаго дѣла, семья спасена отъ бѣдствія, безнравственности, она поставлена на правильную, прекрасную, безбѣдную дорогу. Перенесено ужасное, тяжкое горе, и семья поняла, что жизнь—это не шутка, а серьезная вещь. Не отойдетъ уже опечаленнымъ бѣднякъ отъ этихъ людей,

чужое горе не будетъ отброшено ими, какъ до нихъ не относящаяся.

Но не одни только лишеныя и недостатки вынадали на долю этихъ людей, но и опасныя болѣзни, на которыя, однакоже, благодатный пастырь быстро накладывалъ свое цѣлебное veto. Такъ, у Маріи Ѳеодоровны были сильныя боли въ желудкѣ, батюшка присылалъ своихъ лѣкарствъ. И самъ онъ пріѣзжалъ въ ихъ маленькую квартирку; боли утихали и уже не смѣли заявлять своихъ правъ. Вообще, Марія Ѳеодоровна была очень слабой и болѣзненной. Однажды у ней опасно заболѣло горло. Дѣти поздно вечеромъ пошли къ батюшкѣ, батюшка велѣлъ имъ обратиться къ доктору и обѣщалъ на завтра самъ пріѣхать къ нимъ. Дѣйствительно, на другой день батюшка пріѣхалъ, привезъ образокъ Иверской Божіей Матери и сказалъ: «Эта болѣзнь не къ смерти, а къ славѣ Божіей». Оказалось, что у Маріи Ѳеодоровны былъ сильный дифтеритъ, но по молитвамъ дорогого пастыря онъ разомъ пресѣкъся, и больная быстро поправилась.

Кромѣ того еще Марія Ѳеодоровна 3 года сильно болѣла гнойнымъ воспаленіемъ почекъ. Докторъ сказалъ, что все кончено, надежды нѣтъ никакой; предписаны были лѣкарства, которыя надо было методично давать больной. Больная очень сокрушалась, что ей совсѣмъ не приходится помолиться и приобщиться Святыхъ Таинъ, такъ какъ доктора требовали заботливаго ухода за больной и не допускали духовнаго врачевства. Однажды, въ сильномъ сокрушеніи, что не приходится поговѣть, Марія Ѳеодоровна видитъ во снѣ батюшку, который самъ составляетъ ей лѣкарства, а около него профессоръ Мамоновъ. Батюшка говоритъ: «будемъ и молиться и лѣчиться». Дѣйствительно, больной становится легче; является возможность пригласить на домъ приходскаго священника; она нѣсколько разъ приобщается Святыхъ Таинъ и по молитвамъ дорогого батюшки скоро становится здоровой.

У Ольги Викторовны отъ тяжелаго подъема конфетъ сдѣлалась внутренняя болѣзнь; пришла она къ батюшкѣ. Онъ ей

нѣсколько разъ провелъ рукой по спинѣ, послѣ чего у ней все вскорѣ же прошло.

Быль у ней сильный ревматизмъ; ноги тряслись и совсѣмъ отказывались служить, такъ что приходилось ходить на костыляхъ. Пришла она разъ въ соборъ, насилу стоитъ, ноги подкашиваются, боится, что упадетъ. Проходитъ батюшка, становится своими ногами на ея ноги, и вдругъ ноги сразу выпрямились, какъ бы подъ дѣйствіемъ электрическаго тока и встали на свое мѣсто. Она уже свободно могла идти изъ Собора, легко «одолела большой конецъ» на Земляной Валь, къ Высокому мосту, тогда какъ прежде ей трудно было пройти и незначительныя разстоянія.

Разсказываетъ она еще о слѣдующихъ случаяхъ прозорливости пастыря. Приходилось ей часто работать до поздней ночи. Отъ утомленія она иногда засыпала надъ работой, но, такъ какъ требовалась аккуратность въ доставкѣ конфетъ, то мать сердилась на нее, упрекая ее за небрежность. Тогда она, въ пылу раздраженія, однажды, воскликнула, указывая на сестеръ: «онѣ тебѣ родныя дочери, а я точно падчерица тебѣ». Требовательное отношеніе мамы сильно взволновало и встревожило дочь. Пошла она въ Соборъ къ батюшкѣ; подходитъ къ нему, а батюшка особенно начинаетъ ласкать, утѣшать ее и говорить: «Это моя дочка», потомъ обращаясь къ матери и сестрамъ прибавляетъ: «Это ея родныя дочки, а ты падчерица».

Саша Куманина убѣждала разъ съ вечера свою сестру Олю сказать батюшкѣ про нее на исповѣди и попросить и ее взять исповѣдовать. Оля соглашается и говоритъ: «хорошо, скажу батюшкѣ: Санютка просить васъ и ее взять на исповѣдь». Тогда Саша обижается на нее и говоритъ: «къ чему это Санютка, скажи Саничка». Однакоже Оля продолжаетъ настаивать на своемъ.

Пришли онѣ на другой день въ храмъ, батюшка взялъ Олю исповѣдовать, но та совсѣмъ и забыла попросить за сестру. Та, узнавъ объ этомъ, начинаетъ упрекать ее, вдругъ батюшка отворяетъ дверку изъ придѣла, гдѣ онѣ исповѣдовались и говоритъ:

«кого же теперь взять? Санютку развѣ? Санютка, иди сюда»,— копируетъ онъ слова старшей сестры, приводя обѣихъ въ трепеть и недоумѣніе.

Слыша такое непонятливое для другихъ прозвище, Саша Куманина конфузится окружающихъ, а прозорливецъ-пастырь, вновь выказавъ великое провидѣніе человѣческихъ словъ и мысленій, спокойно продолжаетъ свою исповѣдь.

Можно ли было не благоговѣть и не умиляться передъ такимъ дивнымъ пастыремъ! Возможно ли было не трепетать и не преклоняться передъ каждымъ его словомъ и дѣйствіемъ. Все у него было полно глубокаго смысла и значенія, все было направлено имъ ко благу и спасенію вѣранныхъ ему отъ Господа душъ. Его глубокая, всесторонняя бдительность надъ ихъ мыслями, чувствами и желаніями, взглядъ его глубоко-проникающихъ глазъ, всякое его мимолетное слово и движеніе,—все озаряло людей вѣрой и благодатію. Ольга Викторовна съ ужасомъ вспоминаетъ объ одномъ своемъ тяжеломъ проступкѣ, который былъ произведенъ ею въ припадкѣ изступленія въ ужасные дни переживаемой бѣдности. Какъ то батюшка долго не бралъ ихъ на исповѣдь, а такъ какъ на исповѣди онъ обыкновенно матеріально помогаль имъ, то семьѣ пришлось голодать. И вотъ, Ольга Викторовна, истомленная такимъ чувствительнымъ лишеніемъ, подходитъ къ портрету батюшки и, какъ бы внѣ себя, ударяетъ рукой по щекѣ его и говоритъ: «ты сытъ и не чувствуешь, что мы сидимъ и голодаемъ». Такимъ образомъ, передъ изображеніемъ пастыря она изливаетъ всю силу своего накопившагося ропота надъ тяжелой, гнетущей судьбиной. Что же! Идетъ она на другое утро въ храмъ, стоитъ, дожидается батюшку.

Пріѣзжаетъ пастырь, подходитъ къ ней, благословляетъ ее, гладитъ себя по той щекѣ, по которой она ударяла на портретѣ и говоритъ: «О какъ мнѣ больно!» Благословивъ ее, онъ отходитъ, потомъ опять оборачивается, смотритъ на нее и произноситъ: «А все-таки мнѣ больно».

Можно понять, что пришлось перечувствовать сконфужен-

ной Ольгѣ Викторовнѣ, можно понять, какъ горько пришлось ей раскапаться въ своемъ проступкѣ. Ничто не ускользало отъ дальноркаго ока пастыря; неустанное наблюденіе его за своими дѣтми настолько было велико, дивно и всесторонне, что даже мысль теряется въ этомъ величественномъ пространствѣ его мудрости, любвеобилія и прозорливости.

Конечно, великая бы гибель ожидала семью, если бы не дивная помощь незабвеннаго пастыря. Такъ еще при жизни самаго Куманина, одна ихъ дальняя родственница, будучи одержима нечистымъ духомъ злобы, кричала: «вамъ злые люди сдѣлали, чтобы всю семью стереть съ лица земли; если бы не Э слова отца Валентина, вы все погибли бы какъ капустные черви, а я боюсь ходить къ нему, его глаза сожгли меня».

Вотъ какъ великъ и дорогъ для всѣхъ былъ неоцѣненный пастырь, всѣхъ онъ любилъ, всѣхъ жалѣлъ, всѣхъ охранялъ, какъ и послѣ своей блаженной кончины онъ никого не оставляетъ безъ помощи и утѣшенія. Сама Марія Федоровна, слава Богу, живетъ теперь безбѣдно, спокойно съ дочерьми и утѣшается на могилкѣ батюшки, къ которой она припадаетъ съ горячей любовью и благодаритъ его за то, что онъ изъ такой крайности и бѣдности вывелъ ее на хорошую жизнь, окружилъ дорогими любящими дочками, которыя лелѣютъ, берегутъ ее и окружаютъ самыми тщательными, нѣжными заботами.

Младшая Куманина видѣла какъ то во снѣ батюшку. Будто бы онъ со старшей сестрой пришли на званый обѣдъ; батюшка сѣлъ за столъ и посадилъ ихъ съ собой. Батюшка обратился къ ней и спросилъ: «Ну скажи, какъ вы поживаете? Она сообщаетъ батюшкѣ, что онъ живутъ теперь, слава Богу, хорошо, потому что имъ присылаетъ деньги сестринъ мужъ, а сестра Саня отдаетъ матери все свое жалованіе. Тогда батюшка намекаетъ имъ, что онъ самъ заботится о нихъ, и что онъ теперь живутъ счастливо и спокойно благодаря его охранѣ и попеченію.

Вотъ сколько великихъ хлопотъ и заботъ стоила батюшкѣ одна только семья. Каково же было ему оберегать тысячи разно-

родныхъ и разнохарактерныхъ семей! Каково ему было трудиться въ отдѣльности надъ каждымъ членомъ семьи, наставлять, исправлять, охранять, развивать!.. Каково было ему слѣдить за ихъ мыслями и чувствами? Все сглаживать, выравнивать и все держать въ крѣпкихъ надежныхъ рукахъ. Можно понять сколько вынесъ великій труженикъ, дни и ночи неустанно бодрствовавшій среди своихъ обширныхъ, часто тернистыхъ и колючихъ нажитей! Все имъ было вспахано, удобрено, согрѣто, полито, взлѣляно. Красивая, плодovitая пшеница и теперь красуется своими полными, зрѣлыми колосиками, представляя обильную духовную жатву. Не вотще прожита великая жизнь незабвеннаго пастыря, она духовно возродила и спасла несмѣтныя тысячи человѣческихъ жизней, надѣлила ихъ драгоценными сокровищами вѣры и любви ко Господу, осчастливила ихъ, изъ погибающихъ, жалкихъ существъ сдѣлала достойныхъ созданій Божіихъ, которыя своими мыслями и чувствами восхваляютъ и прославляютъ Творца Вседержителя, вознося Ему горячую благодарность за Его неизреченныя милости и благодѣянія.

Анна Васильевна Щукина *)), бывшая Какорина, давно уже знавшая батюшку, привыкла высоко чтить его и благоговѣть передъ нимъ. Такъ какъ ея мать и сестры ходили постоянно въ церковь «Нечаянной Радости», на батюшкины службы, то и она не отставала отъ нихъ, все больше и больше поражаясь дивными случаями батюшкиной мудрости и прозорливости.

Будучи еще дѣвочкой, она усердно принялась за молитву и горячимъ дѣтскимъ сердцемъ вся возносила ко Господу, прося Его не лишить ея своей милостей и благодати.

Но такая высокая духовная жизнь требовала усиленной работы надъ собой, усиленной борьбы, а неукрѣпившійся организмъ склонялся къ слабости, лѣнности и покою. И вотъ, истомившись отъ тяжелой постоянной борьбы, она ослабѣла въ своихъ духовныхъ подвигахъ, стала поддаваться лѣнности и нерадѣнію. Но

*) Сокольники, богадѣльня Боева.

пастырь сейчас же постарался вразумить ее и укрѣпить ее ревность.

Приходит она въ церковь, подходит къ батюшкѣ, а впереди нея стоит Марія Николаевна. Батюшка обращается къ послѣдней и говоритъ: «Лучше побѣждать, чѣмъ быть побѣжденной». Марія Николаевна смотритъ на батюшку съ удивленіемъ, ничего не понимая, но Анна Васильевна отлично понимаетъ, кому это говорится. Этими немногими словами батюшка раскрывалъ ей зарождающуюся въ ней лѣность и безпечность и внушилъ о необходимости усиленно работать надъ собой, бодрствовать на своемъ жизненномъ пути, чтобы увеличить свой талантъ, а не зарыть его по нерадѣнію въ землю.

Послѣ сего началась уже болѣе сознательная жизнь, усилились подвиги и еще болѣе возгорѣлась любовь и благодарность къ пастырю за его великіе труды и заботы. Горячо и искренно полюбила Анна Васильевна батюшку, такъ что съ горькими слезами уѣзжала въ деревню, куда родители посылали ее по необходимости. Но и тамъ дорогой пастырь не оставлялъ ее своимъ благодатно-отеческимъ попеченіемъ.

Однажды она долго плакала и тосковала, что нельзя присутствовать за его службами,—вдругъ видитъ на яву батюшку. Онъ прошелъ мимо нея въ зеленой ризѣ съ крестами, въ то время, когда она стояла на молитвѣ...

Это было такъ ясно и дивно, что она была потрясена до глубины души. Сердце сразу наполнилось великимъ счастіемъ и радостью.

Вотъ что дѣлалъ батюшка! Вотъ какія чудныя утѣшенія посылалъ онъ духовнымъ дѣтямъ, онъ явился на-яву для полноты и глубины впечатлѣнія, онъ явился, въ ризѣ съ крестами, чтобы было ясно, что это явленіе благодатное, а не какое нибудь призрачное «искушеніе». О, какъ ожила и утѣшилась Анна Васильевна въ своей глуши, какую горячую благодарность ко Господу возлила она изъ своего умиленного, глубоко потрясеннаго сердца за такія неизреченныя милости Божіи—ей, малой рабѣ!

Случилось Аннѣ Васильевнѣ другой разъ быть въ деревнѣ. Она скучала тамъ по батюшкѣ, и онъ нѣсколько разъ являлся ей во снѣ и утѣшалъ ее; она написала своимъ родителямъ письмо, но про сны ничего не помянула. Подходить ея сестра Варя къ батюшкѣ, а батюшка и говорить:

— Ну, что вамъ Анна тамъ написала? Не пишетъ она, какіе она сны видитъ!»! Анна Васильевна при свиданіи съ родителями рассказала, что, дѣйствительно, она видѣла замѣчательные сны, которыми дорогой пастырь старался утѣшить и успокоить ее.

Съ такой замкнутой духовной настроенностью дѣвушки естественно готовили себя къ скромной дѣвической долѣ. Особенно сильна была эта мысль у Анны Васильевны.

Однакоже, Господу угодно было призвать ее къ иной жизни, семейной, на болѣе сложную, хлопотливую дѣятельность, со всѣми ея трудностями и скорбями.

Такъ угодно было Господу; объ этомъ и возвѣстилъ самъ пастырь.

Стоить однажды Анна Васильевна около святого Распятія въ исповѣдальнѣ (батюшка исповѣдовалъ въ придѣлѣ Іоанна Крестителя), вдругъ въ исповѣдальню входитъ изъ алтаря одинъ молодой человекъ Владиміръ Васильевичъ Щукинъ. Батюшка открываетъ дверцу въ придѣлъ и, увидавъ его сразу зоветъ къ себѣ. Все это дивно устроилось—стоятъ женщины, вдругъ входитъ мужчина, и батюшка беретъ его. Поисповѣдовавъ, онъ выводитъ его, потомъ снова вводитъ въ придѣлъ и говоритъ: «Вотъ у Креста, стойтъ дѣвица, смотри хорошенько на нее, она будетъ твоей невѣстой».

Это было сказано ему одному. Анна Васильевна еще ничего не знала объ этомъ.

Владиміръ Васильевичъ даже и не думалъ о женитьбѣ. Узнавъ батюшку, онъ предался духовной жизни и думалъ всецѣло посвятить себя Господу, а потому былъ крайне изумленъ и взволнованъ.

Однакоже повелѣніе пастыря было внушительно и нельзя

было его послушаться. Онъ сталъ съ тѣхъ поръ присматриваться къ Аннѣ Васильевнѣ, такъ что весьма смущалъ ее своими странными испытующими взглядами.

Ничего не понимая, она неприятно поражалась такой нескромностью Владиміра Васильевича, стыдливо опуская свои взоры подъ его упорными, продолжительными взглядами.

Дѣло тянулось долго, батюшка велѣлъ только смотрѣть, и это странное, молчаливое смотрѣніе неприятно волновало дѣвушку, не знавшую, что это дѣлалось по волѣ пастыря. Прошелъ годъ, срокъ кончился. Анна Васильевна гостила въ деревнѣ, батюшка велитъ мамѣ ея, Маріи Петровнѣ пригласить Владиміра Васильевича на чашку чаю и разъяснить все дѣло.

Пріѣзжаетъ Анна Васильевна и ей уже объявляютъ, что она сосватана. Ничего не понимая, идетъ она къ батюшкѣ и проситъ разъяснить свое недоумѣніе.

Видя ея недовольный, взволнованный видъ, батюшка строго возвѣщаетъ: «Если не хочешь, не нравится, то и не надо».

Но тонъ, какимъ сказаны эти слова, показываютъ Аннѣ Васильевнѣ, что батюшка гнѣвается на нее, такъ какъ она хочетъ послушаться его распоряженія.

Но развѣ могъ кто устоять передъ гнѣвомъ батюшки, развѣ могъ кто, при великой горячей благодарности къ нему—причинить ему и малѣйшее огорченіе?!

Нѣтъ! всякій все готовъ былъ исполнить, лишь бы только успокоить дорогого пастыря, вызвать на его ясномъ лицѣ радостную улыбку, а не скорбь или горе.

Видя такое неудовольствіе батюшки, Анна Васильевна поспѣшила возвѣстить ему, что она готова исполнить все, что только угодно будетъ ему приказать ей.

Тогда пастырь, строгій исполнитель Божіей воли, ласково благословляетъ дѣвушку и говоритъ, что она должна выйти замужъ за Владиміра Васильевича и что онъ самъ въ среду пріѣдетъ къ нимъ на благословеніе.

И вотъ, напутствованные высшей пастырской благодатью,

женихъ и невѣста вступаютъ въ бракъ, покоряясь волѣ Божіей и благодаря пастыря, что онъ помогъ имъ исполнить ее. Начинается семейная жизнь, правда, бѣдная, полная лишеній, нужды, но освященная пастырскими молитвами, ласками, попеченіемъ.

Появляются дѣтки, требуются расходы, заботы, мужъ съ утра до ночи трудится, не разгибая спины, и, любящій, нѣжный, покоитъ и бережетъ свою жену. Не видитъ она почти ни нужды, ни горя съ нимъ, такъ какъ скудное жалованіе вознаграждается миромъ и тишиной, что скрашиваетъ и услаждаетъ семейную жизнь.

Идутъ годы, растутъ дѣтки, приходится усиленнѣе трудиться. Наступаетъ мятежная, страшная пора, когда тревожныя буйныя шайки дерзкой вольной толпы рыскаютъ по Москвѣ, наводя ужасъ и панику на испуганныхъ обитателей.

Приходится пѣшкомъ проходить большія пространства изъ конца въ конецъ города, среди волнующейся наглою толпы, которая, не зная удержа своимъ буйнымъ порывамъ, громитъ встревоженную, смятенную столицу. Молодая жизнь, полная тревожныхъ тяжелыхъ толчковъ и потрясеній не выдерживаетъ такой постоянной усиленной пытки и надламливается, въ своихъ лучшихъ, энергичныхъ годахъ подъ гнетомъ грознаго крушительнаго недуга—чахотки.

Быстро разрушается организмъ, распатанный, измученный, быстро приближается печальный конецъ, конецъ земного странствованія.

Владиміръ Васильевичъ, охваченный тяжелой болѣзнью, однакоже, строго исполняетъ свою христіанскую обязанность, часто приступаетъ къ Святымъ Тайнамъ, но болѣзнь все больше и больше крушитъ организмъ, усиленная кровь горломъ не даетъ возможности принимать Святыню. Наконецъ, торжествующая смерть вступаетъ въ свои права и побѣдоносно уноситъ новую жертву.

Умирающій не удостоился приобщиться Святыхъ Тайнъ при концѣ своей жизни, но онъ отошелъ въ вѣчность съ полной вѣ-

рой и горячей любовью ко Господу и надеждой на Его милосердіе.

Передъ смертью онъ сдѣлалъ крестное знаменіе и сказалъ: «Господи, прости всѣ мои согрѣшенія». Однакоже, Анна Васильевна сильно мучилась и сокрушалась, что ея мужу не удалось предъ смертью приобщиться, но дорогой пастырѣ и въ этомъ утѣшилъ ее.

Когда ея сестра Варя сообщила объ этомъ батюшкѣ, онъ произнесъ: «скажи ей, что мужъ ея умеръ истиннымъ христіаниномъ, я его самъ передъ смертью причащаль». Когда умеръ Владиміръ Васильевичъ, денегъ никакихъ не осталось, не на что даже было схоронить его, но дивной помощью великаго пастыря, все устроилось какъ нельзя лучше и усопшему было оказано должное погребеніе.

По совѣту батюшки, Владиміръ Васильевичъ не оставлялъ службы до самой своей смерти; поэтому во вдовѣ и сиротахъ приняли участіе высшія должностныя лица (Гучковъ и др.) и вскорѣ же ее съ дѣтьми устроили въ Боевскую богадѣльню, гдѣ она имѣетъ теплый приличный кровъ.

Отошелъ въ вѣчность духовный сынъ батюшки, который былъ, дѣйствительно, истиннымъ христіаниномъ, зато и батюшка никогда не оставлялъ его своими пастырскими попеченіями.

Пока не зналъ батюшки, онъ пилъ вино и курилъ табакъ, но, узнавъ великаго праведника, сразу оставилъ свои грѣховныя затѣи: пересталъ пить и курить и весь предался молитвѣ.

Ревность его къ духовнымъ подвигамъ была такъ велика и сильна, что онъ весь углублялся въ горячую молитву и усердное чтеніе слова Божьяго. Онъ постоянно читалъ Святое Евангеліе. Однажды, во время чтенія онъ склонился на святую книгу и заснулъ, вдругъ почувствовалъ что кто-то толкаетъ его въ руку, онъ въ изумленіи раскрываетъ глаза и видитъ передъ собой человека въ апостольскомъ одѣяніи. Крайне пораженный этимъ видѣніемъ, онъ мысленно задаетъ себѣ вопросъ: кто это? и вдругъ слышитъ голосъ: «Я Іаковъ, братъ Божій».

Вотъ какого небеснаго явленія удостоился Владиміръ Ва-

спльевичъ,—что достовѣрно передаетъ намъ его супруга. Значитъ, и въ нашъ маловѣрующій вѣкъ бываютъ небесныя явленія для озаренія насъ свѣтомъ вѣры и благодати.

Умеръ у Анны Васильевны младенецъ (дѣвочка Анна). Когда она сказала объ этомъ батюшкѣ, онъ замѣтилъ: «птица съ однимъ крыломъ не бываетъ, должны быть два крыла». Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время умираетъ и другой ребенокъ—мальчикъ Коля. Остаются еще 4 маленькихъ малютокъ. Какъ быть съ ними? Чѣмъ кормить? Милосердый батюшка нѣжно печется о нихъ, посылая имъ помощь и подкрѣпленіе.

Еще въ началѣ своей супружеской жизни Анна Васильевна видѣла сонъ, который произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Она его не поняла, но впоследствии выяснился его глубокій смыслъ. Видѣла она, будто бы батюшка стоялъ на горѣ и раздавалъ куски бѣлаго хлѣба. Подходить къ нему ея сестра Варя, батюшка даетъ ей большой кусокъ и говоритъ: «она любитъ много, ей надо много», подходитъ Анна Васильевна, батюшка даетъ ей маленькій кусочекъ; ей дѣлается очень прискорбно. Тогда батюшка обращается къ ней и говоритъ, отвѣчая на ея мысли: «я тогда тебѣ буду много давать, когда твоимъ дѣтямъ нечего будетъ ѣсть». Анна Васильевна задумалась надъ этими словами батюшки, но не могла понять ихъ таинственного смысла; только послѣ смерти мужа поняла она, что этимъ сказалъ ей пастырь и какъ исполнилъ свое предсказаніе. Исполняя свое обѣщаніе, дорогой хранитель батюшка, невидимо заботится о молодой вдовѣ и ея крошкахъ дѣткахъ, трое уже учатся, утѣшая мать своей дѣтской любовью и лаской. Средствъ никакихъ нѣтъ, но всѣ сыты, одѣты, обуты и все это по святымъ молитвамъ дорогого своего пастыря, который и изъ райскихъ селеній, любяще охраняетъ ихъ и утѣшаетъ.

Анна Васильевна передаетъ намъ, что одна ея знакомая старица во время своей молитвы за батюшку услышала дивный голосъ: «молись, молись за него, онъ блаженный и приснопоминаемый». Послѣ такого величественнаго знаменія эта старица

понятно съ величайшимъ страхомъ и трепетомъ подходила къ праведнику, постоянно воздавая хвалу Господу, удостоившему ее быть подъ охраной и руководствомъ такого великаго молитвенника земли русской.

Передадимъ теперь рассказы одной духовной дочери батюшки, Прасковьи Михайловны Сотниковой *), которая тоже много лѣтъ имѣла счастье находиться подъ его пастырскимъ наблюденіемъ.

Прасковья Михайловна знала батюшку еще когда онъ служилъ въ церкви «Нечаянной Радости»; много великихъ радостей и утѣшеній получала она тогда отъ него, многихъ великихъ явленій и знаменій его благодатной мощи удостоилась она и много исцѣленій видѣла. Стоитъ она разъ въ церкви «Нечаянной Радости», видитъ простую деревенскую женщину въ болѣзненномъ положеніи, подходитъ къ ней и заговариваетъ. Женщина словоохотливо возвѣщаетъ ей, что она ходила въ клиники и другія больницы. Всѣ доктора объявили, что ей нужно сдѣлать операцію, иначе надо ждать печальнаго исхода болѣзни, но она никакъ не можетъ рѣшиться на операцію, такъ какъ у ней 7 человѣкъ дѣтей и ей жалко оставить ихъ круглыми сиротами.

И вотъ, по промыслу Божию, на одномъ дворѣ съ ней оказалась женщина, которая знала батюшку и ходила на его службы.

Узнавъ о ея горестномъ положеніи, та посоветовала больной сходить къ батюшкѣ, попросить у него благословенія и святыхъ молитвъ, а для болѣе надежнаго и успѣшнаго полученія помощи отъ пастыря, она сама повела ее въ церковь «Нечаянной Радости».

Больная, руководимая сострадательной сосѣдкой, подошла къ батюшкѣ, онъ благословилъ ее и, не слыхавъ еще никакого заявленія объ опасномъ ея болѣзненномъ положеніи, ласково сказалъ ей: «Богъ милостивъ; дѣточка, не безпокойся, Богъ милостивъ». Потомъ, уѣзжая, онъ еще разъ крикнулъ ей изъ пролетки: «не безпокойся, дѣточка, Богъ милостивъ».

*) Большіе Каменьщики, домъ Васильева.

Эта слова слышала и шедшая около нея Прасковья Михайловна, которая невольно приняла въ ней сострадательное участіе. Черезъ 5 дней она снова увидѣла ея сосѣдку и спросила: «что съ больной»? Та быстро перекрестилась и сказала: «слава Тебѣ, Господи; все благополучно, помучилась денька 2, а все-таки все, слава Богу, обошлось хорошо по батюшкинымъ святымъ молитвамъ». На 40-й день бывшая больная приходила въ церковь, батюшка торжественно давалъ молитву спасенному имъ ребенку и благословилъ мать, тоже чудомъ уцѣлѣвшую отъ несомнѣнной опасности.

Прасковья Михайловна рассказываетъ еще, что родственница ея Павлова тоже нѣсколько разъ была опасно больна. Прасковья Михайловна, видя ея вновь прискорбное положеніе, посоветовала ей сходить къ батюшкѣ и получить его благословеніе. Павлова послушалась, пошла въ церковь «Нечаянной Радости», подошла къ батюшкѣ; батюшка успокоилъ ее, велѣлъ пить святую воду и чаще причащаться Святыхъ Таинъ. Вскорѣ послѣ этого Господь далъ ей живую дочку, которую она назвала Варварой.

Когда Прасковья Михайловна пріѣхала къ батюшкѣ благодарить его за полученную помощь, батюшка возвѣстилъ ей: «скажи матери, что Варвара—невѣста Христова прекрасная». Что будетъ изъ нея—неизвѣстно, но такія пастырскія слова не пропадутъ даромъ,—теперь она уже взрослая дѣвушка, продолжаетъ хранить свою дѣвственность и такимъ образомъ оправдываетъ великое прореченіе праведника.

Двоюродная сестра Прасковьи Михайловны, Екатерина Ивановна, рѣшилась отдать старшую дочь свою Маню за учителя и послала Прасковью Михайловну съѣздить къ батюшкѣ и попросить его пріѣхать къ нимъ на благословеніе жениха и невѣсты, въ воскресенье 28 декабря, такъ какъ къ этому дню должны были собраться родные жениха.

Прасковья Михайловна отправилась и передала батюшкѣ о возложенномъ на нее порученіи, но пастырь рѣшительно объ-

виль: »въ воскресенѣ нельзя, не могу, а во вторникъ прїѣду«. Пыталась Прасковья Михайловна перемѣнить рѣшеніе батюшки и въ точности исполнить желаніе сестры, однакоже батюшка опять заявилъ: «въ воскресенѣ нельзя, во вторникъ прїѣду». Дѣлать было нечего, пришлось передать Екатеринѣ Ивановнѣ рѣшеніе батюшки; та осталась этимъ очень недовольна и стала упрекать Прасковью Михайловну: «какъ это ты, Паша, такъ передала батюшкѣ? ты должна была непремѣнно его просить на воскресенѣ, вѣдь, у насъ условлено на этотъ день, и родные съѣдутся къ воскресенью!» И вотъ въ обидѣ за такое неточное исполненіе своего порученія она обращается къ мужу родной своей сестры—Ивану Ивановичу и проситъ его въ точности исполнить ея просьбу и пригласить батюшку на воскресенѣ.

Тотъ, какъ болѣе смѣлый и рѣшительный, прямо входитъ въ алтарь и передаетъ батюшкѣ желаніе Екатерины Ивановны.

Но батюшка даже и не слушаетъ его, а рѣзко перебиваетъ: «я уже сказалъ Прасковѣ Михайловнѣ, что въ воскресенѣ нельзя, а во вторникъ прїѣду».

Что тутъ оставалось дѣлать?—покориться рѣшенію пастыря и отложить благословеніе на 2 дня.

Что же случилось! Екатерина Ивановна въ пятницу, на другой день Рождества, внезапно скончалась отъ удара, такъ что въ воскресенѣ пришлось уже хоронить ее, вотъ что означали дивныя слова пастыря: «въ воскресенѣ не могу, нельзя»... Тутъ только всѣ поняли, почему день благословенія долженъ быть отложенъ, поняли и въ благоговѣйномъ изумленіи преклонились передъ великимъ прозорливцемъ.

Думали даже отложить благословеніе на болѣе продолжительный срокъ, такъ какъ дѣти всѣ были слишкомъ потрясены такимъ ужаснымъ, тяжкимъ ударомъ, но великій пастырь, прїѣхавъ на панихиду, горячо ласкалъ и утѣшалъ несчастныхъ спротокъ и, устроивъ ихъ подъ надежную охрану ихъ родныхъ, тѣмъ далъ имъ возможность избавиться отъ гнетущей тяжелой нужды и безвыходнаго положенія.

Когда обратились къ батюшкѣ за совѣтомъ, на счетъ благословенія, онъ, опросивъ жениха, твердо объявилъ всѣмъ, что благословеніе должно быть совершено вскорѣ, такъ какъ этого желала усопшая, а потому, какъ назначалъ раньше, такъ и приѣхалъ во вторникъ, благословилъ молодую чету и освятилъ ихъ своей пастырской благодатью.

Случилось великое горе въ семьѣ Прасковьи Михайловны. Отецъ ея Михаилъ Николаевичъ обанкротился и лишился всего своего состоянія.

Квартира со всѣми находящимися въ ней вещами должна была отойти во владѣніе его племянника, который выказалъ великую жестокость къ дядѣ и немилосердно сталъ увозить вещи.

Каково было несчастному старику переносить такой тяжелый погромъ? Особенно онъ сокрушался о святой иконѣ Воскресенія Христова—такъ какъ она была родительскимъ благословеніемъ.

Съ великой, неопикуемой тоской переносилъ онъ тяжкій ударъ и рѣшился даже обратиться къ новымъ владѣльцамъ съ просьбой оставить хотя одну только святую икону, но тѣ и слышать объ этомъ не хотѣли, говоря, что увезутъ рѣшительно все изъ квартиры. Что тутъ оставалось дѣлать! Одна надежда была на утѣшителя пастыря, всегда предотвращавшаго всякія бѣды, скорби и напасти.

Отправилась Прасковья Михайловна къ батюшкѣ и рассказала о случившемся съ ними тяжеломъ горѣ. Состояніе отца такъ было невыносимо тяжело для нея, что она неудержимо плакала и рыдала, передавая батюшкѣ о происшедшемъ. Пастырь ласково старался утѣшить ее и говорилъ: «Ну, что же такъ сокрушаешься?! Вѣдь Богъ же съ тобой остался!» Тогда Прасковья Михайловна объявила батюшкѣ, что ей очень жаль своего папашу, такъ какъ онъ переживаетъ мучительныя минуты, и что ему особенно тяжело лишиться святой иконы—родительскаго благословенія.

Тогда батюшка быстро, заботливо спрашиваетъ Прасковью

Михайловну: «А во имя кого икона»? Та сообщает батюшкѣ, что святая икона въ честь Воскресенія Христова.

Батюшка рѣшительно возражаетъ Прасковѣ Михайловнѣ: «скажи папашѣ, что я ему икону оставлю». Прасковья Михайловна хорошенько не поняла, что батюшка говоритъ; ей слышится «до-ставлю» и она соображаетъ, что батюшка вѣроятно, дастъ какой-нибудь маленькій образочекъ, но онъ не можетъ замѣнить большой иконы Воскресенія Христова. Батюшка, отойдя отъ нея, опять обращается и говоритъ: «скажи Михаилу Николаевичу, что я икону оставлю». Это было до всенощной; послѣ всенощной батюшка сѣлъ въ пролетку; потомъ, отѣзжая, приподнялся и громко, во всеуслышаніе, обращаясь къ Прасковѣ Михайловнѣ опять произнесъ: «Прасковья Михайловна, скажи Михаилу Николаевичу, что я икону оставлю».

Что же! приходитъ она домой, передаетъ слова батюшки, входятъ они въ свою прежнюю квартиру и видятъ, что всѣ вещи уже увезены, а святая икона какимъ то чудомъ виситъ на стѣнѣ, хотя лампада снята.

Михаилъ Николаевичъ съ необыкновеннымъ волненіемъ и трепетомъ, пораженный такимъ дивнымъ чудомъ милосердія Божіяго, снимаетъ святую икону и восклицаетъ: «я теперь счастливѣе всѣхъ» и бережно несетъ эту величайшую драгоценность въ свою комнату. Теперь уже кончено, они оставили, онъ больше ни за что не отдастъ иконы и не разстанется съ Нею. Да, тяжелыя, ужасныя минуты были пережиты, но дорогой хранитель и почитатель батюшка сторицей обрадовалъ за все перенесенное. (Михаилъ Николаевичъ говорилъ своей дочери, что ему легче было лишиться 200 тысячъ, нежели видѣть, какъ увозятъ изъ квартиры его вещи и иконы).

Да, дорогой пастырь отечески жалѣлъ и баловалъ своихъ духовныхъ дѣтей, онъ не допускалъ ихъ предаваться полнѣйшему горю и отчаянію, во время отвращалъ сильныя бѣды и страданія, все уравнивалъ, сглаживалъ, и мудро охранялъ отъ гибельнаго малодушія.

Что же?! Только что Михаилъ Николаевичъ успѣлъ порадоваться своему драгоценному приобрѣтенію, какъ вдругъ узнаетъ онъ, что уже навѣдывались за иконой, которую по какой-то странной оплошности позабыли взять изъ квартиры.

Если бы икона была маленькая, малозамѣтная, то еще можно бы было ее забыть, и вдругъ такой большой Образъ забыли, да еще на самомъ видномъ мѣстѣ! Ясно было, что это чудо совершилъ великій пастырь, который, сказавъ, что онъ «оставить» икону, постарался тотчасъ же исполнить свои слова. Еще не удивительно бы было, если бы оставили икону изъ жалости, но то-то и чудесно, что забыли взять, потомъ быстро спохватились, но уже было поздно, такъ какъ милосердый Господь, по прошенію Своего любимаго служителя, не допустилъ попасть святой иконѣ въ чужія небрежныя руки, а возвратилъ Ее прежнему владѣльцу, который принесъ великое благодареніе Господу за такое чудо.

Прасковья Михайловна еще рассказываетъ о поразительномъ случаѣ исцѣленія по молитвамъ батюшки. Подходить она разъ къ батюшкѣ, онъ ее спрашиваетъ: «а у Мани что»?—про ея крестницу Марію Васильевну Павлову. Прасковья Михайловна отвѣчаетъ: «ничего, слава Богу», а батюшка продолжаетъ: «завтра молиться будемъ».

Что же оказывается? На другой день приходитъ къ ней Марія Ефимовна, мать ея крестницы, проситъ съѣздить къ батюшкѣ и попросить его святыхъ молитвъ, такъ какъ дочь ея сильно страдаетъ припадками.

Прасковья Михайловна отправилась къ батюшкѣ. Батюшка встрѣтилъ ее и сказалъ: «садись, сказывай, что у васъ тамъ»?

Прасковья Михайловна все рассказала батюшкѣ. Батюшка возразилъ: «Ничего, Богъ милостивъ, ну давай помолимся». Онъ всталъ, надѣлъ эпитрахиль и началъ молиться. Молился онъ горячо, со слезами, и читалъ такія трогательныя молитвы, что Прасковья Михайловна была сильно потрясена и плакала. Потомъ батюшка далъ для больной святой воды, маленькій обра-

зочекъ и шелковый платокъ, которымъ вытирають уста причастникамъ. Велѣлъ передать все это матери больной, чтобы она напоила больную святой водой, приложила къ ней святой образочекъ, а платкомъ покрыла бы ее.

Все было исполнено, какъ распорядился пастырь, и припадки больше не повторялись.

Однажды Прасковья Михайловнѣ очень хотѣлось приобщиться, но она сознавала себя недостойной, предавая себя въ волю Божию. Вдругъ зоветъ ее батюшка, она была очень рада, а у Креста батюшка сказалъ ей: «видите, какъ Самъ Господь васъ позовалъ».

Мужъ Екатерины Ивановны очень шилъ, и все прошилъ, онъ просилъ у жены деньги—ея приданое, чтобы начать торговлю, общаясь не пить. Она боялась отдать деньги, такъ какъ у ней было 6 человѣкъ дѣтей, а мужъ могъ прокутить эти деньги, не знала на что и рѣшиться. Пошли къ батюшкѣ: батюшка сказалъ: «можно дать, если онъ не будетъ пить 6 мѣсяцевъ». Онъ не шилъ 5 мѣсяцевъ, на 6-й зашилъ и померъ.

Однажды Прасковья Михайловнѣ очень хотѣлось причаститься, батюшка не взялъ ее на исповѣдь, но послѣ обѣдни далъ большую просфору и сказалъ: «подкрѣпись, слаба». Прасковья Михайловна сказала: «мнѣ очень хотѣлось причаститься», а батюшка на это возразилъ: «Я видѣлъ, да нельзя было, очень темное лицо было».

Однажды Прасковья Михайловнѣ хотѣлось приобщиться за воскресной обѣдней великаго поста, такъ какъ она приобщалась за преждеосвященной, а попросить батюшку не смѣла. Вдругъ подходитъ къ ней батюшка и говоритъ: «нужно приобщиться за этой обѣдней», (это было въ воскресенье), а то ты приобщалась за преждеосвященной, подкрѣпись, сегодня праздникъ многихъ Святыхъ, (9 марта), возьми въ примѣръ кого угодно — всякіе есть».

Прасковья Михайловна сообщаетъ намъ тѣ наставленія,

которыя давалъ ей батюшка. Изъ этихъ наставленій мы можемъ почерпнуть великое назиданіе и для самихъ себя.

О таинствахъ покаянія и причащенія.

Исповѣдь должна быть внутренняя, а не одна наружная; помнить надо, что Самъ Господь, прощаетъ грѣхи. Понимаешь ли, что значитъ исповѣдь? Вотъ сейчасъ мы съ тобой каемся; прощаемъ и совѣтъ даемъ—это одна сторона, а вторая сторона—сама благодать прощаетъ, это самое главное. Вотъ вы сейчасъ блудный сынъ, отецъ пріемлетъ въ свои объятія и прощаетъ, исповѣдь нужна не одна наружная, а главное—внутренняя отъ сердца.

Не сомнѣвайся, что я тебя благословилъ покушать наканунѣ, (послѣ исповѣди); не въ этомъ заключается недостойно причащаться. Если бы ты захотѣла съ гордостью причаститься, я бы сказалъ: нельзя, будетъ въ осужденіе, нужно быть чистой. Нужно каждый день быть готовой къ причащенію какъ къ смерти. О причащеніи нужно разсужденіе, — какъ я люблю Господа? Когдаходишь къ Святымъ Дарамъ скажи Господу: все Ты мнѣ замѣняешь и всѣхъ. Кромѣ Тебя нѣтъ ничего и никого у меня. Нужно молиться: оставь долги наши. Что значитъ желать причащенія? Все одно, что жаждасть пить, нельзя сразу, а нужно пить понемногу, иначе во вредъ будетъ, также и причащеніе; если жаждасть, то нужно съ разсужденіемъ, подумать: люблю ли Господа? Если не промѣняешь Его ни на что: ни на деньги, ни на отца, ни на кого,—то любишь; если зложелательства не желаешь никому—то можно причащаться. Чѣмъ привлечь Христа?—вѣрою, любовью, чистотою, хожденіемъ въ храмъ, пріобщеніемъ.

Когда предлагаютъ причаститься, не надо отказываться: Господь одинъ, священники разные.

Когда съ Святыми Дарами стоятъ и пріобщаютъ народъ, въ это время нельзя сидѣть, Самъ Господь стоитъ; уйти надо въ другой прйдѣлъ, и тамъ по немощи можно посидѣть.

Какъ готовиться? 1) со смиреніемъ, 2) какъ разбойникъ, 3) Марія Магдалина, 4) жена кровоточивая. Не будь какъ Іуда, а будь какъ Апостоль Іоаннь, припади къ перси Господа.

Господа принимать надо со смиреніемъ и кротостью и съ радостью. Какъ Господь сказалъ: на кого воззрю? потомъ Господь сказалъ по воскресеніи—радуйтесь; послѣ причащенія надо радаваться, не надо никакого сокрушенія. Какъ Марія Египетская—Егоже возлюбила еси, Егоже возжелала еси—черезъ Іорданъ перешла, какъ Ангель, къ причащенію, такъ и ты возлюби Его и возжажди—жаждай да грядеть.

Да отверзутся небеса и ниспошлется на тебя благодать; нужно сиротъ и вдовъ утѣшать, сама знаешь, какъ одинокой тяжело жить.

Причастникамъ: вы теперь дѣвы въ совершенныхъ годахъ, возлюбите Господа Жениха Своего, а о земномъ даже мыслить не надо, это все земля, нужно больше думать о будущемъ. Надо къ св. чашѣ подходить и думать, что недостойна часто и со смиреніемъ взывать: все—тутъ, въ Тебѣ, Господи: и мать, и отецъ, и мужъ—все, Ты Господи, и радость и утѣшеніе! Нужно намъ съ тобой быть для всѣхъ утѣшеніемъ; гдѣ бываемъ—радовались бы намъ,—и желали бы насъ и любили бы насъ за то, что мы съ плачущими плачемъ.

Вотъ Самъ Господь захотѣлъ, хотя и устами недостойнаго іерея, къ тебѣ придти, стучить въ сердце. Отвори и приими Его, затвори, не выпускай; приими Духа Святого въ душу твою. Приобщись, я очень люблю, кто часто приобщается—это мои друзья.

Что значить причащеніе?—ни одинъ человекъ не можетъ понять; отъ причащенія получаютъ исцѣленіе отъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ; вотъ у тебя докторъ говоритъ: «тѣло и кости болятъ», а ты все крѣпишься—въ немощахъ сила Божія совершается. Жаждай—да грядеть. Желаніе хорошее—часто приобщаться. Древніе христіане каждый день приобщались. Какъ они приготовлялись?—милосердіемъ (въ это время зазвонили въ колокола). Ангелы радуются о кающейся грѣшницѣ.

Какой милосердый Господь! — такъ часто тебя къ Себѣ призываетъ. Что даетъ Онъ? — какое благодѣяніе! а что намъ съ тобой нужно здѣсь? Мы живемъ съ тобой на квартирѣ, а домъ нашъ на небесахъ; не нужно ни о чемъ думать житейскомъ, немало попостилась, помолилась, поплакала, а потомъ какая радость! Источникъ безсмертія вкусите и видите яко благъ Господь; воспой аллилуіа. Я очень радъ, что не ѣшь скоромное. Не надо о людяхъ дурное думать. Если тебѣ открыть ихъ сердца, можетъ быть, они и святые; теперь не узнаешь.

Приобщалась въ 1-й день Пасхи, батюшка сказалъ: какъ проводить этотъ день? — какъ можно меньше ѣсть, говорить больше о Господѣ, о житейскомъ не говорить, а то очень грѣшно, даже не слѣдуетъ мыслить и чувствовать чего-либо худого.

Надо благодарить Господа, что такъ часто приобщаешься.

Не нужно слушать бабьихъ разговоровъ, что нельзя часто приобщаться, это неправда (далъ книгу Подражаніе Божіей Матери), тамъ написано: нужно чаще приобщаться — со смиреніемъ и сердцемъ непорочнымъ. Сознаешь ли себя недостойной принять Господа? желаешь жить во Христѣ.

Назиданіе о праздникахъ.

(5 января) этотъ день особенный передъ всѣми днями, кроме великой пятницы — освященіе воды, всего водного вещества; пройдутъ васъ, освятятъ и исцѣлятъ; надо вѣровать и надѣяться.

8 мая. Кончился годъ Пасхи, будемъ начинать вновь жить. Много прошлымъ годомъ исповѣдовалась, а больше грѣшила, теперь будемъ стараться грѣшить какъ можно меньше; нужно молиться Іоанну Богослову. Когда плоть одолеваетъ, онъ тебѣ поможетъ, потому что былъ дѣвственникъ и Бога проси, чтобы Онъ тебя поручилъ какъ Божію Матерь — ему.

(Въ Троицынъ день). Проси, чтобы Утѣшитель пришелъ и обитель сотворилъ. Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, и на тебя сойдетъ. Не надо унывать, когда кто что скажетъ или по-

бранить, надо вспомнать мученицъ Екатерину и Варвару, а то прогонишь Духа Святого, на все надо смотрѣть съ хорошею стороны, надо найти что нибудь хорошее во всякомъ грѣшникѣ.

(8 іюля). Какъ рада была Елизавета Божіей Матери, и въ радостно встрѣтите Божію Матерь, не вы пришли къ Ней, а Она къ вамъ и принесла даръ драгоцѣнный и говоритъ: что тебѣ нужно? все есть; если больна—будь здорова, если грязна—очистись, если нага—одѣнься, съ этими чувствами и подходи къ Святой Чашѣ.

(22 іюля). Въ этотъ день очень хорошо пріобщаться. У Маріи Магдалины было искушеніе, какъ ее всѣ упрекали, осуждали, она ничего и никому худого не дѣлала, а потомъ какъ вѣровала и любила, надѣялась и получила; сколько она жертвовала мура; а ты не мура, а сердце чистое и сокрушенное носи Господу, лети къ Нему и припади.

(6 августа). Нужно сей день проводить уединенно и просить у Господа свѣта, чтобы Онъ коснулся лучомъ благодати, проникъ въ сердце.

(6 августа). Какъ Петру было хорошо съ Господомъ, такъ и тебѣ нужно возлюбить Господа, будетъ хорошо.

Отданіе Преображенію: что можно почерпнуть отъ Преображенія? — отгнаніе врага, который много искушаетъ, потомъ ниспосланіе благодати Святого Духа; такъ и подходи къ Святой Чашѣ съ этими мыслями; а отъ Успенія — дѣвственность, поднимайся, какъ на крыльяхъ.

(15 августа). Вотъ, какой праздникъ Божіей Матери! Проси у Нея, чтобы Она дала тебѣ все хорошее, молись Ей, чтобы Она спасла тебя отъ всего худого, дай ей обѣщаніе для праздника—подарокъ, чтобы не оскорбляться ни на что, что бы ни приключилось.

(29 августа). Въ этотъ день хорошо причащаться, батюшка совѣтовалъ этотъ день проводить въ постѣ и молитвѣ; съ масломъ кушать нельзя, прибавилъ: праздникъ вашъ, будь ученицей Іоанна Предтечи, съ родителями миръ.

(8 сентября). Праздникъ Божіей Матери. Препоручи всё скорби Ей, а если Ей угодно, еще больше Она пошлетъ, и всё съ радостью нужно принимать, ради спасенія и будущей жизни. Проси Бога и Пречистую быть тебѣ чистой и цѣломудренной.

(14 сентября). Указаль на крестъ—вотъ тебѣ отецъ и женихъ и вся надежда, Онъ за тебя терпѣль и не оставитъ тебя при жизни, а по смерти не дастъ червямъ точить твое тѣло, и будетъ стоять на могилѣ твоей—только люби Его и не забывай.

(1 октября). Божія Матерь покрываетъ вѣрующихъ, молящихся и кающихся; покроетъ тебя всю, не одну голову, приноси въ домъ миръ; домашніе заняты житейскими дѣлами, а ты молитвою, поминовениемъ.

(21 ноября). Дѣва Пречистая пришла въ церковь, а ты дѣва прими Господа, имѣй добродѣтель божественную—воздержаніе, цѣломудріе; лучше быть ковальней, чѣмъ молотомъ.

(9 декабря). Какой сегодня праздникъ Божіей Матери! Она не отвращаетъ Лица Своего отъ всякаго грѣшника кающагося; какъ о всѣхъ печется!

Когда бываешь въ церкви и слушаешь слово Божіе, какъ тебѣ сказано, всегда думай, можетъ быть послѣдній разъ слышишь, надо быть благодарной навсегда не только на словахъ.

О МОЛИТВѢ.

Не надо изъ-за лѣни оставлять молитву, или чтеніе, или работу. Если не dokonчено какое дѣло, надо dokonчить, не сегодня, такъ завтра.

Нужно усердно молиться: Боже очисти мя грѣшную.

Боже буди милостивъ мнѣ грѣшной.

Отче согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, нѣсмь достоинъ нарецися сынъ Твой, сотвори мя одинаго отъ наемникъ Твоихъ.

Се раба Господня! да будетъ ми по глаголу Твоему.

Помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ.

Когда приду и являюся лицу Твоему и насыщуся славы Твоея.

Господь Просвѣщеніе и Спаситель мой, кого убоюся.

Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея.

Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ.

Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка, (когда поютъ или читаютъ это, клади земной поклонъ, даже папашѣ скажи, чтобы клалъ).

Если помыслы обуреваютъ—молись: Боже милостивъ, соблюди насъ святыней Твоей.

Запоминай чаще: живъ Господь Богъ мой, жива и душа моя.

Когда усопшихъ поминаютъ за обѣдней—нужно говорить: помяни Господи всѣхъ здѣ поминаемыхъ, егда приидеши во царствіи Твоемъ.

Нужно сердце сторожить, чтобы мысли не входили. Если приходятъ, то нужно молиться—«сердце чисто созижди ми Господи».

Нужно больше молиться Божіей Матери, прибѣгать къ Ней, Она наша заступница, проси Ее, чтобы Она тебя напоминала, что узокъ путь въ царствіе небесное.

Нужно, когда молишься, представлять себѣ Господа со Святыми, остальное все забыть, чтобы ничего не видѣть и не слышать; не нужно думать, какъ о тебѣ думаютъ и не нужно смотрѣть, кто какъ молится.

Надѣйся на Господа, отъ Него и помощи ищи, Онъ никогда не оставитъ.

Если кто скажетъ насчетъ молитвы нехорошо (если кто осудитъ), нужно благодарить Бога и ничего не говорить, а лучше помолиться: «Да воскреснетъ Богъ»—прочитать, а если не вытерпѣла, то лишаешься блаженства.

О перенесеніи скорбей.

Если будутъ отца бранить или выгонять—все терпи ради Господа, и Его гнали, негдѣ Ему было Главы преклонить, будешь изъ мудрыхъ дѣвъ, пойдешь за Богородицей и будешь сопровождать Ее.

При скорбяхъ чаще надо повторять: Господь Просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся?

Надо надѣяться на Промыслъ Божій и читать псаломъ 138.

Смотри чаще на Плащаницу. Нужно такъ же сіять. Если у насъ бываютъ разныя неприятности, все нужно принимать, какъ отъ руки Божіей за прежніе грѣхи. Знай, что все на пользу; все нужно съ радостью переносить, и не забывать, что ты ѣшь каждый день просфоры; будь такъ же чиста, какъ просфора; нужно такъ жить—видишь, какъ бы не видишь, слышишь, какъ бы не слышишь; нужно помнить, что ты ради Бога все оставила, тебѣ только нужна благодать Божія; вотъ помни, какъ я тебя поставилъ, такъ и нужно себя вести.

Скорби—онѣ для насъ дороже всякаго наслажденія.

Велѣлъ молиться послѣ скорби на ночь—за обидящихъ и ненавидящихъ—хорошенько.

О болѣзняхъ.

Болѣзни у насъ за грѣхи, поскорбѣть ничего, только роптать не надо. Полѣчиться хорошо, все отъ Бога, только не надо забывать Врача духовнаго, самое главное лѣкарство—причащеніе, соборованіе, молитва пресвитера.

Пусть тѣло то болитъ за прежніе грѣхи, только бы душа была здорова, не мѣшалась бы умомъ, все дескать не такъ, не по нашему, живемъ, какъ намъ хочется.

Когда нездоровится, всегда помни, что Господь съ тобою.

Нужно беречь здоровье, не нужно утомлять себя, нужно разокъ въ недѣлю отдохнуть, вы очень слабы, хуже, если свалитесь на 6 недѣль. Въ будущемъ отвѣтите, что вы слушались духовника, посланника Твоего, Господи; а что отвѣтите, когда вамъ скажутъ: не берегла здоровья. О болѣзни роптать не надо, всѣмъ свой крестъ, кому болѣзни, кому сиротство, бѣдность, и тѣмъ достигаютъ царствія небеснаго, кто чѣмъ подвизается.

Наставленія на разные случаи жизни.

Нужно сторожить и заширать сердце и прислушиваться, какъ бы врагъ не ворвался, (мысли нехорошія); какъ отъ вора оберегаются, такъ нужно и намъ стеречь свое сердце, а то онъ еще хитростью врывается, сначала подъ благовидной бесѣдой, потомъ мыслями. Нужно все разсматривать,—вслушиваться, къ чему ведетъ, скорѣе отгонять — чѣмъ? молитвою со слезами, покаяніемъ, причащеніемъ.

Когда съ выносомъ идутъ, поминай присныхъ, всегда поминай.

Передъ страстной недѣлей. Будутъ читать Евангеліе, слушай со вниманіемъ, какъ само Евангеліе тебѣ говоритъ; будь проста, какъ дитя; сердце имѣй чистое.

Не ропщи, что долгая служба, постное кушанье; надо назидаться Святымъ писаніемъ, читать и слушать въ церкви; надо не передъ людьми показывать постное, а въ душѣ.

Въ церкви разговаривать грѣшно; если спрашиваютъ, нужно отвѣтить. Что же дѣлать? Нужно утѣшить.

Изъ церкви нужно выходить съ миромъ. Если взволнуется отъ чего, нужно помолиться Царицѣ Небесной, приложиться къ Ея Святой иконѣ и уносить миръ въ домъ.

Крестное знаменіе на себѣ полагать надо со вниманіемъ и поклоны творить, за трапезой сидѣть со страхомъ и воздерживаться въ словахъ. Не нужно слушать разные разговоры, кромѣ

бесѣдъ о божественномъ, о будущемъ, о спасеніи души; если что увидишь или услышишь нехорошее, можешь остановить.

Не надо бояться грома—грѣхъ; нужно помолиться Богу, прочитавъ Царю Небесный 3 раза; нужно подумать: какое величіе Божіе, а я—какое созданіе малое и Богъ хранить; съ Богомъ вездѣ хорошо, что Ему угодно, то и дѣлаетъ.

14 сентября. Можно для такого дня не кушать съ масломъ, а съ хлѣбушкомъ и со слезами.

Нужно почаще думать о смерти своей.

Ходить въ церковь, когда вѣнчаютъ родныхъ или знакомыхъ надо, надо помолиться; великое таинство совершается; въ древнія времена за обязанность считали, а теперь дѣлаютъ церковь на что похожей?!

Взирай чаще на небо—Иже еси на небеси.

2 августа. Помните 1-й псаломъ, Василій Блаженный все его въ головѣ содержалъ. Нужно по капелькѣ прибавлять, (совершенствоваться), сколько питаете тѣло, столько и душу—молитвою питать. Не надо, чтобы было по нашему, а чтобы было по Божьему; надо радоваться, когда не по нашему, надо все переносить, какъ Господь все терпѣлъ и смирялся.

Хорошо больше молчать и чулочекъ повязывать, можно и подумать. Нужно себя вести чистоплотно, для здоровья, тѣло наше храмъ Духа Святого.

Нужно не пресыщаться, а кушать всегда съ голодомъ.

Нужно заповѣди имѣть въ сердцѣ; каждую недѣлю просматривать совѣсть, по заповѣдямъ ли живешь, а не только наизусть знать и не исполнять.

Будьте, какъ древніе христіане; они были дружелюбны, имѣли ко всѣмъ любовь нелицемѣрную, имѣли все общее, молились единодушно.

Какъ исцѣленный не хотѣлъ уходить отъ Господа, такъ и намъ нужно быть всегда въ присутствіи Божьемъ, не забывать, что Богъ все видитъ и слышитъ—никогда не согрѣшишь.

Въ 12 часовъ ночи читай: Милосердія двери отверзи намъ...

Утромъ надо пить Богоявленную воду, а вечеромъ святую, (т.-е. освященную на обычномъ церковномъ водосвятіи).

Хорошимъ людямъ не страшень будетъ судъ, они будутъ радоваться, что всё страсти кончатся; страсть гордость—какъ трудно съ ней бороться—тамъ не будетъ; страсти плотскія, ложь да и многія—тамъ все радость и утѣшеніе; и намъ надо надѣяться, что будемъ одесную, потому что мы вѣрующіе; а кто проклятъ—будемъ за него молиться, чтобы и онъ былъ нашъ, а не отверженный.

Батюшка спросилъ разъ: бываетъ благодатно? Прасковья Михайловна не поняла. Батюшка сказалъ ей: иногда говорятъ: какое благодатное время.

Любишь Господа? Что намъ нужно кромѣ благодати Господней; проси, чтобы Онъ прикрылъ одеждой оправданія всё прежніе грѣхи, проси, чтобы далъ молитву средоточную. Нужно добро творить ближнимъ.

Давай встрѣчать Рождество Христово покаяніемъ, очищать сердце для встрѣчи Господа. Прежде, за сколько тысячъ лѣтъ, ждали сошествія на землю Господа?!

Не надо думать, что плохо будетъ въ будущемъ; за что?—ты вѣруешь, жизнь въ дѣвствѣ проводишь, въ покаяніи и приобщеніи.

Въ началѣ рождественскаго поста. До святокъ молись Іоанну Предтечѣ, каждый день по поклону. Не надо раздражаться—великій грѣхъ, особенно постомъ; кто намъ надѣнетъ терновъ вѣнецъ? а вотъ надѣваютъ обстоятельства; нужно, все что бы ни было, переносить, ничего не говорить, будто ничего не видишь и не слышишь, на все нужно наложить постъ, на глаза, на уши, на чувства; очень нехорошо—я тебѣ все говорю, а ты не слушаешь.

Батюшка однажды возвращаясь отъ обѣдни говорилъ: жалко разстаться съ службой, такъ и представляется, какъ сіяетъ все—и престоль, (зажалъ глаза), такъ бы и не разстался. Не обращай вниманія—помыслы долго будутъ, потому что здорова, а страхъ Божій будетъ—имѣй одесную Ангела.

Когда Прасковью Михайловну понесла лошадь и она очень испугалась, батюшка сказалъ: «много жалѣешь жизнь, боишься смерти и болѣзни; не смерти бойся, а какъ предстать на судъ. Когда покаешься и причастишься, нечего бояться. Какъ мы ничтожны! Сейчасъ были на краю гроба, а Богъ всемогущъ, все въ Его рукахъ. Не надо раздражаться, очень нехорошо, нужно молиться и чаще пріобщаться, чтобы избавиться отъ страстей. Какъ хорошо съ Господомъ, вездѣ, и въ пропастьяхъ, и въ вертепахъ, и на морѣ, вездѣ весело, не скучно, возьми въ примѣръ святую, имя которой носишь, она все оставила; кто идетъ путемъ Господнимъ, у тѣхъ бываютъ скорби, все у нихъ отнимается, дружба разрывается. Все надо принимать, какъ отъ руки Божьей, а то чѣмъ же спасаться?!—добрыми дѣлами трудно, тогда скорби надо переносить.

Не безпокойся, если отъ церкви больна. Тотъ истинный вопиѣ, который на войнѣ пострадалъ, а не тотъ, который сидѣлъ и отдыхалъ, тотъ не получить вѣнца, награды.

Вотъ, гдѣ спасеніе (указалъ на лобъ и на грудь). Когда бываютъ искушенія, (увидишь или услышишь), надо святой воды ложечку принять и помолиться: «Боже очисти мя грѣшную» или «Царю Небесный» прочитай.

Хорошо все перекрестить, что начинаешь кушать, а при народѣ не надо,—мысленно можно.

Служебныя просфоры не надо сушить. Если у тебя нѣтъ денегъ заказать сорокоустъ, клади по 40 поклоновъ съ усердіемъ.

Будь какъ пепель, зола, унизь себя до земли, никому ничего не говори, не забудь послушанія.

Однажды чувствовала себя нехорошо, врагъ одолѣлъ, нервы разстроились, сдѣлалась больна, страхъ напалъ. Батюшка сказалъ: вотъ врачебница—никогда не закрыта, нужно причаститься; подымись—и стало лучше.

Родителей надо любить, мы не знаемъ, какъ слѣпому плохо, и какъ разстаться съ родителями плохо (Прасковья Михайловна не поняла это, черезъ нѣкоторое время предсказаніе исполнилось:

на одной недѣлѣ пришлось ей испытать 2 ужасныя потрясенія: батюшка лишился зрѣнія и умеръ отецъ ея).

За вечерней молитвой надо вспоминать, какъ провела день, что согрѣшила, кайся передъ Богомъ.

Какъ подавать нищимъ: сколько подать думаешь, размѣняй на копѣечки и подай, кто попадетя, не разбирай, а послѣ ужъ никому, какъ бы ни просили.

Древніе христіане въ приготовительные дни къ посту чаще приобщались, потому что врагъ больше нападаетъ и мыслями и чувствами; не смущайся, что малая исповѣдь, повторяй сейчасъ, какъ блудный сынъ: Отче, согрѣшила на небо и предъ Тобою. «Батюшка далъ книгу—«Путь ко спасенію», сочиненіе Θεодора Эмина—велѣлъ 2 раза прочесть до Пасхи со вниманіемъ, («лучше оставь что другое»).

Узнала, что значить сиротство; надо поминать мать, разгонится тьма, ближе становится; доживешь до сѣдыхъ волосъ, перейдешь въ будущность, тамъ она тебя встрѣтитъ и будетъ тебѣ самый близкій другъ благодарный.

Надо, чтобы была убѣлена брачная одежда: вѣра, надежда и любовь.

14 октября въ день Ангела. Нужно Ангела молить, чтобы онъ тебѣ помогаль во спасенье; молись преподобной Параскевѣ, чтобы она тебя спасала отъ всего грѣховнаго и подозрѣнія; молни Бога, чтобы сподобилъ принять Святыя Тины, чтобы онѣ освятили всѣ твои мысли и чувства; благодари Бога, хорошо прожила годъ, каждый день была въ церкви; дай Богъ такъ провести и этотъ годъ, потому что онъ очень тяжелъ для васъ. Подарилъ книгу—«Училище благочестія»—велѣлъ каждый день читать; научитесь быть добродѣтельной.

Чего желаешь отъ Господа? (отвѣтила:—всего больше смиренія),—и любви къ Богу и ближнимъ.

Нужно молить Бога, чтобы послалъ Ангела, хранилъ бы тебя, чтобы Духъ Святой снишелъ какъ орелъ, обнял бы свое

маленькое дѣтенышко; нужно входить въ себя, нужно вспоминать о будущей жизни, не надо заботиться впередъ, какъ жить.

Входить въ себя нужно—смотри́ть на себя и думать, какъ себя ведешь; за обѣдомъ меньше говорить, не обижаться ни на кого; все ради Господа терпѣть, не слушать вредный разговоръ; заставь молчать, а то бѣги дальше, чтобы не услышать соблазнительное.

Случаи благодатнаго исцѣленія и помощи по молитвамъ пастыря.

Великія чудеса, великія милости Божіи видѣла на себѣ одна старушка Александра Исаевна *), которая больше 25 лѣтъ была подъ спасительнымъ руководствомъ великаго пастыря.

Будучи съ молодую вѣрующей и набожной, она долго искала истиннаго пастыря; душа ея все не удовлетворялась, все томилась въ поискахъ ревностнаго служителя Христова, который могъ бы свѣтомъ вѣры и любви ко Господу согрѣть ея одинокую опротивѣлую душу. Долго ходила она по разнымъ храмамъ, горячо моля Господа указать ей истиннаго наставника и руководителя, который могъ бы правильно повести ее среди житейскаго хаоса маловѣрія, смуты, духовнаго голода и закоснѣнія. Горяча и искренна вѣрно была ея мольба ко Господу, потому что ей во снѣ явилась церковь «Нечаянной Радости», которая манила ее къ себѣ, какъ пристань ея долгихъ ревностныхъ исканій **). Это видѣніе было такъ неожиданно и знаменательно для нея, произвело на нее такое глубокое впечатлѣніе, что она рѣшилась, во что бы то ни стало, найти указанный храмъ подъ горкой, такъ какъ твердо вѣрила, что именно въ этомъ храмѣ она найдетъ такъ давно отыскиваемаго пастыря. И что же! Послѣ долгихъ старательныхъ поисковъ, она наконецъ, находитъ этотъ храмъ, а въ немъ великаго служителя, въ которомъ сразу же познаетъ

*) Ордынка, Пыжовскій переулокъ, д. Валаамскаго подворья.

**) Въ церкви она видѣла святую икону Божіей Матери „Нечаянная Радость“.

великаго свѣтильника, истиннаго, ревностнаго поборника вѣры и благочестія. Вотъ какъ благъ Господь! Вотъ какъ слышитъ наши горячія мольбы и возношенія! Ни одна просьба наша не бываетъ отвергнута Имъ, если только Онъ видитъ, что наши прошенія послужатъ намъ во благо и спасеніе.

И вотъ Александрюшка, горячо увѣровавъ въ пастыря, стала его любимой ученицей.

Чтобы закалить въ ней твердость вѣры и терпѣнія, батюшка повелъ ее тернистымъ путемъ скорбей и испытаній. Принявъ ее въ свое духовное стадо, дорогой руководитель пожелалъ, чтобы и она прошла среди острыхъ шиповъ душевныхъ страданій, чтобы путемъ горячихъ молитвъ очистить ея душевную храмину и сдѣлать ее доступною къ воспріятію духовныхъ радостей и возношеній.

Такъ онъ наложилъ на нее годовой мучительный искусь, годовое лишеніе свѣта и благодати; будучи ласковъ и милостивъ съ ней сначала, онъ вдругъ гнѣвно сталъ гнать ее изъ храма, чтобы испытать насколько горяча и искренна ея преданность къ нему.

Батюшка, какъ великій духовный учитель, понималъ, что только преданную, любящую душу можно удачно шлифовать и воспитывать, онъ избиралъ истинно преданныхъ духовныхъ дѣтей, которыхъ путемъ долгихъ, томительныхъ испытаній доводилъ до границъ безропотнаго терпѣнія, безусловной преданности и послушанія. Путемъ глубокаго духовнаго созерцанія разнородныхъ душъ человѣческихъ, онъ отбиралъ для себя вполне годную достойную пшеницу, чтобы понапрасну не терять нужнаго времени на уходъ за плевелами, которые, все равно, должны будутъ скопиться Все-праведнымъ, Нелицепріятнымъ Судьей—Владыкой; только здоровые, годные ростки выращивались на его обильной, плодоносной нивѣ, удивляя всѣхъ своей красотой и пригодностью.

Вотъ почему всякаго, вновь пришедшаго къ нему, человѣка, батюшка долго и томительно испытывалъ, чтобы видѣть, хватить ли у него духовной бодрости и терпѣнія, хватить ли достойной вѣры и любви ко Господу, чтобы, перенеся скорби, онъ могъ выйти съ

побѣдоноснымъ вѣнкомъ на радостное поприще духовнаго дѣланія, духовнаго совершенствованія.

Для батюшки безконечно дорогъ былъ каждый человекъ, самый послѣдній, самый слабый, испорченный несчастливецъ. Съ безмѣрной нѣжностью и любовью ласкалъ онъ такія несчастныя, испорченныя созданія, чтобы, растопивъ ихъ духовную очерствѣлость и загрубѣлость сдѣлать ихъ пригодными для сладостныхъ духовныхъ впечатлѣній.

Такъ было и съ Александрушкой. Пастырь гнѣвно не велѣлъ ей показываться на глаза и входить въ храмъ; и, вотъ, бѣдная, кроткая старушка цѣлый годъ выстояла на паперти, не смѣя послушаться пастыря и переступить въ храмъ. Каково было ей цѣлый томительный годъ не слышать благодатныхъ службъ, не подходить къ батюшкѣ, не получать его благословенія?! Но все терпѣла она, все съ радостью переносила, съ великими слезами обращаясь къ Всемиловитому Владыкѣ, прося прощенія и милосердія.

Конечно, такому любвеобильному пастырю жалко было своей бѣдной, преданной старушки, но онъ и виду ей не показывалъ, гнѣвно, строго проходилъ онъ мимо нея, какъ будто не замѣчая ея, но самъ зорко слѣдилъ за ней, хватить ли у нея силы выдержать испытаніе и горячо просилъ за нее Господа, чтобы Онъ утѣшилъ ее и невидимо укрѣпилъ своей благодатью.

И что же! Прошелъ годъ, искусь кончился, терпѣніе закалилось, христіанская душа обогатилась горячностью молитвы, горячностью любви къ милосердному Господу, который внялъ горестному воплю ея измученной души и сблизилъ ее съ любящимъ пастыремъ. Дѣйствительно, столько духовныхъ радостей и утѣшеній выпало на ея долю и пересказать невозможно, столько дивныхъ видѣній и откровеній было ей, столько знаменій благодати и всемогущества Божьяго!! Смиренная раба Господня только нѣмѣла и поражалась обилію чудесъ и мудрости пастыря, который, имѣя великое дерзновеніе къ Господу, сплой своей пламенной мольбы могъ у Господа все испрашивать.

Однажды Александрушка опасно заболѣла, почувствовала свой смертный часъ, просила она передать объ этомъ батюшкѣ; батюшка прислалъ ей сказать, что самъ прїѣдетъ прїобщить ее. Прїѣхалъ онъ, тутъ присутствовали двѣ духовныя дочери батюшки: Пелагея Алексѣевна и Анна Сергѣевна. Всталъ батюшка около постели и началъ такъ горячо молиться объ ея исцѣленіи, что слезы ручьями текли изъ его глазъ. Прїобщилъ онъ Александрушку Святыхъ Таинъ. Когда присутствующія подошли къ батюшкѣ подъ благословеніе и спросили о больной, батюшка возразилъ: она назначена была идти ко Господу, но я вымолилъ ее у Господа, а вмѣсто нея отдамъ Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны. Всѣ были въ недоумѣніи, слыша такія дерзновенныя слова пастыря. Прощаясь съ Александрушкой, батюшка сказалъ: «ну, Александра, ты должна была умереть, но я выпросилъ тебя у Господа, потому что ты мнѣ нужна и другимъ нужна, а вмѣсто тебя я обѣщался отдать Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны».

Александрушка стала поправляться и въ восторженномъ недоумѣніи размышляла о величіи и праведности пастыря, который имѣлъ такое дерзновеніе передъ Владыкой, что могъ испрашивать у Него жизнь и здравіе однимъ и вмѣсто нихъ отдавать Господу другихъ.

Передъ этимъ только приходила навѣстить Александрушку Матреша съ матерью, Матреша была совершенно здорова и нельзя было думать о ея смерти. Что же! Черезъ недѣлю опять прїѣзжаетъ батюшка прїобщать Александрушку и говоритъ: «ну, Александра, ты теперь выздоравливаешь, а вотъ отъ тебя я поѣду къ Матрешѣ, она больна, я ѣду напутствовать ее къ смерти, ты остаешься на землѣ, а я обѣщалъ ее отдать за тебя Господу». Дѣйствительно, Матреша въ непродолжительномъ времени скончалась.

Вотъ какъ духовно величествененъ и силенъ былъ нашъ дорогой пастырь, все могъ онъ выпросить у Господа. Развѣ это не великое чудо поднимать съ одра смерти человѣка и вмѣсто него

отдавать Господу другого, менѣе пригоднаго къ полезной жизненной дѣятельности.

Александрюшка осталась жить и утѣшать духовныхъ чадъ пастыря, потому что онъ всюду разсылалъ ее по больнымъ, несчастнымъ, скорбящимъ со словами привѣта, отрады и облегченія.

Вотъ умираетъ сынъ несчастной матери, сама она въ тяжкомъ горѣ душевнаго страданія, измученная бессонными долгими ночами, постоянными муками среди надежды и отчаянія, сама больная, ослабла. Кто успокоитъ и утѣшитъ ее? Кто принесетъ ей слово радости и надежды? И вотъ является сіяющая радостная Александрюшка съ присланными отъ батюшки образкомъ и просфорой, съ дорогой вѣстью о несомнѣнномъ спасеніи и выздоровленіи больного сына, сразу оживляя и воскрешая всю семью, которая, измучившись тяжкими симптомами опасной болѣзни, долго была лишена отрады и покоя. Вотъ какія нибудь матеріальныя горести и лишенія, нужда, безвыходность и опять является радостная, сіяющая старушка съ вѣстью о грядущемъ довольствѣ, счастьѣ и удовлетвореніи; тамъ рожденіе дѣтокъ, сговоръ невѣсть, нужно мудрое наставленіе и указаніе отъ пастыря—и опять все Александрюшка, такъ какъ при огромномъ числѣ пасомыхъ, пастырю всюду самому невозможно бы было успѣвать.

И вотъ повсюду являлась благодатная вѣстница щедротъ и милостей батюшки, всюду своимъ радостнымъ присутствіемъ приносила благодать и утѣшеніе отъ него, надолго вливая счастье и радость въ посѣщаемую семью.

Но, для того, чтобы она была достойной посланницей, батюшка старался самое Александрюшку надѣлать духовными дарами вѣры и благодати. За послѣдніе годы своего служенія въ Соборѣ, почти каждую службу свою приготавливалъ онъ ее къ достойному приобщенію Святыхъ Пребожественныхъ Таинъ Христовыхъ.

Такое обиліе благодати смывало ея слабости и недостатки, все больше и больше украшая ея духовную храмину.

Но зато надо было только послушать ея рѣчи. Какая преданность и любовь къ пастырю дышала въ каждомъ ея словѣ,

въ каждомъ благодарномъ воспоминаніи объ его великихъ, непостижимыхъ дѣйстваніяхъ!

Александрюшка твердо, несокрушимо вѣрила въ батюшку, она вѣрила, что, если онъ ее куда пошлетъ, если что поручить, она должна это исполнить, хотя бы ей предстояли на пути всевозможныя преграды и препятствія; батюшка зналъ и понималъ ее безграничную любовь и преданность, а потому охотно посылалъ ее со всевозможными, трудными порученіями, и все она исполняла во славу Божию, въ честь и хвалу достойнаго служителя Христова, который даже черезъ посланницу могъ обильно расточать дары благодатной помощи и исцѣленія. Гдѣ бы батюшка ни былъ, на молебнахъ, въ домахъ, онъ всюду почти позволялъ являться и Александрюшкѣ и все болѣе и болѣе показывалъ ея разуму чудесныя явленія своей праведности и мудрости.

Когда батюшка оставилъ служеніе въ Соборѣ и принималъ паству у себя на дому, то Александрюшка съ просфорами ежедневно являлась къ батюшкѣ, такъ какъ и на дому батюшка продолжалъ свое великое дѣло помощи и исцѣленія всѣхъ скорбныхъ и недужныхъ, прибѣгающихъ подъ его молитвенный кровъ и защиту. Такъ, онъ посылалъ Александрюшку съ отвѣтами на полученныя письма, посылалъ со словами цѣленія, утѣшенія, укрѣпленія. Теперь еще больше было просьбъ, недоумѣній и вопросовъ, теперь то еще больше было мольбы, такъ какъ несчастная паства, лишенная служенія своего пастыря, вся изнемогала среди душевныхъ тревогъ и недоумѣній; вѣрная Александрюшка всюду шествовала, смиренно сознавая сколь отвѣтственная великая обязанность поручена была ей, и какъ правильно и вѣрно она должна исполнить возложенное на нее дѣло. Вотъ почему великій пастырь, призывая ее отъ смерти къ жизни сказалъ: «ты мнѣ нужна и другимъ нужна». Да, онъ все зналъ и провидѣлъ, все мудро устроилъ и распредѣлилъ.

Незадолго до смерти батюшки случилось сильное наводненіе. На страстной недѣлѣ, въ пятницу, прощаясь съ Александрюшкой,

батюшка сказалъ: «завтра увидимся». Въ ночь на субботу рѣка вдругъ поднялась, вышла изъ береговъ и быстро стала затоплять прибрежныя мѣстности. Александрюшка жила на берегу рѣки; вотъ, видитъ она утромъ, вода затопила ихъ дворъ, аршина на 3, такъ что выйти изъ дома не было никакой возможности, а батюшка наканунѣ сказалъ: «завтра увидимся». Какъ же это! Такія слова пастыря не могутъ быть напрасны, нужно во что бы то ни стало добраться до батюшки!

Что же случилось! Жилъ въ сосѣдней комнатѣ одинъ батюшкинъ духовный сынъ живописецъ Александръ Павловичъ, и вдругъ приѣзжаетъ за нимъ на плоту (изъ 3-хъ досокъ) по водѣ его другъ Сергѣй Васильевичъ. Видя его въ такомъ осадномъ положеніи, онъ, изъ-за состраданія къ нему, рѣшается на такую геройскую переправу на плохенькомъ опасномъ плоту, вполне понимая, что слишкомъ тяжело будетъ его другу пробыть дома въ такой величественный свѣтлый праздникъ и лишиться такого торжественнаго богослуженія. Онъ ухищряется подставить на плотъ какую то опасную лѣстницу, чтобы имѣть сообщеніе съ крышей. Кое-какъ, съ великимъ трудомъ, Сергѣй Васильевичъ добирается до крыши, пробирается на чердакъ, а оттуда уже попадаетъ во 2-й этажъ къ Александру Павловичу.

Александръ Павловичъ, видя такое геройское доказательство искренности дружбы Сергѣя Васильевича, не раздумывая, сейчасъ же собирается въ водное путешествіе, несказанно радуясь, что Господь даетъ ему возможность не лишиться пресвѣтлаго радостнаго торжества свѣтлой заутрени. И вотъ 2 друга, съ опасностью жизни, собираются къ отплытію на своей рискованной ладьѣ. Каково же ихъ недоумѣніе, когда они слышатъ, что Александрюшка умоляетъ ихъ и ее взять съ собой, говоря, что вчера ей батюшка сказалъ: «завтра увидимся», а она твердо вѣрить, что Господь поможетъ ей выбраться изъ дому, такъ какъ «съ благословеніемъ батюшки и на огнѣ не сгорѣшь, и въ морѣ не утонешь».

Напрасно представляютъ они ей вполне убѣдительные до-

воды, что она легко сможет упасть съ крыши или же сорваться съ лѣстницы, такъ какъ послѣдняя еле держится на плоту и съ такими рѣдкими ступеньками, что и мужчинѣ то нужно съ величайшей осторожностью спускаться по ней, такъ какъ легко нога можетъ соскользнуть, и тогда все кончено—упадешь въ воду — но ничто не помогаетъ.

Александрюшка — достойная ученица батюшки, она одно знаетъ: батюшка сказалъ «увидимся», значитъ, бояться нечего. И вотъ, съ помощью Ангела хранителя, она осторожно проходитъ по крышѣ, хотя ноги скользятъ по неровной поверхности, а ухватиться не за что, того и гляди скатишься и прямо въ воду.

Однакоже смѣлая, 80-лѣтняя путешественница, подобно неустрашимымъ суворовскимъ смѣльчакамъ, добирается до лѣстницы. Но тутъ новое горе, ступеньки столь рѣдки и неудобны, что нога не достаетъ съ одной до другой, плотъ качается, лѣстница еще какимъ то чудомъ висится, какъ бы показывая, что даже ничтожная, бездушная вещь и та приспособляется къ немощнымъ силамъ человѣка, вопреки своему составу ветхости и непрочности, являясь вполне пригодной для исполненія человѣческихъ цѣлей и намѣреній... Старушечьи ноги кое-какъ попадаютъ на шаткія ступеньки, лѣстница гнется, качается, но достойно исполняетъ свою обязанность перемѣщенія славныхъ путешественниковъ на нужную ладью. Путники усаживаются на еле скрѣпленный плохенькій плотъ, который охотно катитъ ихъ по бушующимъ грязнымъ волнамъ, какъ бы гордясь такими великими путниками, которые изъ-за любви ко Господу не устали рискнуть на такой опасный путь. Плотъ проѣхалъ 2—3 улицы. Вотъ и конецъ воднаго пространства; слава и хвала Господу! Они спасены и счастливо пріѣхали на сушу.

Но сколько пережито волненій и тревогъ! Александрюшка исполнила свой долгъ, она доказала свою любовь къ неоцѣненному батюшкѣ, она не испугалась ни скользкой шаткой лѣстницы, ни бурливыхъ волнъ, она твердо вѣрила въ праведность пастыря и своимъ поведеніемъ вполне доказала это. И что же!

Дорогой, любящій отецъ-покровитель не замедлилъ утѣшить настрадавшуюся героиню-старушку; только что вступила она на твердую почву и поѣхала на извозчикѣ, какъ онъ уже радостно явился передъ ней и своимъ пастырскимъ благодатнымъ привѣтствіемъ поблагодарилъ ее за то, что она ради него не побоялась предпринять такой путь, на который едва бы отважились и опытные искусные моряки. Пастырь ѣхалъ прокатиться съ своей дочкой,—какъ разъ встрѣтился съ Александрюшкой, снялъ свою шляпу и радостно поклонился ей.

Любя свою вѣрную старушку, батюшка далъ ей понять, что и послѣ своей кончины онъ не оставитъ ее безъ помощи и заступленія. Благословляя ее однажды, онъ сказалъ: «если что мы и княгиню будемъ просить» и что же оказалось! Послѣ кончины батюшки, Александрюшка для духовнаго утѣшенія случайно стала входить въ общину Великой Княгини, нашла тамъ духовника и молитвенную отраду, конечно, все при небесномъ ходатайствѣ своего неоцѣненнаго пастыря, который и теперь является ей во снѣ, утѣшая на жизненномъ пути.

Вотъ что пожелала намъ сообщить Марія Петровна Какорина, которая тоже много лѣтъ была подъ спасительнымъ руководствомъ батюшки.

Приѣхала она съ мужемъ изъ деревни и не знала батюшки; сестра ей какъ-то сказала, что въ церкви «Нечаянной Радости» есть очень хорошій священникъ, отецъ Валентинъ, и пригласила пойти туда. Марія Петровна согласилась — она была въ болѣзненномъ положеніи.

Сестра привела ее въ церковь, поставивъ около свѣчнаго ящика. Вдругъ батюшка увидалъ ее, самъ направился къ ней, положилъ ей крестъ на лицо, благословилъ ее, потомъ рукой провелъ по лбу и сказалъ: «береги свое здоровье, благословляю на добрыя дѣла и на хорошее здоровье». Благодать праведника сразу озарила ее, она поняла, что это великій пастырь, стала горячо вѣровать въ него и ходить на его службы.

Подходить она разъ къ батюшкѣ, а батюшка даетъ М.

Евд. много крестиковъ. Та не беретъ ихъ, говоря, что ей довольно и одного; тогда онъ подаетъ Марьѣ Петровнѣ и прибавляетъ: «ну, эта дѣточка моя не откажется, вотъ мужъ поѣдетъ въ деревню, тамъ и раздадите». Марія Петровна недоумѣваетъ, зачѣмъ ей такъ много крестиковъ—70. Что же оказалось! Поѣхали они въ деревню, рассказала она свекрови объ этомъ и спросила: не нужно ли здѣсь кому крестиковъ. Свекровь отвѣтила, что не нужно, такъ какъ здѣсь у всякаго есть. Въ это время увидали онѣ повивальную бабку Елену, которая знала батюшку и глубоко чтила его. Марія Петровна сообщила ей, что батюшка прислалъ въ деревню крестики, чтобы раздать ихъ. А Елена и воскликнула: «истинно батюшка святой, все знаетъ; дѣйствительно, у многихъ здѣсь нѣтъ крестиковъ, придешь къ больной матери и видишь, что и у ней самой нѣтъ даже креста, такъ что я многимъ сама покупала и надѣвала».

Свекровь сначала мало знала батюшку; потомъ ей пришлось поѣхать въ Москву. Марія Петровна повела ее въ церковь «Нечаянной Радости» и посоветовала ей поговѣть у батюшки. Онѣ встали на исповѣдь, батюшка хотѣлъ взять свекровь, но она зацѣпилась за что то и никакъ не могла подойти къ батюшкѣ, онъ все бралъ другихъ; наконецъ, какъ-то и ей удалось, и батюшка тутъ же на исповѣди самъ указалъ ея грѣхи и она поняла, что за дивный былъ пастырь, потомъ глубоко чтила его за это, а батюшка не оставлялъ ея своими молитвами и помощью.

Передъ концемъ ея жизни съ ней случился ударъ, отнялся языкъ, она была безъ сознанія, и ничего не могла выговорить. Тогда дочь ея, дѣвица, видя мать въ такомъ опасномъ положеніи, глубоко сокрушаясь, что она не можетъ принести послѣдняго покаянія и получить благодатнаго разрѣшенія отъ грѣховъ—всею силой своей вѣры обратилась къ дивному ходатаю—батюшкѣ, умоляя его дать возможность ея матери получить послѣднее благодатное освященіе Пречистыми Пребожественными Тайнами; она взяла портретъ батюшки, и съ глубокой вѣрой и сокруше-

ніемъ приложила его къ лицу больной, прося батюшку псходатайствовать у Господа, хотя на нѣкоторое время, разрѣшеніе узъ языка больной для достожджнаго приготовления къ отходу въ вѣчность.

Что же! Чудный благодатный помощникъ не замедлить откликнуться на вопль вѣрующей души: вдругъ больная открыла глаза и заговорила. Это было небывалымъ явленіемъ среди обычныхъ, грозныхъ прогрессирующихъ симптомовъ паралича. Больная ожила на короткое время, чтобы принести искрѣнное сокрушеніе въ своихъ грѣхахъ и черезъ приглашеннаго духовника получить прощеніе и благодатное соединеніе съ Самимъ Господомъ.

Можно понять, какъ глубоко потрясены были всѣ присутствующіе такимъ дивнымъ чудомъ, можно понять, какъ горячо возблагодарила дочь умирающей за такое скорое услышаніе своей мысленной мольбы къ великому пастырю.

И что же! Исполнивъ все нужное, больная вскорѣ мирно отошла ко Господу съ глубокой вѣрой и свѣтлой надеждой, что милосердый Господь, давши ей при концѣ ея жизни благодатно соединиться съ Нимъ, не оставитъ ее и въ загробномъ мірѣ Своимъ милосердіемъ и упокоитъ ее идѣже нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханій.

Марія Петровна какъ-то была опасно больна. Въ послѣднюю исповѣдь передъ окончательнымъ заболѣваніемъ, батюшка далъ Марьѣ Петровнѣ понять, что ей назначено умереть; онъ воздѣлъ руки къ Господу и сказалъ: «прими и не осуди».

И вотъ она слегла, прибывшій докторъ нашель ея положеніе безнадежнымъ и потребоваль созванія консиліума изъ 4-хъ докторовъ.

Мужъ въ отчаяніи обращается къ батюшкѣ и молитъ его помочь, заказываетъ обѣдню. Больная совсѣмъ изнемогаетъ.

Тогда кто то посовѣтоваль обратиться къ одному извѣстному акушеру, поѣхали къ нему, акушеръ уже собрался къ другой больной и отказался поѣхать къ Маріи Петровнѣ, Его стали умо-

лять, говоря, что положеніе отчаянное, мать умираетъ и остается 8 дѣтей, тогда мать доктора выходитъ къ нему и говоритъ: «Волдя, поѣзжай ужь сюда, ты видишь, какое горестное положеніе, ты здѣсь нуженъ». Докторъ, видимо сострадательный и вѣрующій, рѣшается поѣхать къ Маріи Петровнѣ. Приѣзжаетъ и видитъ, что больная совсѣмъ умираетъ, консилиумъ созываетъ уже поздно, а если онъ неудачно исполнитъ свое акушерское дѣло, то можетъ судебно пострадать. Но раздумывая некогда, онъ рѣшается на славное дѣло; предаваясь волѣ Божіей, чудеснымъ образомъ спасаетъ ребенка и, принявъ его почти мертвого, вдругъ видитъ великое проявленіе милосердія Божіяго: ребенокъ въ его рукахъ оживаетъ, такъ что является возможность совершить надъ нимъ таинство Крещенія, а самое главное, больная тоже спасена, хотя слишкомъ слаба и измучена. Такое небывало-удачное окончаніе крайне опаснаго процесса принимается всѣми за явное чудо милосердія Божіяго. Врачи поражены, такъ какъ они видятъ совершенно новое, непонятное для нихъ, явленіе—чудесную перемѣну къ исцѣленію и жизни. Медицина нѣма передъ такими дивными проявленіями милосердія и всемогущества Божьяго; правильно распланировывая ходъ извѣстныхъ болѣзненныхъ проявленій, по своимъ научнымъ законамъ, она съ благоговѣніемъ должна преклониться передъ небеснымъ гласомъ Милосердаго Владыки, который и изъ камней можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму.

Вотъ что совершалъ праведникъ-батюшка, вотъ какія дивныя чудеса испрашивалъ онъ у Господа для своихъ духовныхъ дѣтей, чтобы они крѣпче вѣровали въ Господа, горячѣе любили Его и надѣялись на Его всепрощеніе и всемилосердіе.

И мужъ Маріи Петровны—Василій Филипповичъ былъ пораженъ такимъ духовнымъ величіемъ батюшки. Это чудо освятило и укрѣпило его вѣру, придало прочный оплотъ его еще не совсѣмъ установившемуся настроенію. Какъ же было ему не проникнуться и не умилиться всѣмъ своимъ сердцемъ, когда жена его, будучи уже всѣми присуждена на неизбѣжную смерть—вдругъ

опять была оставлена на радость всей семьи. Что онъ сталъ бы дѣлать съ малолѣтними дѣтками, если бы ни милостивый пастырь, который, понявъ своей всеобъемлющей любовью ужасную горестъ одинокаго отца, глубоко пожалѣлъ его и спасъ его отъ тяжелой, страдальческой участи; при своей трудовой жизни мужъ Маріи Петровны долженъ былъ бы неутѣшно скорбѣть, не зная какъ приняться за сложное дѣло воспитанія своихъ малолѣтнихъ дѣтокъ.

Больная была спасена, но истощенный, измученный такой ужасной болѣзнию организмъ былъ лишенъ совсѣмъ силъ и дѣятельности. Больная лежала въ забытѣ и не могла говорить; дочери поочередно читали около нея акаѳистъ и молились за нее; такъ какъ докторъ сказалъ, что еще 3 дня она будетъ въ сильной опасности. И вотъ вдругъ больная слышитъ въ передней голосъ батюшки: «вотъ и я къ тебѣ пришелъ». Хотя она не можетъ открыть глазъ, но чувствуетъ, что къ ней подходитъ батюшка, возлагаетъ крестъ на ея лицо и произноситъ: «скорбями и болѣзнями должно намъ войти въ царство небесное». Потомъ она ощущаетъ, какъ батюшка прикасается своей рукой къ ея лбу и благословляетъ ее. Ей дѣлается такъ хорошо, что она открываетъ глаза и видитъ, что дочери стоятъ на колѣняхъ и молятся; тогда она спрашиваетъ ихъ: «гдѣ же батюшка, вѣдь онъ сейчасъ приходилъ ко мнѣ и благословилъ».

Присутствующіе, слыша ея странныя слова, тревожно переглядываются, думая, что съ больной жаръ и она бредитъ, но они видятъ, что она совершенно сознательно продолжаетъ допрашивать: «гдѣ же батюшка? вѣдь онъ сейчасъ былъ около меня!»! Тогда ее стараются успокоить, но Марія Петровна чувствуетъ себя совсѣмъ легко и хорошо. Съ той минуты она начинаетъ выздоравливать, вполне понимая, кому она обязана жизнью и спасеніемъ.

Батюшка вскорѣ прислалъ ей съ ея знакомой—Дуней просфору и произнесъ: «скажите Маріи Петровнѣ, что я былъ у нея». Такъ подтвердилось чудесное явленіе пастыря къ больной, ко-

тору ю онъ пожелалъ посѣтить и самъ принесъ ей благодатное исцѣленіе.

Новорожденный ребенокъ жилъ 4 мѣсяца. Маріи Петровнѣ очень хотѣлось придти съ нимъ въ Соборъ, чтобы самъ батюшка совершилъ сороковую молитву, но мужъ ни за что не хотѣлъ отпустить ее туда, видя что жена была еще слишкомъ слаба и истомлена.

И вотъ во снѣ явился батюшка Маріи Петровнѣ и сказалъ: «непремѣнно приходи въ соборъ брать молитву, я жду тебя съ распростертыми объятіями». Она рассказала свой сонъ мужу, мужъ уже не смогъ противиться волѣ батюшки и отпустилъ ее.

Батюшка обрадовался, увидавъ ее, сказалъ, что она была уже предназначена къ смерти и только по молитвамъ его опять возвращена къ жизни. Потомъ у ней родилась дѣвочка Дунечка. Это былъ необыкновенный ребенокъ; батюшка еще въ самомъ началѣ сказалъ, что она предназначена на небо; дѣйствительно, Дуня умерла 3-хъ лѣтъ. Это былъ настоящій Ангель; бывало созоветъ всѣхъ сестеръ своихъ, заставитъ ихъ молиться, и сама горячо молится и кладетъ все поклоны. У нея была необыкновенно чуткая, любящая душа, но не долго порадовала она своихъ близкихъ, такъ какъ вскорѣ Ангеломъ улетѣла на небо.

Дочь Маріи Петровны Папа подавилась однажды костью; положеніе было крайне опасно, такъ какъ кость невозможно было вытащить. Тогда обратился къ батюшкѣ, прося его помощи; онъ прислалъ ей просфору; какъ только съѣла она кусочекъ просфоры, такъ кость вышла благополучно, не причинивъ никакого вреда.

Однажды Марія Петровна пошла въ гости къ снохѣ, та стала угощать ее лафитомъ, но Марія Петровна рѣшительно отказывалась, говоря, что она никогда не пьетъ вина.

Хозяйка однако не унималась и такъ требовательно угощала, что никакъ невозможно было больше упорствовать, пришлось уступить; она выпила немного лафиту, но онъ оказался кислымъ и не вкуснымъ.

Идетъ она на другой день въ церковь, подходитъ къ батюшкѣ подъ благословеніе, а онъ и говоритъ стоявшей впереди неі Еленѣ Николаевнѣ: «что это вы, Елена Николаевна, вздумали шить вино? ну ужъ если бы хорошее, а то вдругъ такое кислое»?! А самъ смотритъ на Марью Петровну. Елена Николаевна съ удивленіемъ спѣшитъ увѣрить батюшку, что у нихъ въ домѣ и вина то никогда не бываетъ; между тѣмъ Марія Петровна, глубоко потрясенная такой дивной прозорливостью, спѣшитъ выпросить себѣ прощеніе и помилованіе отъ великаго попечителя и охранителя душъ—дорогого, незабвеннаго батюшки.

Однажды, на первый день Рождества Христова, послѣ ранней обѣдни, мужъ Маріи Петровны сталъ убѣждать ее разговѣться вмѣстѣ съ нимъ и выпить чаю. Долго отказывалась она, такъ какъ собиралась къ поздней обѣднѣ въ церковь «Нечаянной Радости», но, видя настойчивыя требованія раздраженнаго супруга, она рѣшилась успокоить его и выпила съ нимъ 2 чашки чаю. Приходитъ она въ храмъ, вдругъ батюшка отбираетъ нѣкоторыхъ исповѣдницъ, въ томъ числѣ и ее. Причастится въ такой великій день—это верхъ блаженства, но несчастная Марія Петровна съ великой скорбью спѣшитъ признаться батюшкѣ, что она не можетъ приобщаться, такъ какъ выпила чашку чая, (отъ великаго огорченія она даже забыла, что выпила не одну, а двѣ). Батюшка ничего не сказалъ на это, но когда она послѣ обѣдни подходила къ Кресту, то онъ успокоительно замѣтилъ ей: «ну, что же такое, только 2 чашки чаю выпила», и тѣмъ далъ ей понять, что отъ него не сокрыты не только важныя, выдающіяся событія, но даже простые незначительные случаи житейскаго обихода.

Мужъ ея былъ типомъ людей коммерческихъ, дѣловитыхъ, нервныхъ и не раздѣлялъ духовныхъ склонностей жены. Видя, что жена любитъ принимать къ себѣ безпріютную бѣдноту онъ иногда рѣзко противился этому, проявляя свои права полновластнаго главы и хозяина, но дорогой, любвеобильный пастырь сво-

ими всеильными молитвами охлаждалъ его пылкое рвеніе, водворяя миръ и согласіе въ семьѣ.

Часто случалось, что, идя съ мужемъ къ батюшкѣ Марія Петровна должна была страдать отъ рѣзкаго деспотическаго своеволія мужа, но дорогой пастырѣ, какъ самое лучезарное солнышко, своими небесными лучами ласки и благодати живо растоплялъ его ледяную оболочку гнѣва и раздраженія, пересоздавая въ кроткаго, любящаго человѣка съ порывами снисхожденія и состраданія. Батюшка, какъ истинный духовный учитель старался воспламенить въ Маріи Петровнѣ эту драгоценную искорку попеченія о бѣдныхъ, давая ей понять, что искреннее смиренное милосердіе не забыто у Господа.

Однажды, случилось, въ церковь «Нечаянной Радости» пришла одна несчастная, молодая женщина (сестра Скворцовой), которую отослалъ мужъ въ Москву, не желая больше жить съ ней. Эту женщину привели въ церковь «Нечаянной Радости» и сказали о ней батюшкѣ, что она пріѣхала въ Москву. Батюшка строго возразилъ на это: «видно хороша, что пріѣхала сюда», давая понять, что онъ знаетъ, что ее прогналъ мужъ, потомъ обращаясь къ Маріи Петровнѣ, прибавилъ: «если хочешь спастись душу свою, то возьми ее къ себѣ». Марія Петровна спѣшитъ сообщить батюшкѣ, что мужъ очень возстаетъ противъ ея гостей, такъ какъ они и сами все помѣщаются въ одной крохотной комнаткѣ, но батюшка велитъ сказать мужу, что онъ самъ прислалъ ее. Она приводитъ ее домой; мужъ рѣзко спрашиваетъ: «кто это такая и зачѣмъ пришла»? Марія Петровна спѣшитъ возвѣстить ему слова батюшки. И что же! Мужъ успокаивается и говорить: «если самъ батюшка велѣлъ, то пусть живетъ». Женщина прожила у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ удалось склонить ея мужа къ перемирію; изгнанница благополучно возвратилась цѣла и невредима подъ законный мужнинъ кровъ.

Былъ еще такой случай. У одной женщины выпалъ ребенокъ изъ люльки и разбился; она была въ такомъ отчаяніи, что хотѣла покончить съ собой, тогда посоветовали ей сходить къ ба-

тющкѣ. Она пошла къ нему. Батюшка ее обласкалъ, далъ образокъ Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ радости», и благословилъ ее; и что же? рассказываетъ она: «какъ только благословилъ меня батюшка, точно ужасная тяжесть спала съ моихъ плечъ; мнѣ стало такъ легко и весело, что я не помнила себя отъ радости»;—вотъ какъ велико и цѣльбоносно было одно его благословеніе.

Когда батюшку изъ церкви «Нечаянной Радости» переводили въ Архангельскій соборъ, мужъ Маріи Петровны, Василій Филипповичъ, былъ этимъ очень недоволенъ и все сѣтовалъ на митрополита Леонтія, что такое перемѣщеніе сдѣлалось по его распоряженію; батюшка въ церкви «Нечаянной Радости», за вечерней, благословляя Василя Филипповича, произнесъ: «напрасно ты обижаешься на митрополита Леонтія; совсѣмъ онъ не виноватъ въ этомъ» потомъ Маріи Петровнѣ сказалъ: «скажи мужу, чтобы онъ не бранилъ митрополита Леонтія, митрополитъ тутъ не причемъ».

Золовка Маріи Петровны была опасно больна: она вся опухла; доктора сказали, что съ ней водянка и велѣли дѣлать ей ножныя ванны.

Марія Петровна навѣщала ее; когда больная опустила ноги въ кадку, съ ней случился ударъ въ почкахъ, полилась кровь изо рта, изъ носа. Она закинула голову назадъ и всѣ увидали, что она отходитъ. Послали за главнымъ докторомъ, который пріѣхалъ, посмотрѣлъ на больную и рѣзко замѣтилъ, что она уже скончалась, что теперь поздно, ничего уже не сдѣлать.

Мужъ въ отчаяніи сталъ метаться по комнатѣ. Тогда Марія Петровна, призвавъ на помощь своего дорогого батюшку, взяла его портретъ и стала съ вѣрою прикладывать его къ лицу больной, твердо уповая, что батюшка можетъ услышать ея горячую мольбу и быстро откликнуться своей помощью и благодатью. И что же! Вдругъ больная открыла глаза и ожила.

Тогда Марія Петровна стала скорѣе водой отирать ее, такъ какъ цѣлые потоки крови всю залили ее; все надо было при-

вести «въ должный порядокъ». Обо всемъ сообщили батюшкѣ; онъ прислалъ образокъ Великомученицы Варвары; стали читать акаѳистъ сей святой. И что же! Больная осталась жива и скоро оправилась отъ своей тяжкой болѣзни.

Одна родственница Маріи Петровны захотѣла поѣхать въ Кіевъ и стала приглашать съ собой Марію Петровну. Марія Петровна обратилась за разрѣшеніемъ къ батюшкѣ; батюшка благословилъ и далъ образокъ Божіей Матери «Благодатное Небо» и св. Михаила Архангела. И когда онѣ ѣхали по Днѣпру на пароходѣ изъ Кіева въ Черниговъ, случилось несчастье: загорѣлось главное колесо отъ недостатка мази; пароходъ начиналъ уже погружаться въ воду; Марія Петровна не смотря на общую панику и ужасъ оставалась совершенно спокойной, потому что твердо вѣрила въ батюшку и не сомнѣвалась, что, разъ онъ благословилъ ихъ въ это путешествіе и далъ образокъ, то они не погибнутъ. Дѣйствительно, вскорѣ показался встрѣчный пароходъ, которому даны были тревожные свистки и онъ оказалъ нужную помощь.

У дочери Маріи Петровны—Тани очень болѣли руки; сколько она ни мазала ихъ, ни растирала — ничего не помогло. Хотѣла она сказать батюшкѣ, да все забывала. Вдругъ батюшка на исповѣди самъ спрашиваетъ ее: «не болятъ ли у тебя руки?»

Таня подтвердила батюшкѣ, что дѣйствительно очень болятъ, и повременамъ она не можетъ ничего дѣлать. Тогда батюшка своими благодатными руками провелъ по ея рукамъ, послѣ чего руки сразу прошли. По истеченіи нѣсколькихъ дней Таня не чувствуя боли въ рукахъ, недоумѣвала, почему прекратилась боль въ рукахъ и только уже послѣ сообразила, что батюшка исцѣлилъ ихъ своимъ прикосновеніемъ.

Родилась у ней дочка, назвали ее Антониной, безъ совѣта батюшки, такъ какъ это было на послѣднихъ годахъ его жизни, а они побоялись беспокоить его, и уже послѣ извѣстили объ этомъ батюшку. Батюшка отвѣтилъ, что имя хорошее и прислалъ образокъ Александра Невского.

Что же оказалось! 30 августа (день Александра Невского), Татьяна Васильевна разбирала большой сундукъ въ своей комнатѣ, и, такъ какъ крышка была очень массивна, то она подложила подставку, а сама искала въ сундукѣ.

Въ это время какъ то подвернулась ея 3-лѣтняя дочка Тоня, схватила подставку и... о, ужасъ! Тяжелая крышка со всей силой опустилась на ея крошечныя ручки,—можно понять, что должно было случиться! Въ безмолвномъ ужасѣ приподнимаетъ Татьяна Васильевна крышку вполне рассчитывая на великое несчастіе— и вотъ непостижимое чудо! Ручки остались цѣлы и невредимы, безъ малѣйшаго поврежденія, только малая полоска свидѣтельствовала о совершеніи чудеснаго знаменія милосердія Божіаго, при содѣйствіи великаго помощника и покровителя благого пастыря, который съ такой тщательностью и заботливостью охранялъ не только взрослыхъ людей, но и малыхъ, нѣжныхъ, хрупкихъ дѣтокъ, бережливо защищая ихъ отъ непредвидѣнныхъ опасностей и несчастій.

Можно понять какъ горячо и глубоко возблагодарила мать своего дорогого охранителя и защитника—пастыря, какъ на всю ея жизнь это чувство величайшей благодарности будетъ горѣть яркимъ сохраннымъ огонькомъ, постоянно возгрѣвая ея вѣру и любовь ко Господу.

Однажды, Марія Петровна была очень опасно больна, долго страдала она, совсѣмъ ослабѣла, даже головы не могла поднять съ подушекъ.

Пошелъ Василій Филипповичъ къ батюшкѣ и сказалъ, что жена лежитъ почти безъ движенія. Батюшка спокойно возражаетъ на это: «надо ей причаститься, пусть придетъ ко мнѣ въ церковь». Василій Филипповичъ взволнованно протестуетъ: «гдѣ же ей придти въ церковь, когда она головы не можетъ поднять».

«Ну пусть придетъ»—продолжаетъ спокойно пастырь, желая дать понять разстроенному мужу, что у Господа все возможно, такъ какъ Онъ въ одинъ мигъ воздвигаетъ съ одра болязнь и исцѣляетъ.

Василій Филипповичъ приходитъ домой крайне смущенный и передаетъ слова батюшки. Это было въ воскресенье. Марія Петровна, слыша такія ободряющія слова пастыря, рѣшительно объявляетъ, что разъ батюшка велѣлъ, то она поѣдетъ пріобщаться.

Но мужъ возстаетъ противъ этого, говоря, что это сумасшествіе—такой опасно больной встать съ постели и отважиться поѣхать въ Кремль.

Марія Петровна съ вечера понедѣльника начинаетъ упрашивать мужа отпустить ее къ батюшкѣ, говоря, что по святымъ молитвамъ его все совершится къ общему благу.

Дѣлать нечего, пришлось согласиться. Больная съ трудомъ встаетъ, одѣвается и отправляется въ сопровожденіи дочери въ церковь. Но каково спускаться съ верхняго этажа! Еле, еле, съ отдыхомъ передвигается она по ступенькамъ, садится въ пролетку и ѣдетъ.

Батюшка сейчасъ же беретъ ее на исповѣдь и сразу придаетъ ей силъ и бодрости, такъ что она уже свободно передвигается по храму и прикладывается къ образамъ.

Пріобщившись Святыхъ Животворящихъ Таинъ, Марія Петровна уже совсѣмъ бодрая и веселая легко восходитъ вверхъ по лѣстницѣ и предстаетъ передъ удивленнымъ мужемъ, который сильно поражается такому явному чуду милосердія Божьяго. Послѣ этого батюшка часто пріобщаетъ ее Святыхъ Таинъ, и она совсѣмъ исцѣляется.

Была у ней маленькая дочка Оля; однажды сильно она заболѣла, дни и ночи все кричала, такъ что родители не знали, что и дѣлать съ ней. Пошла Варя (дочь Маріи Петровны) въ церковь и говоритъ: «батюшка, Оля у насъ больна, все кричитъ». «А теперь замолчала», замѣтилъ ей на это великій прозорливецъ. Что же! Приходитъ она домой; дѣвочка, дѣйствительно, стихла и черезъ 2 дня умерла!..

Одна замужняя деревенская женщина, узнавъ про батюшку, съ великой любовью ходила за его службы и исповѣдовалась у

него. Мужъ же ея, закоснѣлый и грубый пзувѣрь, противился такому хожденію въ церковь и бранилъ ее за это; она же тихо, кротко уговаривала его сходить къ батюшкѣ, но мужъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, говоря: «никогда не пойду». Идетъ она разъ на исповѣдь и просить у него 20 коп., а онъ говорить: «и 15 довольно за исповѣдь. Къ чему это 20 коп.»? Приходитъ она къ батюшкѣ и по окончаніи исповѣди просить взять его 20 коп. Онъ беретъ монету и говорить: «Надо тебѣ сдачи дать 5 коп. вѣдь мужъ твой велѣлъ 15 коп. дать; на, снеси ему 5 коп.». Она приходитъ домой и отдаетъ мужу 5 коп., говоря, что это велѣлъ передать ему батюшка сдачи. Такая «сдача» сильно подѣйствовала на ошеломленного мужа, онъ нѣсколько разъ перепросилъ жену, все еще не вѣря своимъ ушамъ и, когда удостовѣрился, что батюшка узналъ его неуважительныя мысли о немъ, то такъ поразился такому провидѣнію пастыря, что вполнѣ увѣровалъ въ него, съ великой любовью самъ сталъ ходить къ нему и даже сильнѣе жены сталъ чтить сего дивнаго пастыря и преклоняться предъ нимъ!

Однажды подходитъ Марія Петровна къ батюшкѣ, батюшка смотритъ на нее пристально и съ особымъ значеніемъ говорить: «Господь сохранить и помилуетъ». На другой день спѣшитъ она къ обѣднѣ, и, такъ какъ рядъ ломовыхъ телѣгъ преграждаетъ ей дорогу, то она рѣшается пролѣзть подъ веревку, которою лошадь была привязана къ другой телѣгѣ. И что же! въ это время схватываетъ ее лошадь за темя, да такъ сильно, что зубами дотрогивается до кожи, еще бы кажется немного и она могла бы прокусить темя. Марія Петровна почувствовавъ сильную боль, ужасно испугалась, въ волненіи и тревогѣ все-таки поспѣшила въ церковь къ батюшкѣ. Батюшка благословляетъ ее и говорить: «ну Господь спасъ и помиловалъ», показывая ей, что ее ожидала великая опасность и только по его ходатайству Господь умилосердился надъ ней и спасъ ее.

Сестра ея стояла разъ за обѣдней; по окончаніи обѣдни, во время чтенія акаѳиста батюшка вдругъ особенно внушительно

посмотрѣль на нее и тѣмъ далъ ей понять, чтобы она скорѣе шла домой. Она сейчасъ же побѣжала и что же! Приходитъ, а мужъ ея преждевременно возвратился домой и уже начиналъ мысленно бранить ее за ея долгое отсутствіе, такъ что если бы она промедлила дольше, то ей предстояла бы непріятная сцена раздраженнаго супруга, который вообще не доллюбливалъ ея хожденія въ церковь къ батюшкѣ, считая это не нужнымъ и не нормальнымъ провожденіемъ времени.

Невозможно передать сколько всего великаго и чудеснаго расточилъ батюшка этой семьѣ Какориныхъ, которая и теперь съ благоговѣйнымъ трепетомъ вспоминаетъ о немъ, обращаясь къ нему во всѣхъ своихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ.

Вотъ еще о какомъ чудесномъ исцѣленіи по молитвамъ батюшки сообщаютъ намъ.

Екатерина Платоновна, дочь отца Платона — сослуживца батюшки въ Архангельскомъ Соборѣ — ѣздила къ свекру. Батюшка неохотно пускалъ ее туда и говорилъ: «лучше бы и не ѣхать», но она настаивала и поѣхала, погостила тамъ, вернулась домой на дачу, и вскорѣ же вдругъ отнялись у нея руки и ноги, такъ что она кричала отъ боли и совсѣмъ не могла ходить. Ея мать Елизавета Васильевна въ это время была въ Москвѣ, такъ какъ это было на недѣлѣ служенія батюшки. Вдругъ батюшка обращается къ Елизаветѣ Васильевнѣ и говоритъ: «матушка, вамъ надо поскорѣе поѣхать на дачу, вы тамъ нужны». Елизавета Васильевна, строго всегда исполняя наказы батюшки, собралась, поѣхала и что же! Застаетъ она дочь совсѣмъ почти недвижимой въ постели, руки и ноги у ней сводило, и она кричала отъ тяжелой боли. Елизавета Васильевна стала ухаживать за ней, боль все время не унималась. Екатерина Платоновна попросила послать за докторомъ, но матушка, не привыкшая прибѣгать къ медицинскимъ средствамъ, обратилась къ Высшей помощи и заказала обѣдню за ея здравіе въ Духовъ день; всю недѣлю она съ нѣжной материнской любовью ухаживала за ней

и пользовала ее святыней. На батюшкину службу Елизавета Васильевна поѣхала въ Москву.

Батюшка освѣдомился у нея: «какъ ваша больная»? Елизавета Васильевна сообщила батюшкѣ, что ей очень плохо. «Вѣроятно у васъ тамъ доктора есть?»—продолжалъ допрашивать пастырь. «Навѣрно есть, но только я не обращалась къ нимъ, а пользовала ее святыней»—отвѣтила матушка и прибавила: «она просить вашей помощи». «Ну я ей пошлю лѣкарства, возразилъ милостивый пастырь, возьмите гусянаго сала въ аптекѣ и помажьте ей больныя мѣста». Матушка въ точности исполнила указаніе пастыря и привезла больной гусянаго сала.

Екатерина Платоновна, узнавъ, какое лѣкарство прислалъ ей батюшка, сильно обидѣлась, заплакала и сказала: «вѣдь это только имъ обмороженныя мѣста мажутъ»!

Однакоже совѣтъ пастыря былъ строго исполненъ, Елизавета Васильевна мазала и руки и ноги больной гусянымъ саломъ, и больной стало немного лучше.

Чтобы сколько нибудь успокоить страданія своей дочери, Елизавета Васильевна всю ночь сидѣла около нея и мысленно возносила молитву за нее ко Господу; въ это время больная совсѣмъ утихала и засыпала. Когда же въ 5 часовъ утра, матушка сама отъ великаго утомленія уходила отдохнуть, то у ней опять поднимались сильнѣйшія боли и она жестоко страдала.

На слѣдующую службу батюшки, Елизавета Васильевна опять поѣхала въ Москву и сообщила ему о горестномъ состояніи больной.

Батюшка на этотъ разъ далъ ей іоду, велѣлъ кисточкой дѣлать точки и кружечки на больныя мѣстахъ и прибавилъ: «я направлю отца Платона ее приобщить». Потомъ далъ образочекъ Гурія, Самона и Авива и сказалъ: «Если бы вы матушка смогли на мою недѣлю привезти ее ко мнѣ, она бы поправилась здѣсь совсѣмъ». Потомъ онъ приготовилъ Святыя Дары и самъ принесъ дароносницу отцу Платону. Отецъ Платонъ 2 раза при-

общалъ свою дочь на дачѣ, причемъ вмѣстѣ съ ней пріобщались и нѣкоторые другіе больные.

Въ тотъ день когда больная пріобщалась, она чувствовала себя очень хорошо, всѣ болш ея оставляли, она могла даже брать руками, но на другой день ей опять становилось хуже. И вотъ, видя, что мама сильно переутомилась во время ея болѣзни, она рѣшилась сдерживать себя, стала бороться съ болѣзнью и начала упрашивать мать пойти хорошенько отдохнуть.

Матушка, чувствуя, что она совсѣмъ изнемогаетъ, отправилась прилечь въ сосѣднюю комнату.

Только что Екатерина Платоновна сидя расположилась провести ночь, вдругъ слышитъ около себя какое то злорадное гоготаніе и чувствуетъ острую боль въ спинѣ, точно колъ вонзился туда. Приходилось дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться отъ крика и не испугать матушки.

Тяжкая мучительная боль не прекращалась ни на минуту, нельзя было ни прилечь, ни пошевелиться; больная, не смыкая глазъ, жестоко страдала и не знала, какъ дожидаться утра. На утро ей сдѣлалось полегче.

Слова пастыря: «Если бы вы матушка смогли на мою недѣлю привезти ее ко мнѣ» глубоко запечатлѣлись въ сердцѣ Елизаветы Васильевны, и она рѣшилась во что бы то ни стало отвезти ее въ Москву.

Вполнѣ сознавая великую трудность переѣзда больной, почти совсѣмъ недвижной, дочери, она возложила твердое упованіе на великія и сильныя молитвы пастыря и стала готовиться къ отъѣзду.

Надо было во что нибудь обути сильно распухшія ноги больной; добыты были чьи то плисовые сапоги и вотъ, наканунѣ отъѣзда, Елизавета Васильевна уговорила дочь надѣть ихъ и попробовать сдѣлать по комнатѣ хотя нѣсколько шаговъ. Съ великой болью больная обулась и, еле еле переступая, передвигая приспособленный маленькій столикъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ; потомъ, въ крайнемъ изнеможеніи, опять помѣстилась на

постель. Тяжело было ея положеніе: ноги не двигаются, руки не дѣйствуютъ. Еще молодая, полная силъ и энергіи, она при-суждена была къ томительной бездѣятельности, къ непрерывному мучительному страданію. Но любвеобильный пастырь горячо вступился за нее передъ Господомъ и своими молитвами и ходатайствомъ испросилъ ей скорое, благодатное исцѣленіе.

Вотъ наступилъ и день отъѣзда. Въ 4 часа утра подана была лошадь, чтобы отвезти больную на вокзалъ. Когда Елизавета Васильевна стала будить ее, больная заплакала и сказала: «я такая слабая, могу ли я поѣхать въ Москву»? Матушка не стала настаивать, сознавая, что силой и требованіемъ ничего не сдѣлаешь, а вмѣсто сего стала тайно возсылать моленіе Господу, понимая сколь необходимо и важно свезти ее въ Москву. И вотъ, Екатерина Платоновна мало по малу начинаетъ сдаваться и рѣшается собираться въ путь, только просить натереть себя іодомъ, такъ какъ отъ натиранія боль прекращалась. Съ великимъ трудомъ одѣли, обули ее и повели подъ руки къ извозчику; поставлена была скамеечка, чтобы легче ей было подняться въ пролетку. Кучеръ мальчикъ тоже услужливо помогалъ. Наконецъ больную уложили въ тарантасикъ и шагомъ повезли на станцію. Дождались поѣзда; съ великими трудностями и усиліями ввели ее въ вагонъ. Здѣсь помягче постелили ей на отдѣльной скамейкѣ, уложили ее; все время она чувствовала сильныя боли. Матушка мысленно возносила великую благодарность Господу, что Онъ помогъ ей перевезти больную въ Москву. Приѣхали, опять томительный процессъ спуска на платформу, усаживанія въ пролетку, (извозчику велѣно было приѣхать къ назначенному часу) и медленнаго передвиженія по улицамъ города. Но вотъ и Архангельскій Соборъ. Съ трудомъ ввели больную въ исповѣдальню и посадили на стулъ. Приѣхалъ батюшка. Елизавета Васильевна доложила ему, что она привезла больную дочь. Батюшка оживился и произнесъ: «давайте ее сюда». Онъ взялъ ее исповѣдовать, потомъ выпуская ее воскликнулъ: «Боже мой, что съ ней сдѣлалось, она вся почернѣла»!

Екатерина Платоновна все время сидѣла. Подвели ее къ Святой Чашѣ, батюшка приобщилъ ее Святыхъ Таинъ, ее хотѣли поддержать и повести, но пастырь торжественно возгласилъ: «оставьте ее! она сама пойдетъ» и что же?! Всѣ, къ неопisanному удивленію, увидѣли, что больная сама потихоньку стала переступать и двигаться; какъ малое дитя, которое еще только учится передвигать своими слабыми неумѣлыми ножками, она, покачиваясь, шла сама, тихонько спустилась съ амвона и послѣ благодарственной молитвы свободно могла дойти до пролетки.

Тутъ всѣ воочию убѣдились въ непостижимой чудесной силѣ Величайшаго Таинства Святого Причащенія, тутъ всѣ поняли, что никакія обыденныя лѣченія и лѣкарства не могутъ сравняться съ сей Пресладостной Небесной Пищей, которая обновляетъ, возрождаетъ и укрѣпляетъ немощность духа и тѣла и можетъ мертвенное и тлѣнное въ одинъ мигъ превратить въ безсмертное и нетлѣнное.

И такъ Екатерина Платоновна сразу же послѣ Святого Приобщенія стала ходить и двигаться.

Батюшка велѣлъ ей приобщаться каждодневно всю его недѣлю, что она радостно и благоговѣйно исполнила; послѣ этого она съ матушкой поѣхала на дачу и тамъ своимъ чудеснымъ исцѣленіемъ привела всѣхъ въ трепеть и недоумѣніе, такъ какъ за недѣлю видѣли ее совсѣмъ немощной и недвижимой.

Послѣ этого батюшка сталъ часто приобщать ее Святыхъ Таинъ и, видя ея глубокую вѣру, все больше и больше надѣлялъ ее высшими благодатными дарами, чтобы она и съ своей стороны могла бы въ другихъ насаждать основы вѣры и благочестія.

Татьяна Григорьевна Абросимова такъ рассказываетъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи: была она однажды, (въ воскресенье) въ гостяхъ у своей замужней дочери и уговаривала зятя приѣхать къ нимъ во вторникъ, такъ какъ въ этотъ день обѣщался къ нимъ приѣхать батюшка и отслужить у нихъ на дому молебенъ. Но зять все отказывался, ссылаясь на службу, (хотя

онъ могъ свободно отпроситься на нѣсколько часовъ); вдругъ почувствовала она сильную боль въ вискахъ, какъ будто кто молотомъ ударилъ по нимъ, она стала скорѣе собираться домой. Ее удерживали, но она чувствовала себя все хуже и хуже. Едва, едва дошла она до извозчика и поѣхала домой. Съ трудомъ, почти ползкомъ, вскарабкалась она по ступенькамъ лѣстницы. Домашніе недоумѣвали, что такое съ ней случилось, такъ какъ она отправилась совсѣмъ здоровой. Дыханіе у ней захватывало, она не знала какъ дойти до кровати. Горло у ней все распухло и ощущалась такая сильная боль, точно острия иголки воткнулись въ него. Родные, опасаясь, чтобы не случилось съ ней удара, совѣтовали послать поскорѣе за докторомъ, но она умоляла ихъ съѣздить къ батюшкѣ или, по крайней мѣрѣ, послать ему телеграмму и попросить его помолиться за нее; но, такъ какъ было позднее время, то побоялись беспокоить батюшку, а потому въ страхѣ и недоумѣніи не знали на что рѣшиться.

Тогда Татьяна Григорьевна взяла маленькую карточку батюшки, крѣпко прижала ее къ себѣ и горячо стала просить его святыхъ молитвъ, такъ какъ чувствовала себя все хуже и хуже. Горло еще больше налилось и распухло.

И что же! Дорогой утѣшитель не замедлилъ откликнуться на ея горячій призывъ: онъ явился ей на воздухѣ съ крестомъ на груди, нѣсколько разъ какъ бы пролетѣлъ мимо нея и даже почувствовала она, что коснулся ея своимъ наперснымъ крестомъ; вдругъ ей сразу стало легко: удушье прекратилось, боль прошла; она, какъ бы не вѣря происшедшему, открыла глаза и осмотрѣлась вокругъ. Видя испуганныя лица своихъ родныхъ, Татьяна Григорьевна въ радостномъ восторгѣ поспѣшила возвѣстить имъ, что сейчасъ являлся къ ней батюшка и исцѣлилъ ее.

Она даже свободно могла ходить по комнатѣ и разговаривать, хотя за нѣсколько минутъ передъ этимъ совсѣмъ умирала и не могла почти дышать.

Въ страхѣ и трепетѣ возблагодарила Татьяна Григорьевна Господа за свое чудесное исцѣленіе.

Вотъ о какомъ исцѣленіи рассказываетъ намъ еще Татьяна Григорьевна: умирала ея маленькая внучка Аня. Пригласили доктора, онъ прописалъ лѣкарства, но болѣзнь не улучшилась, дѣвочку все время потчивали разными лѣчебными снадобьями, отъ которыхъ у ней поднялась тошнота.

Татьяна Григорьевна настояла, чтобы ребенка причастили; ее причастили, она немного успокоилась, но была очень слаба и еле дышала.

Приѣхалъ докторъ и откровенно заявилъ матери и бабушкѣ, что ребенокъ долженъ умереть и лѣчить больше нечѣмъ. Для успокоенія родителей онъ еще прописалъ какое то лѣкарство и посоветовалъ матери прилечь отдохнуть, такъ какъ она очень истомилась и ослабѣла.

Тогда Татьяна Григорьевна встала и объявила, что она теперь пойдетъ къ своему доктору, а, когда врачъ поинтересовался узнать, къ кому она хочетъ обратиться, то она заявила ему, что пойдетъ въ Архангельскій Соборъ къ батюшкѣ отцу Валентину.

Докторъ, который тоже зналъ и читилъ этого пастыря, одобрилъ ея намѣреніе, говоря, что медицина предлагаетъ свои научныя средства, но что важнѣе всего обращаться къ Высшему Врачу, Который Одинъ только истинно можетъ помочь страждущимъ. Приходитъ она въ Соборъ; батюшка самъ подходитъ къ ней и говоритъ: «поздравляю васъ съ причастницей». Татьяна Григорьевна поражается, почему это батюшка могъ знать, что они причащали дѣвочку, (она мало еще понимала тогда о величій пастыря, потому что только что начала ходить къ нему).

Тогда батюшка начинаетъ спрашивать ее о дѣвочкѣ. вынимаетъ просфору и велитъ покормить ее. Татьяна Григорьевна въ недоумѣніи разсуждаетъ про себя: дѣвочка совсѣмъ умираетъ; развѣ можно кормить ее, однакоже по возвращеніи домой, сейчасъ же съ просфорой подходитъ къ ребенку и видитъ, что у дѣвочки уже останавливается дыханіе, но больная, какъ бы по повелѣнію высшей власти, обращается къ ней, вдругъ открываетъ глазенки и ручкой беретъ просфору. Татьяна Григорьевна

быстро разламываетъ ее и даетъ ребенку. Умиравшая дѣвочка уже нѣсколько дней ничего не могла ѣсть, такъ что у нея въ ротикѣ образовалась густая пленка, однакоже она съ нетерпѣніемъ беретъ кусочекъ просфоры и проглатываетъ, потомъ другой, третій и такъ быстро съѣдаетъ всю головку. Татьяна Григорьевна наливаетъ въ стаканъ Святой воды и внучка ея, (ей было годъ съ небольшимъ), съ полнымъ наслажденіемъ кушаетъ всю просфору, послѣ чего вскорѣ же встаетъ на ножки, начиная прыгать и рѣзвиться, какъ совсѣмъ здоровая.

Приходитъ ея мама, (она по совѣту доктора немного прилегла отдохнуть), и въ недоумѣніи останавливается, не вѣря своимъ глазамъ, но когда узнаетъ о чудесномъ исцѣленіи своей умирающей дочки, то горячо благодаритъ Господа за Его неизреченную милость.

Послѣ этого батюшка вскорѣ присылаетъ другую просфору, и дѣвочка совершенно выздоравливаетъ.

Мать Татьяны Павловны, (невѣстка Татьяны Григорьевны)—Аграфена Андреевна опасно заболѣла. Дочь ея сильно горевала и все умоляла батюшку помочь ея мамѣ.

Батюшка сталъ молиться за нее и она чудесно выздоровѣла, но вскорѣ же заболѣла и умерла маленькая дѣвчурка Татьяны Павловны. Когда Татьяна Григорьевна, (ея свекровь), послѣ этого пришла въ Соборъ, батюшка передъ ней взялъ исцѣленную Аграфену Андреевну и сказалъ: «Тебѣ назначено было умереть, но ты, грѣшная, еще не готова; я выпросилъ у Господа тебѣ исцѣленіе, а вмѣсто тебя отдалъ Господу твою маленькую внучку».

Послѣ этого батюшка бралъ ее на исповѣдь каждую свою службу и все больше и больше духовно возрождать ее. Онъ благодатно воспитывалъ ее цѣлый годъ, послѣ чего она, въ полной вѣрѣ и смиреніи, отошла ко Господу. Дорогой пастырь, такъ много потрудившійся надъ ней и неустанно ходатайствовавшій за нее у Бога, радостно наслаждался великимъ успѣхомъ

своего труда и сказалъ ея роднымъ: «какая она у насъ стала хорошая».

Татьяна Григорьевна еще рассказывала, что у сына ея Вити сдѣлался на спинѣ около шеи карбункулъ; надо было рѣшиться на операцію, но Татьяна Григорьевна все мысленно молила батюшку помочь ему, и вотъ уже подана была лошадь, чтобы везти мальчика на операцію; вдругъ точно кто прокололъ нарывъ и изъ него сразу сильной струей вытекла матерія.

Радостная семья отъ всего сердца возблагодарила Господа за Его дивныя милости, а также и праведнаго служителя Его, который неустанно ходатайствовалъ за своихъ духовныхъ дѣтей, охраняя ихъ отъ всѣхъ золъ, болѣзней и бѣдствій.

Татьяна Григорьевна много лѣтъ ходила къ батюшкѣ и горячо чтила его со всѣми своими дѣтьми; только мужа своего она сперва никакъ не могла привести къ пастырю; упорно отказывался онъ идти въ Архангельскій Соборъ, не смотря на всѣ ея просьбы и убѣжденія.

Мужъ даже часто бранилъ ее за ея хожденіе въ Кремль, говоря, что есть ближніе храмы, гдѣ можно молиться; зачѣмъ ходить постоянно въ Кремль; но жена не слушала его, продолжая ходить къ батюшкѣ, ибо познала, что онъ великій свѣтильникъ, и невозможно, узнавъ его, не бывать за его службами.

Но упорная натура мужчины не такъ то податлива и отзывчива, какъ болѣе воспримчивая натура женщины.

Долго пришлось его убѣждать; ничего не помогало.

Тщетно испробовалъ всѣ средства, Татьяна Григорьевна рѣшилась обратиться къ батюшкѣ и молить его принять къ себѣ ея мужа, который, углубившись въ коммерческіе дѣловые расчеты, не хотѣлъ и беспокоить себя какими-либо духовными подвигами. Батюшка съ любовью откликнулся на ея просьбу за мужа и сказалъ: «приведи его ко мнѣ, скажи, чтобы пришелъ ко мнѣ на исповѣдь». Татьяна Григорьевна передаетъ мужу наказъ батюшки; тотъ и слушать не хочетъ, говоря, что скоро поѣдетъ говѣть къ Троицѣ, а къ батюшкѣ ему совсѣмъ не зачѣмъ ходить.

Тутъ уже все дѣти стали умолять его послушаться батюшки, такъ какъ самъ батюшка призываетъ его къ себѣ, но отецъ не соглашался, собираясь ѣхать въ Сергіевскій Посадъ.

Татьяна Григорьевна стала молить Господа, смягчить упорное сердце ея мужа и что же! онъ отложилъ поѣздку къ Преподобному Сергію, но въ Соборъ все-таки не шель.

Татьяна Григорьевна понемногу стала уговаривать его готовиться къ исповѣди, но онъ упорно твердилъ свое, что къ батюшкѣ не пойду. Вдругъ, подъ воскресеніе Великаго поста, онъ видитъ сонъ, который потрясаетъ его всего и ломаетъ его закоснѣніе и упорство. Онъ видитъ, что онъ вступилъ въ алтарь Архангельскаго Собора и, вотъ, идетъ къ нему Самъ Господь въ царскомъ облаченіи и гнѣвно велитъ ему выйти вонъ изъ алтаря, такъ какъ онъ пришелъ неготовымъ и нечистымъ на исповѣдь.

Этотъ сонъ такъ поражаетъ его, что онъ ночью же встаетъ, рассказываетъ о немъ своей женѣ, быстро начинаетъ собираться исповѣдаться и уже безъ всякаго возраженія идетъ въ Архангельскій Соборъ.

Жена наставляетъ его, какъ стоять въ алтарѣ и слѣдить, куда будутъ проходить другіе исповѣдники, (батюшка мужчинъ исповѣдовалъ въ алтарѣ), чтобы какимъ нибудь необдуманнѣмъ дѣйствіемъ не прогнѣвить пастыря.

Пошелъ Яковъ Никитичъ (Абросимовъ), вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Батюшка сначала взялъ Ивана Яковлевича, а потомъ позвалъ и его. Но онъ такъ растерялся, что хотѣлъ перейти мимо Царскихъ вратъ. Тогда батюшка гнѣвно крикнулъ на него и выслалъ вонъ изъ алтаря.

Каково было ему съ его надменностью и гордостью слышать гнѣвный окрикъ пастыря, да еще при многочисленныхъ исповѣдникахъ!

Подошелъ онъ къ женѣ весь растерянный, не зная, что и дѣлать.

Слова пастыря произвели на него спасительное дѣйствіе; куда дѣвались его спесь и надменность! Съ глубокимъ раская-

ніемъ, весь проникнутый чувствомъ сознанія своего недостойнства, онъ съ горячими слезами о прощеніи молился всю обѣдню, прося Господа простить его и помиловать.

Раскаяніе было столь глубоко и велико, что онъ даже, не смотря на такое гнѣвное изгнаніе, рѣшился опять подойти къ батюшкѣ и попросить у него прощенія.

Онъ вошелъ въ алтарь, когда пѣли молитву Господню Отче Нашъ.

Видя его сокрушеніе и вполнѣ искреннее смиреніе, батюшка уже тихо и ласково обошелся съ нимъ, причемъ сказалъ, что сейчасъ не можетъ его исповѣдовать, такъ какъ уже конецъ обѣдни, но на слѣдующей недѣлѣ возьметъ его на исповѣдь.

Потомъ послѣ обѣдни, батюшка обратился къ Татьянѣ Григорьевнѣ и промолвилъ: «вотъ какъ я его наказалъ; это за его гордость».

Послѣ этого онъ послалъ Якову Никитичу съ его сыномъ Образокъ Преподобнаго Сергія, какъ бы въ утѣшеніе ему за то, что онъ отложилъ свою поѣздку въ Троице-Сергіевскую лавру.

На слѣдующей недѣлѣ батюшка дѣйствительно взялъ его на исповѣдь, удостоилъ его причащенія Святыхъ Животворящихъ Таинъ и такимъ образомъ принялъ его подъ свою спасительную охрану. Яковъ Никитичъ сталъ высоко чтить батюшку и дорожить всякимъ его словомъ и совѣтомъ.

Сынъ Татьяны Григорьевны — Иванъ Яковлевичъ учился въ Строгоновскомъ училищѣ и ему къ экзамену надо было представить рисунокъ; всю зиму онъ трудился надъ большимъ рисункомъ—иконостасомъ и все отдѣлывалъ его,—а экзамень назначень былъ въ маѣ. Пришла къ нимъ какъ то въ гости одна старушка, которая вошла въ комнату къ нему и стала просить у него бумаги для завертыванія какой то вещицы, онъ, давая ей бумагу, нечаянно разлилъ черную краску, которая, пролившись на рисунокъ, къ его ужасу совсѣмъ испортила его. Въ страшномъ волненіи не зналъ онъ, что и дѣлать. Тогда старушка посо-

вѣтовала Якову Никитичу пойти къ батюшкѣ и попросить у него помощи и совѣта въ такомъ затрудненіи.

Не представить рисунка—значить испортить всю свою будущность и лишитъ себя даже куска хлѣба.

Батюшка, увидавъ Якова Никитича, ласково благословилъ его и сказалъ: «на счетъ Ивана Яковлевича вы не безпокойтесь, все будетъ благополучно».

И что же! Онъ снова принялся за рисунокъ и какимъ то чудомъ въ 2 недѣли окончилъ его, тогда какъ прежній онъ рисовалъ всю зиму.

Рисунокъ вышелъ прекрасно, правильно, и онъ удостоился награды за него. Рисунокъ былъ большихъ размѣровъ, требовалъ продолжительной усидчивости, а между тѣмъ, при молитвенной помощи дорогого батюшки, онъ былъ оконченъ въ 2 недѣли и сдѣланъ былъ настолько чисто и исправно, что удостоенъ высшей похвалы.

Тутъ конечно поняла семья, по чьей милости совершилось все такъ удачно и благополучно и прославила великаго утѣшителя и ходатая.

Духовная дочь батюшки Анна Егоровна Сіонова *) тоже пожелала сообщить о своемъ чудесномъ исцѣленіи по молитвамъ дорогого пастыря.

Была она очень больна; у ней было воспаление. Передъ своей болѣзнью она была въ Соборѣ, ей хотѣлось исповѣдаться у батюшки, но батюшка ее не взялъ, сказавъ: «у меня говѣютъ только вдовы и сироты», какъ бы давая ей понять, что семейная жизнь должна имѣть свои тревоги и испытанія. Болѣзнь была трудная, опасная, она лежала въ клиникахъ, но по святымъ молитвамъ батюшки болѣзнь вскорѣ прошла; потомъ опять повторилась, ей стало очень плохо, ноги распухли, пошла она въ Соборъ, батюшка далъ ей просфору и сказалъ, чтобы она въ

*) Большая Серпуховская улица, мануфактурный магазинъ.

3 дня ее съѣла, а лѣкарства бы все оставила. Она 3 дня ѣла святую просфору и черезъ 3 дня все кончилось.

Потомъ сдѣлался у ней наростъ на внутреннихъ покровахъ тѣла, спросила она у батюшки благословенія лечь въ больницу, батюшка сказалъ: «дѣточка, надо лѣчиться, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше», послалъ ее къ фельдшерицѣ Надеждѣ Николаевнѣ, чтобы она ее освидѣтельствовала; та нашла, что необходимо сдѣлать операцію.

Батюшка причастилъ больную и у Святой Чашы сказалъ, обращаясь къ княгинѣ Шаховской: «Ваше сіятельство, примите мою знакомую», (у княгини Шаховской была больница).

Анна Егоровна тогда обратилась къ батюшкѣ, и со страхомъ произнесла: «жаль мнѣ дѣтокъ», но батюшка успокоилъ ее и возразилъ: «я же вамъ сказалъ, что все будетъ благополучно».

И вотъ помѣстили ее въ больницу княгини Шаховской.

Туда приѣзжалъ къ ней племянникъ ея докторъ, и велѣлъ извѣстить себя о днѣ операціи.

И вотъ назначена была операція.

У Анны Егоровны явилось удивительное спокойствіе духа, такъ какъ она помнила великія успокоительныя слова пастыря и нисколько не боялась ея.

Такое присутствіе духа поразило ея племянника, а онъ съ тайнымъ страхомъ слѣдилъ за ходомъ дѣла.

Между тѣмъ больная стала брать ванну, вышла изъ ванны, пришла въ операціонную комнату; спокойно легла на столъ, ее начали усыплять, и она тихо заснула.

Это было въ 11 час. утра, проснулась она въ 5 час. дня, боли почти никакой не ощущалось, только она была забинтована и ей не давали пить, такъ какъ у ней былъ еще жаръ.

Княгиня съ безпокойствомъ справлялась о ея здоровьѣ и передавала батюшкѣ, а онъ присылалъ ей поклонъ и благословеніе.

Доктора, на второй день осмотрѣвъ ее, поразилась, что она быстро стала поправляться послѣ такой ужасной операціи и го-

ворили: «васъ сейчасъ можно на французскую выставку послать».—Дѣйствительно, былъ поразительный случай выздоровленія при такой опасной болѣзни.

На 4-й день послѣ операціи пріѣхалъ въ общину княгини Шаховской самъ батюшка. Княгиня позволила Аннѣ Егоровнѣ подойти къ батюшкѣ. Батюшка благословилъ ее и, когда она стала спрашивать у батюшки позволенія выписаться изъ больницы, то батюшка промолвилъ: «да, да, можно выписываться; наймите карету и прежде всего заѣзжайте въ часовню Иверской Божіей Матери, отслужите благодарственный молебенъ о своемъ исцѣленіи, а потомъ поѣзжайте домой».

Когда Анна Егоровна совсѣмъ поправилась, то пошла съ мужемъ къ батюшкѣ поблагодарить его за его святые молитвы.

Батюшка сказалъ ей: «немного бы осталось пожить, много мѣсяць, тяжкая кончина была бы», давая ей тѣмъ понять, что ей уже назначена была смерть, но что милосердый Господь по его ходатайству исцѣлилъ ее.

Черезъ нѣкоторое время заболѣлъ ея мужъ; какая то непонятная болѣзнь приключилась съ нимъ; у него стала все голова кружиться, сидить бывало, вдругъ и упадетъ.

Пріѣзжалъ докторъ, осмотрѣлъ больного и замѣтилъ: «смотрите за нимъ хорошенько, онъ можетъ моментально умереть».

Такой страшный приговоръ испугалъ Анну Егоровну, и она сама стала такъ скорбѣть и волноваться, что не могла ни шить, ни ѣсть.

Зашла къ нимъ одна ихъ знакомая Александрюшка и стала заботливо расспрашивать: что съ ней?

Анна Егоровна повѣдала ей о своемъ горѣ, что мужъ ея можетъ моментально умереть.

На другой день опять приходитъ Александрюшка, приноситъ просфору отъ батюшки и говоритъ: «батюшка велѣлъ передать, чтобы вы успокоились, Иванъ Николаевичъ проживетъ долго» и назначилъ ему прійти причаститься.

Когда докторъ послѣ этого пріѣхалъ къ нимъ, то былъ
СВЕТИЛЬНИКЪ ПРАВОСЛАВІЯ.

крайне недоволенъ, что больной выѣзжалъ изъ дому и сказалъ: «развѣ можно было вамъ ѣхать».

Однакоже Великое Чудесное Таинство быстро оказало свое цѣлебное дѣйствіе: болѣзнь сразу же пресѣклась.

За ихъ дочь сватался женихъ, назначенъ былъ день визита къ жениху. Анна Егоровна сильно волновалась и всю ночь не могла заснуть, ее трясло какъ въ лихорадкѣ; поѣхали они къ бабушкѣ, а она отъ волненія почти не могла идти. Разказали они про жениха и попросили у бабушки совѣта, бабушка возразилъ: « у меня много коммисіонеровъ, когда бы такъ шель какъ вы (обратился къ Ивану Николаевичу), а какъ время убиваетъ?! въ желѣзную дорогу играетъ, деньги возьметъ и уѣдетъ, и оставитъ васъ».

Послѣ этого дочь ихъ слышитъ во снѣ голосъ, что женихъ съ обманомъ женится. Тогда они поняли, что дѣло должно разойтись; когда женихъ пріѣхалъ, дочь ихъ и не вышла къ нему.

Вскорѣ стали сватать другого. Александрюшка указала на одного молодого человѣка, говоря, что онъ служитъ казначеемъ въ обществѣ «Якорь». Пріѣхалъ къ нимъ женихъ, ему все понравилось, и онъ тоже произвелъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе. Александрюшка сообщила обо всемъ бабушкѣ, а онъ возразилъ: «хорошъ молодчина, еще бы такой да не понравился».

Пріѣхали они послѣ того въ домъ къ жениху, но ихъ принялъ что-то сухо. Анна Егоровна такъ была разстроена, что сильно горевала и плакала.

Александрюшка опять снаряжена была для переговоровъ къ бабушкѣ. Бабушка на это замѣтилъ: «раньше будутъ плакать, а потомъ плясать и ликовать».

И дѣйствительно такъ все и случилось. Вскорѣ Александрюшка принесла отъ бабушки икону жениху и невѣстѣ; свадьбу отпраздновали какъ нельзя лучше; плясали и веселились, какъ предсказалъ великій пастырь.

У Сіоновыхъ было прежде трактирное заведеніе, но потому они, не спросясь бабушки, закрыли его.

Узнавъ объ этомъ батюшка сердился на Ивана Николаевича и сказалъ: «Напрасно, напрасно, Иванъ Николаевичъ, ты пончилъ это дѣло, тебѣ надо трудиться». И за самовольное распоряженіе батюшка наказалъ его: онъ долго не могъ найти себѣ подходящаго дѣла; страшно мучился и тосковалъ безъ работы. Тогда Анна Егоровна рѣшилась пойти къ батюшкѣ и попросить у него прощенія.

Батюшка далъ ей образокъ Корсунской Божіей Матери и возгласилъ: «Сама Божія Матерь васъ благословить, вамъ будетъ и покойно и выгодно».

Дѣйствительно, вскорѣ племянникъ Ивана Николаевича предложилъ ему вмѣстѣ съ нимъ открыть мануфактурный магазинъ.

Иванъ Николаевичъ пошелъ къ батюшкѣ за совѣтомъ и благословеніемъ. Батюшка далъ ему образъ Нерукотвореннаго Спаса и съ радостью благословилъ его на новое дѣло.

Дѣйствительно, они очень удачно начали торговать; дѣло шло очень выгодно, но вскорѣ племянникъ отдѣлился отъ нихъ и захотѣлъ самостоятельно вести дѣло.

Иванъ Николаевичъ опять затужилъ, думая, что ему одному не справиться съ такой многосложной торговлей. Анна Егоровна пошла къ своему хранителю пастырю, чтобы узнать, что имъ дѣлать.

Батюшка успокоилъ ее, сказалъ, что все будетъ хорошо, а про племянника замѣтилъ, что онъ будетъ самый несчастный человекъ; дѣйствительно, его постигли несчастія и бѣдствія, и онъ пришелъ въ крайне разстроенное положеніе.

А Иванъ Николаевичъ по святымъ молитвамъ пастыря расширяетъ свою торговлю и живетъ во славу Божию, ежечасно, ежеминутно возсылая искреннюю благодарность своему неоцѣненному покровителю—батюшкѣ, который и въ небесныхъ чертогахъ неустанно продолжаетъ слѣдить за нимъ и его супругой, направляя ихъ ко благу и спасенію.

Какъ пріятно посмотреть на семью, которія, бывъ при жизни пастыря подъ его строгимъ контролемъ и надзоромъ, и теперь

продолжаютъ носить въ себѣ ясныя отпечатки его руководства и воспитанія.

Это не пустые вольнодумные люди съ бойкой удалью и самоchinеніемъ, нѣтъ это осмысленныя созданія съ устойчивыми основами вѣры, нравственности и благочестія.

Не для удовлетворенія собственнаго довольства и прихотей тратятся здѣсь достатки, а для облегченія чужой скорби и страданія, на утѣшеніе несчастной безпріютной братіи, которая, согрѣтая ихъ любовью и лаской, вознесетъ ко Господу горячія мольбы и благодаренія за своихъ благодѣтелей. Все это насадилъ незабвенный нашъ пастырь и тѣмъ выполнилъ дивную миссію. Эти, воспитанныя имъ семьи, являясь живымъ назиданіемъ для окружающей среды, хотя понемногу, но неуклонно насаждаютъ въ обществѣ правила вѣры и любви ко Господу и ближнимъ.

Случаи зоркой наблюдательности и охраны дорогого пастыря.

Одна духовная дочь батюшки рано овдовѣла. Лишившись мужа, она чувствовала себя такой несчастной и одинокой, что никакъ не могла свыкнуться со своей вдовьей долей и во что бы то ни стало намѣревалась опять выйти замужъ.

Молодость требовала себѣ удовлетворенія, искала любви и счастья. Находились и женихи, которые изъявляли желаніе выбрать ее въ подруги жизни. Такъ вскорѣ ей сдѣлалъ предложеніе очень видный докторъ. Она была на верху блаженства. Такое важное лицо просить ее быть его супругой, чего же еще лучше: богатство, счастье, положеніе, семейныя радости; вѣрно и батюшка будетъ радъ этому. И вотъ слышитъ она въ храмъ возвѣститъ батюшкѣ о ниспосланномъ ей отъ Господа счастьѣ.

Но великій прозорливецъ зналъ какой человѣкъ смѣетъ вторгаться въ неприступную храмину ея души, которую онъ неоднократно омывалъ, освѣщалъ и озарялъ своими словами вѣры и вразумленія, которую неоднократно убѣждалъ, освящалъ Свя-

тыми Пречистыми, Животворящими Тапнами, онъ видѣлъ какой хищный воронъ хотѣлъ похитить чистую голубицу, а потому гнѣвно сказалъ ей, что онъ человѣкъ плохой жизни, и не можетъ быть ея супругомъ, и чтобы уже заманчивое желаніе не растравляло ея душевной раны, онъ объявилъ ей, что она этого человѣка больше никогда не увидитъ; дѣйствительно, она уже больше не встрѣчалась съ докторомъ, хотя были общіе знакомые, у которыхъ бы она могла съ нимъ свидѣться.

Но каково же было ей смириться и покориться!

Молодые желанія, семейныя радости такъ и манили къ себѣ; она постоянно волновалась и нетерпѣливо ожидала удовлетворенія своимъ стремленіямъ.

Батюшка съ глубокимъ сожалѣніемъ и состраданіемъ смотрѣлъ на нее, понимая ея тяжелое, трудное положеніе и съ великой нѣжностью и любовью обращался съ ней, какъ съ слабымъ одинокимъ бездольнымъ ребенкомъ, всегда отечески — радостно ободрялъ и укрѣплялъ ее словами прозорливой мудрости и благодатной ласки.

Наконецъ, онъ рѣшился разомъ пресѣчь ея пустыя мысли и стремленія къ семейной жизни. Пріѣзжаетъ онъ разъ къ церкви «Нечаянной Радости», сходитъ съ пролетки и пѣшкомъ спускается подъ горку. Она какъ разъ подходитъ въ это время и радостно бросается къ нему.

Батюшка благословляетъ ее и торжественно объявляетъ ей, что нынче онъ покажетъ ей жениха.

Она на верху блаженства. Такъ давно мечтала она объ этомъ, батюшка все отклонялъ, а тутъ вдругъ самъ хочетъ указать ей настоящаго жениха.

Батюшка идетъ съ ней и возвѣщаетъ, что женихъ — богатый, красивый, умный и молодой — однимъ словомъ такого и не сыщешь.

Она, будучи съ открытой, чистосердечной душой, всецѣло преданная батюшкѣ, безусловно вѣритъ его словамъ, а потому все больше и больше умиляется и ликуетъ.

Къ батюшкѣ многіе подходятъ по дорогѣ за благословеніемъ, но онъ всѣхъ полусердито отстраняетъ, говоря: «развѣ вы не видите, что я иду съ невѣстой» и продолжаетъ идти къ церкви; онъ самъ какъ бы спѣшитъ и волнуется при такомъ торжественномъ событіи. Вотъ и церковь. Входятъ на паперть. На паперти справа изображеніе Спасителя и 10 прокаженныхъ.

И вотъ батюшка подводитъ ее къ Спасителю, ставитъ передъ Нимъ на колѣни и говоритъ: «вотъ твой женихъ, а ты будь Варвара, Невѣста Христова Прекрасная».

Полная суетныхъ земныхъ исканій и мыслей, она въ глубокомъ недоумѣніи смотритъ то на Спасителя, то на батюшку, не понимая, шутитъ ли съ ней батюшка или говоритъ серьезно.

Видя ея недоумѣвающій, недовольный видъ, батюшка замѣчаетъ: «что? или недовольна. Ну лучше у меня жениха нѣтъ. Какого тебѣ надо? Красиваго? Онъ краше всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Богатаго? у Него всѣ сокровища міра, вся слава».

Но, видя какъ трудно молодому, осуетившемуся существу, полному земныхъ грезъ и мечтаній, направить всѣ свои мысли, чувства и желанія къ Единому, вѣчному, блаженному Источнику всѣхъ благъ и милостей, батюшка съ глубокимъ сокрушеніемъ отходитъ отъ нея, оставляя ее въ полной неудовлетворенности относительно осуществленія ея мечтаній о замужествѣ и семейныхъ радостяхъ.

Всю обѣдню батюшка съ грустью посматривалъ на свою легкомысленную питомицу, которая не могла еще настолько проникнуться горячностью любви ко Господу, чтобы неустанно имѣть Его въ своемъ сердцѣ и неудержимо стремиться къ Нему.

По окончаніи обѣдни, батюшка благословилъ ее и сказалъ: «что, не угодилъ тебѣ? Ну другого я тебѣ не могу дать», давъ ей понять, чтобы она понапрасну не желала мірскаго, суетнаго, такъ какъ воля Божія обрекла ее на духовное ненарушимое вдовство, на стремленіе къ Горнему Святому, блаженному, а не на удовлетвореніе земныхъ желаній. Съ тѣхъ поръ пресѣклось у нея исканіе семейнаго очага, а всѣ мысли и желанія стали бо-

лѣе и болѣе направляться къ Единому Высшему Свѣтлому Образу Небесной Чистоты, Святости и Правды.

Вотъ какъ глубоко и назидательно вель и совершенствовавь драгоценный свѣтильникъ нашъ батюшка всякаго человѣка, пришедшаго подъ его спасительную охрану и руководство.

Послушаемъ, что сообщаетъ намъ про батюшку Прасковья Матвѣвна Цурикова *).

Однажды батюшка далъ ей 1 рубль; ей было совѣстно брать деньги, но отказаться и не взять, она не рѣшилась, такъ какъ боялась этимъ обидѣть пастыря.

Что же оказалось! Этотъ рубль принесъ цѣлое благополучіе въ семью; цѣлый годъ ей пришлось помогать роднымъ; постоянно представлялись такіе случаи, что требовалась немедленная помощь отъ нея; однимъ словомъ, рубль послужилъ неистощимымъ источникомъ матеріальной помощи для ея родныхъ.

Самое пришествіе къ батюшкѣ Прасковьи Матвѣвны было знаменательно. Пришла она къ батюшкѣ исповѣдаться, но, будучи въ болѣзненномъ положеніи, не могла обратиться къ нему впередъ, стояла сзади и все думала: «хоть бы батюшка взялъ меня». Поисповѣдовавъ 2, 3-хъ, батюшка вдругъ раздвинулъ толпу, за руку повелъ ее къ себѣ на исповѣдь, и сталъ ее исповѣдовать. Сначала Прасковья Матвѣвна не удовлетворилась его вопросами и подумала, зачѣмъ это батюшка исповѣдуетъ меня какъ дѣвочку; тогда батюшка сразу же показалъ свою прозорливую мудрость и вдругъ сталъ исповѣдовать ее и на этотъ разъ какъ женщину, и тѣмъ далъ ей понять, что онъ узналъ ея мысли. Такимъ образомъ батюшка сразу же показалъ себя въ духовномъ блескѣ и сіяніи; отпуская ее съ исповѣди, онъ далъ образокъ Нерукотвореннаго Спаса и сказалъ: «Онъ будетъ во всемъ тебѣ помощникъ»; дѣйствительно, она бодро выдержала тяжелое страданіе, стала вѣрующей христіанкой, во всемъ утѣшная и укрѣпляя мужа и воспитывая дѣтей въ вѣрѣ и нравственности.

*) Воронцово поле, домъ Банза, (жена садовника).

Однажды Прасковья Матвѣевна опоздала въ Соборъ, но, такъ какъ она хотѣла исповѣдаться у батюшки, то она поспѣшила войти въ исповѣдальню и не приложилась къ мѣстнымъ иконамъ Собора.

Батюшка взялъ ее на исповѣдь и спросилъ: «А ты поклончики то положила»? Тогда она должна была сознаться, что поспѣшила войти въ исповѣдальню и не поклонилась Святымъ Иконамъ. Батюшка наставительно замѣтилъ ей на это: «ты ко мнѣ то не спѣши, а поклончики то всегда клади», давая ей понять, что прежде всего она должна воздавать поклоненіе Господу, такъ какъ одинъ Господь можетъ осуществить и исполнить все наши просьбы и желанія.

Старшій сынъ ея Миша заболѣлъ бронхитомъ; нельзя было матери взять его въ Соборъ, а ей во что бы то ни стало хотѣлось пойти къ батюшкѣ и попросить его молитвъ и благословенія. Мужъ сталъ сердиться на нее, уговаривая не идти и не бросать больного сына, но Прасковья Матвѣевна, не смотря на все препятствія и затрудненія, не вытерпѣла и отправилась въ Соборъ. Подходить къ батюшкѣ, а онъ и говорить: «послушаніе лучше молитвы», намекая ей на неудовольствіе ея мужа. Она сказала про сына; съ того времени мальчикъ сталъ поправляться и выздоравѣлъ. Вскорѣ послѣ этого батюшка обратился въ Соборѣ къ Маріи Викторовнѣ, далъ ей просфору и сказалъ: «сходи къ Прасковьѣ Матвѣевнѣ, утѣшь ее, непременно нынче же». А Марія Викторовна и недоумѣваетъ: въ чемъ же утѣшить, вѣдь мальчикъ выздоравѣлъ. Приходитъ она къ Прасковьѣ Матвѣевнѣ и что же! Застаетъ ее очень разстроенной, такъ какъ дочка ея заболѣла сильнымъ воспаленіемъ легкихъ и съ ней дѣлались опасные припадки. Передала она просфору отъ батюшки; дѣвочка быстро стала выздоравливать.

Какъ то Прасковья Матвѣевна заболѣла грудницей, боль была ужасная, она не знала что и дѣлать, ибо все тѣло нарывало, чувствовала себя очень мучительно. Несмотря на такую жестокую боль, она рѣшается все-таки пойти къ батюшкѣ; род-

ные уговариваютъ ее не ходить, представляя ей вполнѣ основательные доводы, что при такомъ множествѣ народа, она можетъ повредить себѣ, но она отправляется. Подходить она къ батюшкѣ, а батюшка, (хотя она еще ничего не сообщала ему о своей болѣзни), своими руками прижимаетъ ея руки къ груди, и такъ сильно, что она чувствуетъ ужасную боль; потомъ вдругъ боль утихаетъ, она бодро и весело возвращается домой; болѣзнь ея черезъ два дня совершенно исчезаетъ, будучи не въ силахъ господствовать и распоряжаться тамъ, гдѣ коснулась цѣлительная благодать пастыря.

При концѣ служенія батюшки въ Соборѣ, когда Прасковья Матвѣевна подводила своего маленькаго Мишу къ Святымъ Дарамъ, батюшка, приобщивъ его, поставилъ ему Святую Чашу на голову и сказалъ: «Пой, Богу, пой»; никто не понялъ тогда значенія этихъ словъ батюшки; только черезъ нѣсколько лѣтъ объяснилось оно. Оказалось, что самъ мальчикъ воспринялъ глубокую силу этихъ знаменательныхъ словъ: въ немъ возгорѣлась такая любовь къ Господу, что онъ только и просилъ родителей, учить его по духовному. «Буду священникомъ»,—повторялъ онъ, озаренный дивнымъ пастырскимъ назначеніемъ.

Видя такое непреклонное желаніе и стремленіе мальчика къ духовной дѣятельности, родители не стали противиться этому и, не смотря на свои малыя средства, на постоянный недостатокъ и лишенія (отецъ мальчика—садовникъ), милостью Божьей, по ходатайству великаго пастыря, устроили его въ Законоспасское училище, которое онъ теперь проходитъ достаточно успѣшно при всѣхъ трудностяхъ знакомства съ древними языками.

При помощи дорогаго хранителя батюшки, который и теперь изъ своихъ райскихъ обителей свѣтитъ имъ яркой путеводной звѣздой, они и другою ребенка своего—дѣвочку устроили въ гимназію, хотя средства ихъ позволяли имъ только бесплатное обученіе въ городскомъ училищѣ; и вотъ, бѣдная семья, при небольшомъ жалованьѣ отца кормильца, даетъ серьезное образованіе

своимъ дѣткамъ, выводя ихъ на самостоятельную безбѣдную дорожку труда и широкой полезной дѣятельности.

Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ, духовно настроенныхъ семей, которыя, можно сказать, не напрасно бороздятъ поле жизни, вснахивая и удобряя его посильными трудами и энергіей и украшая дивными цвѣтами—своими религіозными и трудоспособными дѣтьми!..

Лежала какъ то Прасковья Матвѣевна въ больницѣ; у ней была рожа, попросила она свою бабушку сходить къ батюшкѣ. Бабушка сходила, батюшка благословилъ ее и послалъ больной просфору. Какъ только съѣла она просфору, почувствовала себя легче и быстро стала поправляться. Собрались они какъ то въ Саровъ; пришли къ батюшкѣ попросить у него благословенія; батюшка благословилъ ихъ и далъ 20 коп. на свѣчку, съѣздили они; Прасковья Матвѣевна привезла батюшкѣ просфору, пришла къ нему на домъ и стала дожидаться у подъѣзда, такъ какъ батюшка поѣхалъ кататься.

Приѣзжаетъ батюшка, она подаетъ ему просфору и проситъ взять ее, говоря, что она вынута за его здоровье; батюшка поцѣловалъ просфору и подалъ ей назадъ, сказавъ: «а это за твое здоровье».

И что же! Какъ пришла она домой, такъ и заболѣла; цѣлую недѣлю пролежала больная.

Тихо, мирно, счастливо живетъ эта семья подъ великимъ пастырскимъ наблюденіемъ; 4 дѣтей, но дѣтки сыты, одѣты, обуты, въ квартирѣ тепло, весело, и все это благодаря неогнненному батюшкѣ, который невидимо осѣняетъ ихъ своей благодатью, обильно проливая на нихъ духовную радость и матеріальное благополучіе!

Анна Платоновна Свѣшницова *), тоже пожелала сообщить намъ о спасительномъ руководствѣ батюшки.

Жила она прежде съ мужемъ въ Петербургѣ, ходила къ

*) Лубянская площадь, домъ № 2.

отцу Иоанну Кронштадтскому; жили они съ мужемъ хорошо, богато, въ мирѣ и согласіи, но вотъ заболѣваетъ мужъ, у него открывается чахотка, онъ быстро угасаетъ; тогда Анна Платоновна переѣзжаетъ въ Москву и сильно тоскуетъ по мужѣ.

Знакомая ея Даша уговариваетъ ее сходить въ Соборъ, говоря, что тамъ великій батюшка, который утѣшитъ ее. Пошла она въ Архангельскій Соборъ и настолько была убита горемъ, что стояла безучастной ко всему и не вынесла никакого впечатлѣнія.

Пришла она въ другой разъ, а Даша стала просить батюшку, чтобы взялъ онъ Анну Платоновну на исповѣдь. Батюшка сказалъ: «давай ее сюда» и вотъ тутъ то озарилъ ее такую благодатью, такъ утѣшилъ и обласкалъ ее, что она мысленно рѣшила: «ну, теперь уже никогда не уйду отъ батюшки»; дѣйствительно, она стала ходить за каждую его службу; батюшка часто бралъ ее на исповѣдь и все больше и больше возрождать и укрѣплялъ. Все больше и больше воспламенялось сердце вдовы горячей любовью ко Господу, все больше и больше усиливалась вѣра, пламенья чистымъ ровнымъ огонькомъ.

Но вступивъ на славное поле жизненной борьбы и подвиговъ, Анна Платоновна не могла всецѣло предаться духовной жизни, такъ какъ прежняя счастливая веселая жизнь манила ее къ себѣ, часто напоминая о прежнихъ радостяхъ и удовольствіяхъ. Особенно скорбь по мужѣ не давала ей покою, она все плакала о немъ, грустила и не могла никакъ избавиться отъ своей тоски и томленія. Тогда батюшка, видя ее въ такомъ состояніи, пожелалъ снять съ нея эту печаль, чтобы дать ей возможность всецѣло посвятить себя молитвѣ и духовнымъ подвигамъ. Онъ взялъ ее за руку, подвелъ къ Царскимъ вратамъ и сказалъ: «дѣточка, любишь ли Господа?»—потомъ, показывая ей на образъ Спасителя, спросилъ: «это кто»? И въ поясненіе ей прибавилъ: «это твой Женихъ»!

Эти великія, знаменательныя слова пастыря произвели такое сильное впечатлѣніе на смущенную Анну Платоновну, что ра-

зомъ сняли съ нея тяжелую скорбь по мужѣ; ей стало такъ отрадно и радостно на душѣ, что она не знала какъ и благодарить дорогого пастыря, который нѣсколькими благодатными словами могъ сразу снять ея тяжкое долговременное бремя. Съ тѣхъ поръ она уже всецѣло углубилась въ духовное дѣланіе, укрѣпляясь въ вѣрѣ, надеждѣ и любви ко Господу.

Но, воспитавъ и направивъ ее по духовному стремленію, пастырь строго слѣдилъ за всѣми изгибами ея души.

Часто призывая ее на исповѣдь, онъ наблюдалъ, чтобы такое выдающееся положеніе не возбудило въ ней гордости и высокомерія, а потому онъ иногда строго и рѣзко назидалъ ее, поставляя на стезю смиренія.

Однажды случилось ей подойти къ самой дверкѣ исповѣдальни. Стоит она и думаетъ: «вотъ меня теперь батюшка первую возьметъ, уже ближе этого и нельзя»; съ полнымъ сознаниемъ своего превосходства передъ другими исповѣдницами, она самодовольно дожидается выхода пастыря.

Но прозорливецъ пастырь больше всего опасался духовной гордости въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ и потому всегда рѣзко обрушивался на провинившихся. Отворивъ дверку, онъ грозно возгласилъ: «Уже ближе этого и нельзя, возьмите, выведите ее отсюда подальше». Можно понять, что пришлось пережить Аннѣ Платоновнѣ; конечно, народъ сейчасъ же сталъ оттѣснять ее и вытолкнулъ вонъ. Смущенная, пристыженная, глубоко потрясенная, она тотчасъ же прониклась сознаниемъ своего недостойнства и съ полнѣйшимъ сокрушеніемъ стала каяться и просить Господа о прощеніи, но, такъ какъ ей все-таки не хотѣлось совсѣмъ уходить изъ исповѣдальни, то она, пристроившись сзади въ толпѣ, горько плакала.

Между тѣмъ народъ ее все отгалкивалъ и бранилъ: «Ишь, наглая»—слышались грубые ворчливые голоса, которые больно кололи и осуждали ее. Но Анна Платоновна все переносила и не могла уйти, такъ какъ ей очень горько было лишиться Святого Приобщенія. И она горячо просить Господа удостоить ее Своей

милости и разрѣшить батюшкѣ взять ее на исповѣдь. Проходитъ нѣкоторое время, батюшка открываетъ дверку и обращаясь къ ней произноситъ: «ну, дѣточка, иди ко мнѣ» и такимъ образомъ откликается на ея мольбу и раскаяніе.

Этотъ случай навсегда запечатлѣвается въ ея душѣ. Конечно. Батюшка показалъ ей грѣховность высокомерія. Уже больше не промелькнетъ гордая мысль, что я лучше всѣхъ, ближе всѣхъ; нѣтъ. Пастырь ясно давалъ понять человѣку, что онъ самъ по себѣ ничто, ничего не можетъ, ничего не значитъ, а если что Господь и даруетъ ему, то это только по Своему безмѣрному милосердію, когда видитъ въ человѣкѣ кротость, смиреніе и полное повиненіе Божіей волѣ и заповѣдямъ.

Однажды, батюшка беретъ Анну Платоновну на исповѣдь и говорить: «чудеса у Тебя Господи, нигдѣ не служить, а деньги такъ и сыплются: рубли, десятки и сотни». Что же оказалось! Пошла она къ роднымъ своего мужа, (она передъ этимъ все сокрушалась и скорбѣла, что не на что ей купить себѣ мѣстечко подлѣ могилки своего мужа въ оградѣ Алексѣевского монастыря); родные стали ее спрашивать, чего бы ей хотѣлось купить себѣ. Она призналась, что ей очень хотѣлось бы купить мѣстечко подлѣ могилки своего мужа. Родные ей сейчасъ же дали 100 руб. и сказали: «иди купи себѣ мѣсто и принеси бумагу».

Анна Платоновна, не помня себя отъ радости взяла деньги, но все-таки прежде всего пошла къ батюшкѣ спросить его совѣта и благословенія.

Батюшка однакоже возгласилъ: «нѣтъ, не благословляю купить; деньги тебѣ и такъ годятся».

Анна Платоновна поразила такому рѣшенію батюшки, но никакъ не могла сломить себя и подчиниться его указу, а потому несмотря на его слова, пошла, купила себѣ мѣсто и получила бумагу. Что же оказалось! Приходитъ она черезъ недѣлю справиться въ контору, предъ ней извиняются и говорятъ, что ошиблись и продали ей чужое мѣсто, купленное уже раньше

другими; придя на могилку своего мужа, она увидала, что рядомъ уже поставлена была рѣшетка и кто то похороненъ.

Батюшка за 5 лѣтъ узналъ, что Анна Платоновна будетъ держать хоръ духовныхъ пѣвчихъ; онъ какъ то спросилъ ее: «дѣточка, ты умѣешь пѣть»? Когда она отвѣтила утвердительно, батюшка прибавилъ: «я приѣду васъ слушать». Послѣ оказалось, что Анна Платоновна вмѣстѣ съ другими пѣвчими стала пѣть въ одной церкви; батюшка приѣзжалъ въ эту церковь, (когда онъ уже не служилъ въ Соборѣ) и слушалъ ихъ пѣніе, послѣ чего благословилъ ихъ и одобрилъ. Но потомъ, когда Анна Платоновна приходила къ нему на домъ, то онъ указалъ ей, чтобы она переходила пѣть въ другую церковь. Анна Платоновна нашла церковь «Св. Троицы на Поляхъ» и сообщила батюшкѣ. Батюшка благословилъ ее и сказалъ: «тутъ мое благословіе, тутъ мой другъ Астаповъ, передай ему поклонъ отъ меня».

Отправилась однажды Анна Платоновна къ знакомымъ въ Петровскій паркъ и очень тамъ веселилась; она каталась съ одной барышней въ коляскѣ, пила чай въ роцѣ и вообще шумно провела время.

Приходитъ она въ Соборъ, подходитъ къ батюшкѣ, а батюшка съ укоризной и спрашиваетъ: «ты это куда уѣхала»? давая ей понять, чтобы она оставила ненужныя, свѣтскія прогулки, а вела бы болѣе осмысленный образъ жизни; батюшка оберегалъ Анну Платоновну отъ разныхъ ненужныхъ знакомствъ; однажды привела она къ себѣ одну странницу, которая стала смущать ее странными выходками и наставленіями. Батюшка рѣзко далъ понять ей, чтобы она прогнала ее и сказалъ: «она тамъ тебѣ дѣлать то надѣлаетъ». Дѣйствительно, послѣ оказалось, что это была фабричная дѣвушка, которая съ какою то цѣлью старалась проникнуть къ ней и однажды, въ ея отсутствіе, перерыла ея книги и бумаги и разбросала повсюду.

Наступило лѣто; всѣ стали проситься на дачу. Анну Платоновну тоже потянуло въ деревню; она обратилась къ батюшкѣ съ просьбой благословить ее поѣхать на Нѣмчиновскій Постъ,

(батюшка тоже жилъ лѣтомъ въ той мѣстности). Батюшка благословилъ. Она нашла себѣ въ деревнѣ Марфино новенькую дачку и дала задатокъ. Подходить она въ Соборъ къ батюшкѣ и проситъ благословеніе переѣхать на дачу. Батюшка возразилъ: «я туда не благословляю, тамъ грязно».

Анна Платоновна спѣшитъ увѣрить батюшку, что дачка новенькая, чистенькая. Но батюшка видимо недоволенъ.

Собрала она вещи, отправилась. Что же! Приѣзжаетъ съ вещами, а хозяева уже отдали ея дачу другимъ за двойную цѣну. Вотъ что означали слова пастыря: «тамъ грязно».

Что тутъ было дѣлать? Куда дѣваться съ вещами? Но хранитель батюшка и тутъ выручилъ: въ это время возвращался онъ изъ Москвы, и какъ разъ проѣзжалъ мимо Анны Платоновны. Увидавъ ее въ такомъ печальномъ положеніи, онъ поручилъ одной своей духовной дочери М. А. устроить ее куда нибудь не дороже 10 руб. Та упростила свою сосѣдку вдову Еленушку, сдать Аннѣ Платоновнѣ на лѣто свое помѣщеніе. Такимъ образомъ дорогой попечитель выручилъ Анну Платоновну изъ неловкаго положенія и удобно устроилъ ее на все лѣто для отдыха.

На другое лѣто батюшка тоже благословилъ ее жить на Нѣмчиновскомъ Посту. Сняла она дачу около станціи и отдала 18 руб.

Приходитъ она въ Соборъ, батюшка беретъ ее на исповѣдь и спрашиваетъ: «дѣточка, съ кѣмъ же ты будешь жить на дачѣ»? Анна Платоновна спѣшитъ заявить батюшкѣ, что будетъ жить одна.

Однакоже батюшка не успокаивается и на слѣдующій разъ опять спрашиваетъ ее: «да съ кѣмъ же ты будешь жить на дачѣ»? Анна Платоновна опять подтверждаетъ, что будетъ жить одна».

Батюшка и въ 3-й разъ спрашиваетъ то же. Анна Платоновна недоумѣваетъ, къ чему это такъ спрашиваетъ батюшка, когда она будетъ жить одна.

Поѣхала она осмотрѣть дачу; приѣзжаетъ и что же? ее

встрѣчаетъ молодой человѣкъ, который поселился въ другой половинѣ дачи; онъ радостно заговариваетъ съ ней, проситъ поскорѣе пріѣзжать, говоритъ, что ему скучно одному и подаетъ ей букетъ ландышей.

Тутъ только понимаетъ она, къ чему клонились слова прозорливца—пастыря. Идетъ она въ Соборъ, а батюшка опять спрашиваетъ ее: «да около тебя то кто будетъ жить»? Она отвѣчаетъ, что будетъ жить, сосѣдъ, молодой человѣкъ, все еще не постигая неудобства такой дачной жизни.

Тогда батюшка, желая яснѣе ей дать понять неудобство такого близкаго сосѣдства во всеуслышанье возвѣщаетъ: «вотъ у меня Анна-то отличилась, сняла дачу съ молодымъ человекомъ, онъ занялъ холодную половину, а она теплую». Такимъ гласнымъ заявленіемъ онъ такъ сконфузилъ и пристыдилъ ее, что она уже виновато обращается къ батюшкѣ и спрашиваетъ его, что же ей теперь дѣлать? Батюшка рѣшительно возражаетъ на это: «не смѣй тамъ жить», а опять на Марфинѣ, рядомъ съ М. А. Вотъ какъ нашъ дорогой батюшка охранялъ своихъ духовныхъ дѣтей: ни одинъ самый любящій отецъ не могъ бы такъ услѣдить за всѣми неувловимыми деталями предстоящей опасности, ни одинъ отецъ не могъ бы такъ предотвратить во время и мудро грозные слѣды приближающейся бѣды, а этотъ дорогой всезоркій пастырь, неуклонно шагъ за шагомъ слѣдя за своей многотысячной паствой, повсюду успѣвалъ отклонять всевозможныя хитрыя уловки врага—искусителя, который въ ярости на людей за ихъ обращеніе на путь спасенія, всюду разставлялъ тонкія цѣпки сѣти разныхъ искушеній.

Жила Анна Платоновна одно время съ родными и, такъ какъ она часто пріобщалась Святыхъ Таинъ, то перестала ѣсть мясо, что, конечно, возбуждало толки и пересуды среди ея хозяевъ. Батюшка духомъ прозорливости зналъ объ этой будоражной полемикѣ и борьбѣ духа и міра; чтобы подкрѣпить Анну Платоновну, онъ спросилъ ее какъ то на исповѣди: «ты мясо не ѣшь»? Она отвѣтила, что не ѣсть.

Тогда батюшка строго приказалъ: «пзволь ѣсть, а то по-мрешь, много, если 10 лѣтъ прожлвешь», (повторилъ слова ея родныхъ). Вотъ какъ непостижимо мудръ былъ великій пастырь, вотъ какъ испытывалъ и научалъ онъ своихъ духовныхъ дѣтей: не совѣтами и приказами училъ онъ ихъ духовному дѣланію, а мудрой, глубокой, малопонятной тактикой онъ влагалъ въ сердца ихъ правила строгой нравственности и истиннаго сознательнаго благочестія. Онъ зналъ, что окружающіе возставали противъ Анны Платоновны и урезонивали ее ѣсть скоромное, говоря, что она такимъ неправильнымъ пощеніемъ погубить свое здоровье, но онъ захотѣлъ, чтобы она сознательно убѣдилась въ спасительной силѣ поста, не считала бы его тяжелымъ, неосновательнымъ бременемъ, а потому строго велѣлъ ей ѣсть мясо, чтобы она сама испытала его тягостную силу при спасительномъ подвигѣ частаго освященія души Пресладостной, Пребожественной Пищей. Да, онъ велѣлъ ей ѣсть мясо. Приказано было такъ строго, требовательно, властно, что требовалось необходимое послушаніе. Послушаніе было оказано. Родные обрадовались такому рѣшенію Анны Платоновны, подали ей за обѣдомъ бульону, но она окончательно не въ силахъ была проглотить и ложки его. Тогда дали ей цыпленка. Боясь батюшки она немножко поглочала цыпленка.

Приказъ былъ исполненъ.

Идетъ Анна Платоновна на исповѣдь и говорить батюшкѣ, что она цыпленка поѣла. Батюшка очень доволенъ, говоритъ: «умница», разрѣшаетъ ее отъ грѣховъ и покрываетъ эпитрахилью.

Вотъ пропѣли и «Отче Нашъ». Идетъ она отъ Образа Михаила Архангела приобщаться Святыхъ Таинъ и вдругъ чувствуетъ, что сильно пахнетъ мясомъ; совѣтъ мучительно начинаетъ терзать ее, что она поѣла мяса и приступаетъ къ Святымъ Дарамъ. Это было такое ужасное мучительное состояніе, что и передать невозможно; неудержимыя рыданія сжали ей горло, она начинаетъ плакать до истерики. Точно вся душа ея рвалась и клекотала мучительными воплями, не находя себѣ покоя и оправданія. Тутъ только вполне поняла она, какъ велика святыня

поста, какъ необходимо соблюдать ее въ приготовленіяхъ къ величайшей Трапезѣ Христовой, тутъ только вполнѣ ясно раскрылся ей весь ужасъ и гнетъ мірскаго требованія вкусной обильной пищи, якобы въ цѣляхъ здоровья и долгоденствія.

Полученъ великій спасительный урокъ, который рѣзкими, вѣчными штрихами вырѣзался на скрижаляхъ совѣсти, раскрывъ ей правильность и необходимость духовныхъ требованій и уставовъ. Теперь ни родные, ни другія какія досужія кумушки не склоняютъ ее на избитую дорожку небрежности и невнимательности къ посту; теперь она твердо, основательно, ясно поняла глубокое значеніе молитвы и воздержанія и необходимость господства духа надъ плотью.

Служба идетъ, а сердце мучительно замираетъ; теперь сталъ понятенъ приказъ пастыря, стало понятно малодушіе и слабость воли.

Наконецъ, наступаетъ рѣшительная минута.

Всеправедный Судья идетъ судить и мѣловать въ Своихъ Святѣйшихъ Таинахъ.

Только истинныхъ смиренныхъ, глубоко раскаявшихся созданий своихъ наградить Онъ своей небесной благодатью, только кроткихъ, незлобивыхъ чадъ своихъ нашиваетъ Онъ манной сладости и утѣшенія, только твердыхъ, небоязливыхъ, преданныхъ посѣтитъ Онъ Своей благостью и всепрощеніемъ, а шаткихъ, гордыхъ, неблагодарныхъ, неискреннихъ Онъ гнѣвно осудитъ карой отверженія.

И вотъ, трепещущая, смятенная Анна Платоновна подходитъ къ Святой Чашѣ, батюшка видитъ состояніе ея души, видитъ ея тяжкую борьбу и истому, видитъ ея чистосердечное, полное раскаяніе въ совершенномъ проступкѣ и, понимая, что она должна была перечувствовать и пережить за эти немногія, томительныя минуты наказанія—онъ милостиво допускаетъ ее къ Святымъ Дарамъ и только строго говоритъ: «что, хорошо ѣсть мясо и причащаться»? Кончено. Глубокій мучительный урокъ получила душа, получила не изъ книги и записей, а прочувствовала, про-

жила, промучилась, во всей силѣ поняла какъ тяжело и нестерпимо бываетъ томленіе совѣсти подъ дѣйствіемъ гнѣва Божіяго.

Да! все это давалъ понять намъ, дорогой, незабвенный пастырь; онъ, какъ мудрая книга, развертывалъ намъ со всею наглядностью всѣ правила и указанія духовной жизни.

Но его слова и дѣйствования настолько были мудры и иногда малопонятны, что трудно было разбираться среди нихъ.

Онъ иногда, желая испытать твердость и глубину вѣры человѣка и любви его ко Господу, склонялъ его къ противоположнымъ дѣйствованиямъ, такимъ испытующимъ приказомъ часто приводя въ недоумѣніе смущенную его душу.

Но за то, какъ велика была его радость, когда онъ замѣчалъ, что человѣкъ, не смотря на всѣ его сбивчивые приказы и указанія, твердо и неуклонно слѣдуетъ велѣніямъ своего возродившагося духа, когда онъ видѣлъ, что его духовныя дѣти, не смотря на окружающіе суетные толки и убѣжденія, которымъ и онъ якобы вторилъ для полноты начавшагося искуса,—твердо неукоснительно идутъ по стезѣ должныхъ духовныхъ принциповъ и, не смотря на велѣніе и гнѣвные окрики батюшки, продолжаютъ держаться правильныхъ духовныхъ основъ,—о! тогда онъ ласкалъ и награждалъ этихъ твердыхъ основательныхъ людей, продолжая съ любовью и нѣжностью все больше и больше укрѣплять ихъ и направлять къ подвигамъ добра и милосердія.

За всѣми слѣдилъ великій пастырь, разными мудрыми замѣчаніями вразумляя своихъ духовныхъ дѣтей, во время поддерживая и направляя ихъ, если имъ приходилось скользить и уклоняться съ прямой, правильной тропы. Батюшка часто обращался къ Аннѣ Платоновнѣ и говорилъ: «ну, дай я посмотрю, часы то вѣрно ли ходятъ, не отстаютъ и впередъ не идутъ ли»? давая ей понять, чтобы она бодрствовала надъ собой, не ослабѣвала бы и не отставала бы хотя въ малыхъ своихъ подвигахъ молитвы и бдѣнія.

Случилось однажды Аннѣ Платоновнѣ уѣхать въ Смоленскъ,

тамъ побывала она у одного старца и получила его благословеніе. Привыкши за всякимъ совѣтомъ обращаться къ батюшкѣ, она и къ тому старцу стала часто подходить и говѣть у него; даже изъ желанія угодить ему взобралась на колокольню и стала звонить.

Батюшка Валентинъ не любилъ такихъ путешествій; онъ понималъ, что человѣкъ долженъ быть подъ однимъ контролемъ; двойственность и развинченность природы была ему всегда тяжела и неприятна. Онъ зналъ, что человѣкъ долженъ всецѣло предаться одному руководству; послушаніе только и можетъ быть тогда правильнымъ, когда оно направлено въ одну истинную сторону, а не разбрасывается развѣтвленіями по разнымъ направленіямъ; а потому, желая поставить Анну Платоновну въ рамки должнаго, намѣченнаго имъ самимъ послушанія, онъ рѣзко и строго встрѣтилъ ее и гласно обличилъ.

Когда она подошла къ нему на парадномъ крыльцѣ, (послѣ своей поѣздки), за благословеніемъ, онъ сердито обличилъ ее: «смотрите, куда она ѣздила, на крышу забралась, на стѣнку даже» — такъ гнѣвно обличалъ ее пастырь, поясняя ей, что ея необдуманная поѣздка доставила ему крайнее горе и раздраженіе своей нецѣлесообразностью.

Такой сердитый окрикъ батюшки сильно встревожилъ Анну Платоновну; она поняла, что она дурно поступила, уѣхавъ изъ Москвы и лишившись хотя на время спасительнаго руководства пастыря. Раскаяніе охватило ея душу; она стала плакать и умолять Господа простить ее и опять отдать подъ охрану батюшки.

Пошла она въ Соборъ, встала около образа Михаила Архангела (батюшка въ это время исповѣдовалъ), а сама все время мучилась и томилась, что батюшка не возьмётъ ее на исповѣдь. Но дорогой пастырь, видя ея искреннюю печаль и сокрушеніе, взялъ ее исповѣдовать и сказалъ: «ну что же съ тобой дѣлать, ну вотъ намъ Николай Чудотворецъ поможетъ» и тѣмъ показалъ ей, что для заглаженія ея проступка, она должна

обращаться къ Николаю Чудотворцу, просить его молитвъ и ходатайства передъ Господомъ.

Анна Платоновна продолжаетъ вести прежнюю жизнь и по смерти своего великаго руководителя горячо просить его помочь ей, охранить и вразумить въ ея проступкахъ, неправильностяхъ и заблужденіяхъ.

Дорогой пастырь и послѣ смерти своей не оставляетъ ее, посылая ей помощь, подкрѣпленіе и высшія духовныя радости.

За Елену Ивановну Иванову сваталось много жениховъ... Но, такъ какъ мама ея глубоко чтитъ батюшку, то она каждый разъ обращалась за указаніемъ къ батюшкѣ, строго слушаясь его совѣтовъ и указаній.

Посватался художникъ. Пошли къ батюшкѣ. Батюшка сказалъ: «ну какой онъ художникъ, написать напишетъ, а стереть не сумѣетъ». Потомъ посватался пѣвчій. Пришла Елена Ивановна къ батюшкѣ; а батюшка сказалъ: «какъ сердце тебѣ, дѣточка, скажетъ». Пошли онѣ съ мамой отъ батюшки; она дорогой же почувствовала, что совѣмъ ей не хочется выходить за него. Потомъ еще одинъ женихъ посватался, мама ея Пелагея Афанасьевна пошла на домъ къ батюшкѣ. Батюшка принялъ ее и показывая на муху спросилъ: «это что»? Пелагея Афанасьевна отвѣтила: «это муха». Батюшка дотронулся до нея пальцемъ, согналъ муху и спросилъ: «гдѣ она»? Та отвѣчала: «улетѣла». Тогда пастырь внушительно объясняетъ: «вотъ онъ, какъ муха, улетитъ и кончено; нѣтъ, не надо»; послѣ узнали, что онъ женился на другой и черезъ годъ умеръ. Потомъ 3 жениха сватались заразъ, батюшка сказалъ матери: откажи всѣмъ; всѣмъ отказали; указывая на Спасителя, батюшка возгласилъ: «вотъ ей Женихъ». Узнавъ о такихъ мудрыхъ словахъ пастыря, Елена Ивановна рѣшила: вѣроятно батюшка ее готовитъ къ монастырской жизни. Она стала ходить къ одной своей знакомой въ монастырь и все приглядывалась къ этой жизни. Но жизнь эта, полная духовной борьбы, пугала ее своей трудно-исполнимой задачей, не нравилась ей своей строгой дисциплиной; она совер-

шенно отклонилась от нея и покорно стала ждать подходящаго спутника жизни, что не замедлило выясниться и совершиться. Посватался Анатолій Гавриловичъ. Пришла Елена Ивановна на исповѣдь къ батюшкѣ и сказала о немъ; батюшка быстро отвѣтилъ: «очень радъ» и весело благословилъ ее.

Анатолій Гавриловичъ одно время былъ безъ мѣста. Елена Ивановна уговаривала его написать письмо батюшкѣ и попросить его святыхъ молитвъ. Письмо было написано, но безъ должнаго усердія. Пришла Елена Ивановна въ Соборъ, подошла къ Кресту и сказала: батюшка, мужъ вамъ написалъ письмо», а батюшка ей отвѣчаетъ: «нѣтъ мужъ мнѣ не писалъ письма, а писала мнѣ дамочка, вотъ точь въ точь, какъ ты (показывая ей, что онъ знаетъ, какъ она руководила мужемъ въ этомъ дѣлѣ), подойди послѣ къ Сѣвернымъ дверямъ, я съ тобой потолкую». Пробралась она къ Сѣвернымъ дверямъ, но ее оттолкнули; стоитъ она вдали, дожидаясь выхода батюшки. Онъ выходитъ и спрашиваетъ: «гдѣ тутъ дамочка меня дожидается»? беретъ ее за руку, ведетъ по амвону къ Царскимъ вратамъ и говоритъ: «вотъ сейчасъ только Госпожа здѣсь стояла, а теперь Ея нѣтъ». Это было сказано такъ дивно—величественно, что Елена Ивановна сразу же поняла о какой Госпожѣ говорить ей батюшка—«ну до другого разу»—давая ей понять, что пока еще Божьей Матери не угодно внять ихъ просьбъ и что надо горячѣе и усерднѣе молить Ее объ этомъ.

Послѣ этого, Анатолій Гавриловичъ самъ пошелъ къ батюшкѣ. Батюшка остановилъ одного изъ духовныхъ сыновей и поручилъ ему устроить Анатолія Гавриловича на дѣло. Тотъ принялъ его къ себѣ, но Анатолію Гавриловичу показалось тяжело у него жить и онъ, побуждаемый своими товарищами-сослуживцами, высказалъ ему свои претензіи. Хозяинъ преспокойно попросилъ его оставить это мѣсто.

Но, такъ какъ это было сдѣлано самовольно, безъ разрѣшенія пастыря, то батюшка видимо былъ очень недоволенъ самовластнымъ распоряженіемъ и строго наказалъ провинившагося:

2½ года послѣ этого Анатолій Гавриловичъ быть безъ мѣста, такъ что скопленные деньги были прожиты, семья приходила въ крайнюю бѣдность и уныніе; наконецъ милостивый пастыръ съжался, и Анатолій Гавриловичъ опять устроился на должность.

Однажды у Елены Ивановны была сильная рожа, (въ двѣнадцатомъ возрастѣ); мама ея обратилась къ батюшкѣ, онъ велѣлъ поскорѣ позвать доктора, который съ великой помощью батюшки быстро помогъ больной: рожа остановилась, на 3-й день ей стало лучше и черезъ недѣлю прошла безслѣдно, такъ что не осталось никакихъ слѣдовъ ея на лицѣ.

Старшій сынъ ея Толя вдругъ захватилъ дифтеритъ; обратились къ батюшкѣ, батюшка велѣлъ скорѣ везти его въ больницу, докторъ его тамъ освидѣтельствовалъ, нашелъ сильный дифтеритъ; сейчасъ же его понесли въ паровую комнату, потомъ сдѣлали прививку; на 5-й день къ удивленію всѣхъ, онъ совсѣмъ выздоровѣлъ, и его можно было взять изъ больницы.

Была Елена Ивановна въ болѣзненномъ положеніи; ей было такъ трудно, что она совсѣмъ умрала. Ея знакомая Фрося пошла къ батюшкѣ вечеромъ; когда доложили ему о пришедшей, то онъ принялъ ее и спросилъ: въ чемъ дѣло? Услыхавъ отъ нея объ опасномъ положеніи Елены Ивановны, онъ воздѣлъ руки къ небу, долго горячо молился, потомъ радостно хлопнулъ Фросю по плечу и промолвилъ: «ну слава Богу, все благополучно, Господь крестника далъ»—взоромъ прозорливой мудрости проникая въ состояніе больной; дѣйствительно въ эти же минуты Господь послалъ сына Еленѣ Ивановнѣ.

На другой день Анатолій Гавриловичъ пошелъ къ батюшкѣ, горячо поблагодарилъ его за чудесную помощь и спасеніе жены и сталъ просить батюшку назначить имя младенцу. Батюшка посоветовалъ дать имя въ честь одного изъ 7 отроковъ, чудесно спавшихъ 300 лѣтъ, причемъ назвалъ ихъ имена и сказалъ: «какое изъ нихъ хотите». Анатолій Гавриловичъ не рѣшался самъ выбрать, тогда батюшка возразилъ: ну какъ ея (т.-е. Елен. Иван.) дѣдушку то звали? Анатолій Гавриловичъ отвѣтилъ, что

Іоаннъ. «Ну пусть и будетъ Іоанномъ», утвердилъ прозорливый пастырь, отъ котораго не были сокрыты даже имена людей.

Пришла разъ Елена Ивановна къ батюшкѣ съ сыномъ Толей, а батюшка провожая ее и говоритъ: «ну кто у васъ тамъ еще, Анна что ли»? (хотя у нея дома оставался только маленькій сынъ Ваня), и что же! черезъ годъ у нея родилась дѣвочка, которую именно и нужно было назвать Анной, такъ какъ на 8-й день ея рожденія было 20 ноября—память мученицы Анны.

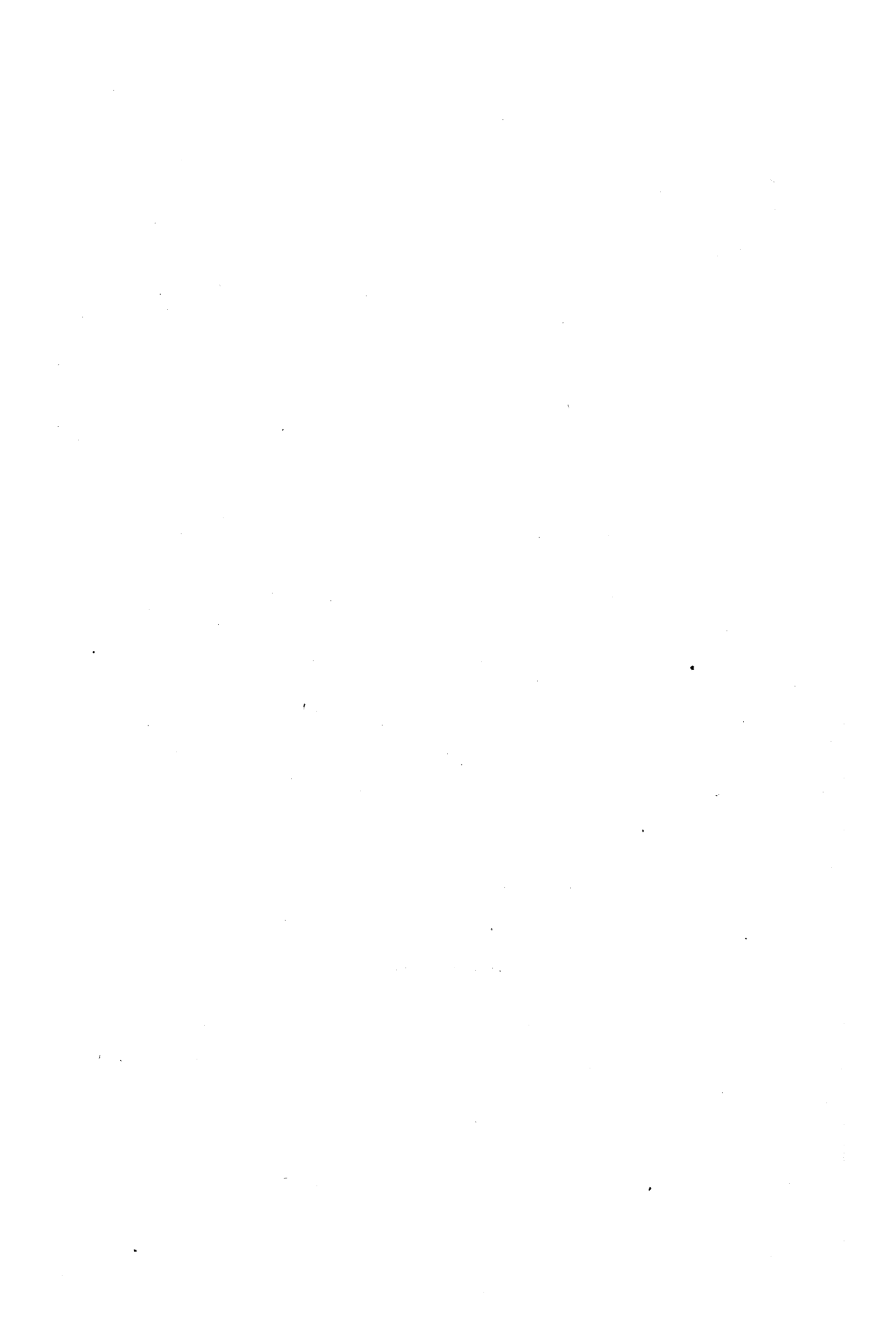
Варвара Елеазаровна—бывшая Смородинова, рассказывала, что сынъ ея Миша ходилъ въ училище, но былъ такой робкій и боязливый, что каждый разъ плакалъ, идя туда. Мать не знала, что съ нимъ и дѣлать; если онъ уже боялся учиться въ школѣ, то что же дальше будетъ, а ей такъ хотѣлось потомъ помѣстить его въ Мѣщанское училище. Матушка Елизавета Васильевна посоветовала ей сходить съ нимъ въ Архангельскій Соборъ къ батюшкѣ и приобщить его; она послушалась и пошла съ 2 мальчиками (одинъ—ея сынъ, а другой—братъ). И вотъ стоитъ она сзади и не спѣшитъ подходить къ Святой Чашѣ, желая дать очередь другимъ. Но оказалось, что уже всѣ приобщились и батюшка ушелъ съ Святыми Дарами въ алтарь. Встревоженная такой тяжелой неудачей, она не знаетъ, что и дѣлать. Тогда передніе говорятъ батюшкѣ, что осталась еще дама, которая не успѣла причастить дѣтей. Батюшка вернулся съ Святыми Дарами, толпа раздвинулась, пропустила ее. Варвара Елеазаровна подняла сына; вдругъ батюшка обращается къ мальчику и говоритъ: «это хорошо, что ты подходишь къ Господу и не плачешь; въ училище идешь, ты плачешь, а къ Господу идешь не плачешь, это хорошо». Потомъ обращаясь къ матери спрашиваетъ: какъ его зовутъ? причемъ быстро произноситъ «Мих...».

Пораженная такими знаменательными прозорливыми словами пастыря, Варвара Елеазаровна вся проникается благоговѣйнымъ трепетомъ передъ нимъ, а батюшка, ласково приобщивъ мальчиковъ, уходитъ съ Святыми Дарами въ алтарь.

Съ тѣхъ поръ мальчикъ сталъ отлично учиться, никакихъ

слезъ и боязни уже и помину не было, онъ выдержалъ экзамень въ Мѣщанское училище, прошелъ въ немъ весь курсъ наукъ, потомъ опредѣлился на хорошее мѣсто и сталъ кормильцемъ вдовы—матери.

Варвара Елеазаровна схоронила сестру свою, которая умерла въ чахоткѣ; послѣ этого она была сильно напугана страшнымъ сномъ: она видѣла мрачныхъ духовъ, которые напали на нее и всю ее избили; проснувшись, она почувствовала такую боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, что не могла почти двигаться. Между тѣмъ ей непремѣнно надо было сходить въ Архангельскій Соборъ и заказать сорокоусть по сестрѣ. Съ великимъ трудомъ собралась она, приѣхала въ Соборъ, но стоять совсѣмъ не могла и обратилась къ Елизаветѣ Васильевнѣ, прося ее передать деньги батюшкѣ за сорокоусть по ея сестрѣ. Елизавета Васильевна, узнавъ, что ей очень нехорошо, посоветовала ей самой подойти къ батюшкѣ. Варвара Елеазаровна послушалась и подошла къ нему. Тогда батюшка, вдругъ обѣими руками сталъ сильно ударять по ея плечамъ, рукамъ, спинѣ, какъ бы уничтожая слѣды ужасныхъ ночныхъ побоевъ. Произведя свой цѣлебный «массажъ» пастырь пошелъ дальше, а Варвара Елеазаровна тутъ же почувствовала себя крѣпкой и здоровой и въ недоумѣніи стояла и долго не могла опомниться отъ такого страннаго, но вполнѣ чудеснаго цѣленія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Какъ я обрѣла вѣру.

Вѣра—драгоцѣнное сокровище человѣка. Это—великое богатство духа; это—великая услада души; съ вѣрой и сами скорби, сами страданія кажутся малыми, ничтожными. Радость по Бозѣ наполняетъ всю душу, все существо человѣка, и душа рвется въ вышину, прославляя и восхваляя Господа въ торжественныхъ гимнахъ.

Но вѣра—это драгоцѣннѣйшая жемчужинка, которой Самъ Господь надѣляетъ человѣка: безъ Него не можетъ человѣкъ приобрести эту драгоцѣнность—это неоцѣненное всерадостное, всеблаженное чувство, а потому надо горячо, горячо молить Человѣколюбца, чтобы Онъ далъ это неоцѣненное сокровище, съ которымъ и жизнь такъ радостна, блаженна, и смерть не вызываетъ ужаснаго чувства страха и отчаянія. Вѣрующая душа не боится смерти: она встрѣчаетъ ее радостно, спокойно, такъ какъ знаетъ, что смерть приведетъ ее къ Небесному Отечеству, въ вѣчную страну нашей новой, лучшей жизни. И развѣ Самъ Человѣколюбецъ Господь не приметъ къ Себѣ и не упокоитъ ту душу, которая стремится къ Нему, горячо, блаженно любитъ Его, горячо, блаженно вѣруетъ въ Него.

Чтобъ объяснить сколь ужасно и тягостно состояніе мало-вѣрія и зачерствѣлости и сколь блаженно духовное состояніе вѣры и просвѣтленія, я передамъ незатѣйливую исторію своей жизни.

Я дочь высоконравственныхъ родителей христіанъ; маленькое сѣмечко вѣры было посажено еще ими, но вспаханная почва

была мало удобрена и плохо охранялась отъ колючихъ постороннихъ ростковъ. Любовь моей мамы больше хлила и охраняла физическія силы и тѣлесное здоровье и по вліянію окружающей среды мало воспитывала мою духовную сердцевинку, которая такъ нуждалась въ холѣ и правильномъ бдительномъ уходѣ.

Ребенокъ—баловень я росла какимъ-то самодурнымъ одичалымъ существомъ, была горда и своенравна.

Мама черезъ-чуръ горячо любила меня и баловала, вслѣдствіе чего изъ меня мало-по-малу получился никуда негодный, дрянной человѣчекъ, высокомерный, самонаравный, привыкшій уже съ раннихъ лѣтъ высоко цѣнить собственное «я», не подчинявшійся никакому режиму, не имѣвшій правильной духовной постановки и выправки.

Въ 8 лѣтъ я была уже взрослой самодуркой. Не смотря на крайне ограниченныя средства, родители мои, не жалѣя ни силъ, ни здоровья все предоставили мнѣ, чтобы изъ меня вышла достаточно образованная, приличная дѣвушка, отзывчивая, радостная, благодарная, которая вполнѣ могла бы оцѣнить ихъ великую любовь и заботы обо мнѣ.

Но, стараясь надѣлать меня внѣшнимъ лоскомъ и шлифовкой, родители упустили изъ виду, что, сдѣлавъ изъ меня свѣтскую барышню—они потеряли дочь—христіанку. Малое чувство вѣры, которое тлѣлось во мнѣ слабымъ огонькомъ, быстро стало ослабѣвать и гаситься тлетворнымъ дыханіемъ пагубнаго вліянія маловѣрія, индифферентизма.

Научныя идеи, приправленныя вѣяніемъ ложныхъ принциповъ, плотно размѣстились въ моей головѣ и стали распоряжаться тамъ полновластными хозяйками, отвлекая меня отъ всего истиннаго, духовнаго, прекраснаго.

Изъ живого вѣрующаго, любознательнаго ребенка я мало-по-малу становилась—уродцемъ съ задорнымъ, упрямымъ характеромъ, съ отгѣнкомъ вольнодумства и легкомыслія.

Гимназія гласно выдала мнѣ приличный аттестатъ на званіе

домашней учительницы, а негласно опутала мою мысль густой паутиной очерствѣлости и маловѣрія.

О если бы знали всѣ эти учителя и учительницы, какое великое зло приносятъ они, отдаляя ввѣренную имъ молодежь отъ Бога и духовной жажды! О если бы знали они, какой вредъ сѣютъ они повсюду, не облагораживая молодыхъ хрупкія отзывчивыя сердца духомъ вѣры и истины. Сколько бы счастья и духовной радости было бы на землѣ, если бы эти высшія заведенія, гдѣ воспитывается лучшее молодое поколѣніе, были бы разсадниками вѣры и благочестія; сколько истинныхъ христіанъ выросло бы и въ свою очередь стало бы повсюду разсаждать задатки, правды и высокой нравственности!

И вотъ я, окончившая гимназистка, послѣ 8-лѣтняго школьнаго томленія очутилась на свободѣ. Что дала мнѣ гимназія—только гордость и высокомеріе.

16-лѣтняя дѣвушка уже возомнила о себѣ, что она стала большимъ человѣкомъ и высоко поднявъ голову, вздумала важничать и самодурничать.

Послѣ усиленной школьной казуистики стали разомъ ощущаться скука и томленіе. Родители, желая дополнить мое образованіе, въ ущербъ своимъ силамъ и здоровью предоставили мнѣ уроки музыки, они хотѣли возрастить меня свѣтской благодѣтельной дѣвицей, но они забыли, что бессмертная душа человѣка тоже требуетъ пищи и удовлетворенія, они забыли, что только Господь—единственная ея радость и утѣшеніе, а безъ Него никакія отрады, никакія увеселенія не могутъ удовлетворить сердечной жажды.

Господь—единственное наше счастье, Одинъ только Онъ можетъ усладить наши мысли чувства и желанія; безъ Него—всюду скука и томленіе.

Я была лишь внѣшней христіанкой, ходила въ храмъ, молилась, изрѣдка говѣла, но я все это исполняла не отъ сердца, не отъ души, а какъ бы машинально.

Такъ проходили годы. Душа ничѣмъ не удовлетворялась,—

видимо она чего-то искала, а чего—въ этомъ и сама не могла дать себѣ отчета.

Пустыя знакомства, пустое препровожденіе времени на балахъ, театрахъ—все это такъ было пусто, томительно, однообразно,—что тяжело и вспоминать объ этомъ.

Въ 18 лѣтъ я была уже отжившей старушкой: ни цѣлей, ни стремленій.

Молодыхъ людей я вообще избѣгала, такъ какъ высоко нравственное начало, вложенное моею мамой, избавило меня отъ легкомыслія; выходить же замужъ я нисколько не рассчитывала, такъ какъ, при отсутствіи красоты и богатства—должна была болѣе рассчитывать на дѣвичью долю.

Итакъ, я страшно скучала.

Безсмертный духъ рвался наружу, онъ тяготился однообразностью и безцѣльностью жизни, онъ требовалъ пищи и удовлетворенія... Наконецъ, нашель и возрадовался: онъ увидалъ свѣтлый маякъ, который ярко, величественно засвѣтилъ ему среди бушующихъ волнъ грознаго житейскаго моря, онъ нашель пастыря, который все раскрылъ ему: и духовное небо съ его непостижимыми красотами и Всеблагость Творца — Промыслителя и духовную красоту созданій Божіихъ и пользу труда и дѣятельности.

Этотъ пастырь вложилъ въ меня—самую величайшую драгоценность—вѣру и любовь ко Господу, онъ далъ мнѣ ощутить непостижимое величіе и благодатную силу приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ, онъ наполнилъ мою пустую, однообразную жизнь всѣмъ богатствомъ духовнаго счастья и радостнаго стремленія къ Горнему, истинному, блаженному. Высокомудрый, благодатный, духовно величественный—онъ высоко возвышался надъ окружающимъ людомъ; но вселюбящій, всезоркій, онъ горячѣе любвеобильной душой старался приблизиться къ людямъ, старался стереть всякое тяжкое горе, заглушить всякую скорбь и страданіе.

Недуги, болѣзни, печали, утраты, все скорбное, тяжелое,

горькое—было его собственной болью—все замалывалось, облегчалось или устранилось силой его горячихъ молитвъ и воздыханій.

Строгій подвижникъ и молитвенникъ онъ самого себя приносилъ въ жертву за слабый порочный народъ, всего себя истомилъ чужими немощами, горями и печалями.

И малыя дѣти, рано испорченныя шалостями и грѣхами и сбившаяся безнравственная молодежь и погибающая зрѣлость—все съ глубокой любовью и сожалѣніемъ охватывалось его вселюбящимъ взоромъ.

Духовникъ, наставникъ, хранитель, великій непостижимый пастырь—и дни и ночи изнывалъ за несчастныхъ и нравственно и духовно — погибающихъ созданий Божьихъ, которыя совѣмъ почти утратили свое богоподобіе и безнадежно гибли въ волнахъ грѣха, страстей и пороковъ.

Каково было ему, одному кормчему, управлять безчисленнымъ множествомъ гибнущихъ ладей!

Каково было ему бороться съ извращенностью окружающей среды безбожниковъ, безнравственныхъ кощуновъ!

Каково было ему заливать повсюду огонь порочныхъ движеній и стремленій!

Врагъ не дремалъ. Онъ ужасался такому подвигу праведника, скрежеталъ, воздвигая на него разныя сплетни и клевету... Но развѣ могли повредить грязныя пылинки ослѣпительному, блестящему золоту! Приближаясь къ его лучезарному сіянію, онъ въ мигъ поналялись имъ какъ гниль и ничтожество, а яркое свѣтлое сіяющее солнышко все больше и больше свѣтило окружающему люду.

Теперь передамъ какъ сумѣю подробности обращенія моего къ этому пастырю и его спасительные уроки и наставленія.

По окончаніи гимназіи я усиленно занялась свѣтской литературой. Прочитавъ многое изъ лучшей романической беллетристики я погрузилась въ философію, начала углубляться въ тяжелыя теоріи Дарвина, Канта, Боля и другихъ.

Я не понимала тогда, что предаваясь подобному чтению, я больше и больше удалялась от Бога; я не понимала, что все их суматанные антихристіанскія идеи, имѣвшія цѣлью якобы расширить кругозоръ человѣка—могли быть лишь гибельными для моей молодой еще неустановившейся мыслительной дѣятельности.

Плохо укладывая обиліе начитаннаго матеріала, голова моя буквально путалась въ хаосѣ разнообразныхъ идей и мыслей и представляла изъ себя жалкую сырую камеру, куда безъ разбора стали сваливать всевозможный соръ и мусоръ.

О внутреннемъ, истинномъ духовномъ свѣтѣ въ этомъ хаосѣ и помину не было; изъ меня все болѣе и болѣе получался холодный истуканъ, вертѣвшійся только среди интересовъ обыденной жизни, совсѣмъ чуждый духовнаго мышленія, духовной зоркости.

Не знаю, что бы дальше было со мной, если бы спасительная десница Божія не указала мнѣ иной путь, иные радости, иные интересы. Одна изъ моихъ подругъ по гимназіи, какъ-то случайно сказала мнѣ, что въ Кремлѣ, въ церкви «Нечаянной Радости», есть очень хорошій священникъ и что многіе ходятъ къ нему. Это было сказано вскользь мимоходомъ, но, видимо, Самому Господу угодно было спасти погибающую душу; мнѣ вдругъ сразу захотѣлось пойти въ указанную церковь—получить благословеніе отъ батюшки. И что же! Вскорѣ же я отправилась туда. Но первое впечатлѣніе было какое-то странное непонятное: я увидела обыкновеннаго священника среднихъ лѣтъ и только. По примѣру прочихъ, я по окончаніи всенощной подошла къ нему подѣ благословеніе и, такъ какъ мнѣ въ то время предлагали поѣхать въ отъѣздъ на урокъ, то я сразу же обратилась къ нему за совѣтомъ: «Батюшка благословите меня поѣхать на мѣсто».

«Я васъ въ первый разъ вижу. Что я вамъ могу сказать?»— послышались строгія отрывистыя слова, которыя все-таки невольно поразили меня, показавъ мнѣ сколь зорокъ былъ пастьеръ, который среди своихъ многочисленныхъ богомольцевъ могъ сразу замѣтить лицо вновь пришедшее къ нему. Но чѣмъ

дальше, тѣмъ больше и больше чувствовала я къ нему благоговѣйный страхъ и трепеть.

Прежде индифферентная къ храму Божьему я теперь стала стремиться къ нему, что-то неудержимо тянуло меня,—видимо благодать сразу коснулась моей онѣмѣвшей, застывшей души.

Ледяной покровъ скуки и томленія быстро сталъ таять отъ благотворныхъ лучей пастырской благодати; искра Божія, совсѣмъ ужъ почти задутая вѣянiемъ книжныхъ идей и разсужденiй, вновь вспыхнула, сразу обдавъ все существо тепломъ и счастиемъ. Точно вновь возродился человѣкъ, точно спала съ глазъ его мучительная тяжкая повязка, и онъ жизнерадостно сталъ восторгаться красотами окружающаго міра. О какое чудное, полное счастливое было тогда состояніе души! Какое обиліе и полнота чувствъ и желанiй! Прекрасный Божiй міръ во всей его чистой привлекательной красѣ начиналъ представать передъ умственнымъ взоромъ, глубоко поражая своей красотой и цѣлесообразностью.

Сердце усиленно забилось, порывалось любить, любить, жить, дышать и дѣйствовать. Уже не томительные однообразные дни и часы давили своей монотонностью, но живая кипучая жизнь, трудъ и дѣятельность—широко раскрывали мнѣ свои объятія и радостно призывали къ себѣ.

Я вдругъ сразу точно проснулась отъ тяжкаго усыпленія. Я вдругъ ясно осмысленно увидала свою бездѣятельность, очерствѣлость и ужаснулась ей, меня сразу поразило, какъ это я могла такъ безцѣльно проводить свою молодость, безжалостно прятать свои молодые жизненные силы, когда всюду нужна энергичная живая дѣятельность, когда всюду слышится благiй любящiй призывъ Спасителя къ помощи и обоюдному утѣшенію. «Нагъ былъ, боленъ былъ»—точно молотомъ застучали эти величайшія слова по моей сердечной наковальнѣ, призывая къ широкому, неутомимому труду.

Но неопытная, слабая, ничтожная, только появившаяся на дѣятельномъ жизненномъ поприщѣ я, при такомъ, вновь нахлы-

нувшимъ на меня обиліи новыхъ радостныхъ духовныхъ, святыхъ чувствъ и стремленій не умѣла ни ступить, ни дѣйствовать.—И вотъ благодатный великій пастырь, принявъ меня подъ свою спасительную охрану, началъ меня, какъ глухого несмысленнаго ребенка, учить первымъ шагамъ.

Онъ понималъ, что дикую очерствѣлую натуру мою надо прежде всего согрѣть лаской и привѣтомъ, надо любовью и нѣжностью растопить ея ледяную оболочку, дать правильную вибрацію ея мыслямъ и чувствамъ.

Великій знатокъ человѣческаго сердца, осѣненный высшей небесной благодатью, онъ понималъ, что молодая дѣвушка, до 18 лѣтъ не знавшая ни ласки, ни любви, вся пропитанная мнимонаучными антихристіанскими теоріями—духовно захирѣла, одичала—а потому была поистинѣ несчастна.

Я захирѣла, какъ молодое увядающее растеніе, посаженное на сухой бесплодной почвѣ, лишенное свѣта и благотворнаго тепла, растеніе, много лѣтъ тщетно протягивавшее свои засыхающіе корешки и инстинктивно жаждавшее благотворнаго спасительнаго вѣтерка и влаги.

Батюшка понималъ, что только постепеннымъ терпѣливымъ умѣлымъ уходомъ можно напитать и оплодотворить увядающіе ростки, онъ понималъ, что такую бѣдную скудную душу надо очень осторожно подводить къ свѣту и благодати, такъ какъ она совсѣмъ замерла въ своихъ лучшихъ благородныхъ порывахъ.

И, вотъ, какъ любящій, благодатный пастырь—отецъ онъ старался прежде всего пріучить меня къ себѣ, чтобы я съ полнымъ довѣріемъ принимала его совѣты и указанія; только при полной любви и преданности можно рассчитывать на терпѣніе и послушаніе, только глубоко-преданную, любящую душу можно удачно ковать и шлифовать, можно успѣшно вырывать изъ нея сорные ненужные плевелы, насаждать сѣмена добра и истины.

Въ Великій Четвергъ, послѣ всенощной онъ впервые обратился ко мнѣ ласково и отечески—заботливо: «испостилась, дѣвочка, блѣдненькая какая стала». Кажется, простыя эти слова,

но они были сказаны съ такой лаской и заботой, они прозвучали для меня такъ отечески-любяще.—что наполнили мою душу не-сказаннымъ счастиемъ и радостью; что-то дорогое необъяснимо-великое получила моя душа и глубоко возрадовалась.

Эти слова были сказаны съ такой неземной всеобъемлющей добротой и любовью, что сразу же пробудили во мнѣ могучую, радостную тревогу; началось мое нравственное возрожденіе. Лишенная ласки родителей; (они какъ то своеобразно любили меня и никогда не ласкали) дикая, непривѣтливая, необщительная я буквально вся озарилась волнами небывалаго новаго чувства. Пастырь, къ которому рвалось и стремилось столько народу, благословеніемъ котораго такъ все дорожили—вдругъ самъ обратился ко мнѣ, самъ поласкалъ меня—это было такое небывалое новое ощущеніе, такое обиліе радости и возрожденія—что и передать невозможно.

Благодать праведника настолько была велика и плодотворна, что она сразу же возродила меня къ иной новой жизни. Не шла, а летѣла я домой. Тѣ же дома, тѣ же улицы, та же простая неприхотливая обстановка жилища, но все представлялось въ иномъ новомъ лучшемъ видѣ. Нѣсколько дней я не помнила себя отъ радости. Такъ какъ мнѣ предлагали выгодное хорошее мѣсто въ отъѣздѣ, то я рѣшилась опять обратиться за совѣтомъ къ батюшкѣ и добиться отъ него указанія.

13 Мая 1891 года я пошла къ обѣднѣ, простояла всю службу и молебень и подошла опять съ тѣми же словами: «Батюшка! можно мнѣ поѣхать на мѣсто»? Вдругъ батюшка взялъ меня за руку выше локтя и вмѣсто отвѣта высказалъ мнѣ великія знаменательныя слова: «Мѣсто, мѣсто, посадили цвѣточекъ въ горшочекъ, ухаживали за нимъ, поливали его и, вотъ, появились наконецъ первые листочки; смотрите, крѣпко берегите свои молодые листочки; пока еще поправить можно, а послѣ и поправить нельзя будетъ».

Эти слова были сказаны дивно и знаменательно; точно они лились откуда-то свысока благодатными чарующими звуками.

Это не былъ простой голосъ смертнаго человѣка, это былъ пророческій гласъ, назиданіе небснаго посланника; точно весь въ сіяніи предсталъ передо мной пастырь съ лучистыми сіяющими, благодатными глазами, глаза эти жгли все мое существо, какъ бы хотѣли разомъ спалить все дурное, грѣшное, маловѣвѣрующее. «Бѣдная, бездольная несчастная сиротка»,—говорили они мнѣ, «какъ я жалѣю тебя, скорблю о тебѣ, развѣ можно такъ глухо безцѣльно жить, не зная Бога, вдали отъ Его свѣта и блаженства? развѣ можно не любить Его, не стремиться къ Нему, когда въ Немъ Единомъ вся наша радость и счастье, когда все кругомъ обито Его благостью и любовью? Познай же Его, возлюби Его, и Онъ всецѣло утѣшитъ и насладитъ тебя Своимъ Свѣтомъ и сіяніемъ».

И вотъ бѣдная духовная сиротинка долго не могла придти въ себя отъ неописуемаго блаженнаго состоянія.

Глубоко умилившись сердцемъ, я пошла домой. Но то уже былъ не прежній безчувственный автоматъ, а почти живой человѣкъ, съ новымъ взглядомъ на жизнь, на свою дѣятельность, назначеніе.

Зная, какая моею бѣдной головѣ предстояла великая борьба и испытаніе, дивный пастырь своими знаменательными словами заранѣе подготовлялъ меня къ твердой ревностной оборонѣ, онъ старался обезопасить фундаментъ моей вѣры, предупредивъ меня: «смотрите крѣпко берегите свои молодые листочки». Да, моимъ слабымъ духовнымъ силамъ готовилась великая неизбѣжная гибель и, вотъ, милосердый Господь пожалѣлъ бѣдную слабую овечку, пославъ ей благодатнаго наставника, и тѣмъ спасъ ее отъ хищныхъ волковъ. Кто бы могъ подумать, что отираваясь въ качествѣ учительницы въ хорошо рекомендованную семью, я попаду подъ молніеносныя стрѣлы самаго ужаснаго, самаго яраго атеизма?

Что предстояло бы мнѣ, если бы не мудрыя благодатныя слова пастыря, которыми я радостно вооружилась и которыя единственно послужили мнѣ спасительной охраной и крѣпостью.

Спросивши у бабушки совѣта поѣхать на мѣсто и получивъ его глубоконазидательное наставленіе, я, еще малоопытная въ его мудромъ духовномъ водительство, побоялась безпокоить бабушку вторичнымъ вопросомъ, а потому приѣдя черезъ нѣсколько дней послѣ того въ храмъ, я молча получила его благословеніе и, согласно желанію родителей, поѣхала въ Ярославскую губернію, въ одно семейство, куда въ качествѣ учительницы рекомендовала меня одна моя родственница.

Жутко было пускаться одной въ такой дальній незнакомый путь со многими пересадками!

Къ несчастію поѣздъ изъ Москвы въ Ярославль опоздалъ на 2 часа; я не успѣла во время явиться къ отплытію парохода, такъ что предстояло 2 дня пробывать въ Ярославлѣ, что не согласовалось съ намѣченной программой моего путешествія, такъ какъ денегъ было взято только на поѣздъ. Какъ быть, гдѣ провести 2 томительные дня? Ни родныхъ, ни знакомыхъ!.. не будешь же ночевать на улицѣ! Ужасное положеніе! Но для промысла Божія нѣтъ препятствій!

Со мной разговорила одна женщина; (послѣ оказалось, она была гадалка). Женщина уговаривала меня взять съ ней вмѣстѣ номеръ и перевезти туда мой чемоданъ, который оставался на пристани. Я съ радостью ухватилась за это предложеніе; мы съ ней пошли вмѣстѣ пить чай, который она сама засыпала, но Господь чудесно спасъ меня отъ этого знакомства.

Страшно подумать, что у ней было на умѣ, и что бы она продѣлала со мной, когда бы мы вмѣстѣ очутились въ одномъ номерѣ!

Вотъ какъ опасно одной, неопытной, молодой дѣвушкѣ пускаться въ далекій путь. Послѣ чая мы пошли съ ней искать подходящій номеръ; вдругъ она стала заманивать меня какими-то таинственными предсказаніями: что меня въ будущемъ ожидаетъ великое счастье, богатый женихъ и еще что-то такое; эти нелѣпныя слова такъ испугали меня и въ такомъ ужасномъ видѣ обрисовали мою новую знакомку, что я вдругъ круто повернула на-

зѣдъ и, не помня себя, бросилась бѣжать отъ нея. Она побѣжала за мной, видя, что отъ нея ускользаетъ намѣченная жертва. Къ счастью кто-то встрѣтился съ ней, заговорилъ, и она упустила меня изъ виду; я же побѣжала на пристань и забилась въ дальній уголокъ; сердце мучительно стучало. Что дѣлать!

Долго просидѣла я въ засадѣ; наконецъ, мало-по-малу, стала выглядывать на свѣтъ Божій и, не видя больше этой ужасной женщины, рѣшилась искать ночлега.

Видя мою несмѣлую, боязливую поступь, какая то нищенка, попросивъ у меня милостыни разговорилась со мной, сказала, что недалеко живетъ ея знакомая портниха, которая пускаетъ ночевать приличныхъ одинокихъ особъ и повела меня къ ней.

Портниха подозрительно посмотрѣла на меня, но, видя меня истомленной и удрученной, быстро смягчилась и, накормивъ меня, предложила свою мягкую постель. Утомившись пережитыми волненіями я долго не могла лечь, испуганно посматривая кругомъ и не вѣря еще, что попала въ безопасный, спокойный уголокъ. Но каково было мое горе и отчаяніе, когда, спохватившись, я не нашла на шеѣ образка—маминаго благословенія, который она сама надѣла на меня на дальнюю дорогу—это были слѣды моего знакомства съ ужасной гадалкой: толстый новый шнурокъ, прочно надѣтый на шею, какимъ то образомъ оборвался и серебряно-вызолоченный довольно крупный образокъ Сергія Преподобнаго пропалъ безслѣдно—видимо ужасная ворожея какъ-нибудь постаралась лишить меня святыни, чтобы удобнѣе распорядиться моею особой.

Узнавъ о такой дорогой пронажѣ, я въ ужасѣ заметалась по комнатѣ, ища свой драгоценный образокъ, свою святыню, свою охрану и порывистыми поисками сильно перепугала портниху, которая, глубоко сочувствуя моему великому горю, долго успокаивала меня, такъ какъ я горько неудержимо плакала и рыдала.

Этотъ случай сильно растревожилъ меня, онъ былъ плохимъ предзнаменованіемъ, онъ показалъ моей неопытной головѣ, только

что вступившей на поле житейской борьбы, среди какихъ опасностей ей придется жить и вращаться, какъ я мала и ничтожна сама по себѣ и какъ близка къ погибели.

Надѣвъ на шею имѣвшійся у меня въ запасѣ другой образокъ, я немножко какъ бы очнулася отъ нервнаго потрясенія и съ великимъ страхомъ и безпокойствомъ провела ночь, все еще подъ дѣйствіемъ какой-то томительной силы.

На другой день портниха всячески ласкала меня, какъ родную, стараясь успокоить. Ея нѣжная отзывчивость къ совершенно незнакомой ей дѣвушкѣ показала мнѣ, сколько есть на свѣтѣ прекрасныхъ скрытыхъ жемчужинокъ, которыя тихо, незамѣтно свѣтятся среди грубыхъ острыхъ камней житейской зачерствѣлости.

Прекрасно провела я у нея 2 дня; она работала, я что-то читала; потомъ она проводила меня на пристань и любяще даже предложила денегъ взаймы, такъ какъ дѣйствительно, при непредвидѣнныхъ расходахъ, мнѣ не хватало на билетъ, усадила меня на пароходъ, и я покатила въ имѣніе. Хозяева меня встрѣтили очень радушно, ибо были извѣщены о моемъ скоромъ приѣздѣ, поахали надъ моими приключеніями, но то было можно сказать еще цвѣточки, пришлось познакомиться и съ горькимъ вкусомъ ягодокъ.

Попала я въ домъ къ атеистамъ; можете судить, какова была моя жизнь! Еще сама еле оперившаяся, я должна была вступить на воинственный тяжкій подвигъ.

Сколько деликатныхъ намековъ и насмѣшекъ приходилось мнѣ выслушивать по поводу моего обособленнаго религіознаго настроенія! Сколько тонкихъ ядовитыхъ стрѣлъ пущено было въ меня съ намѣреніемъ наставить меня въ духѣ излюбленнаго имъ либерализма. Всевозможныя антирелигіозныя сочиненія выбирались главою семьи, съ цѣлью исправить мою якобы отсталость и извращенность—и вотъ по вечерамъ устраивались долгія изнурительныя чтенія, на которыхъ просили меня обязательно присутствовать.

О, какія ужасныя были это чтенія!!

Самыя рѣзкія антихристіанскія теоріи, доводы, доказательства, самыя мерзкія вольнодумныя идеи о началѣ мірозданія, самыя глушѣйшія объясненія міровыхъ законовъ движенія свѣтлль, бытія живыхъ созданій—ужасали мой слухъ! Какъ осужденная на духовную смерть слушательница, я должна была сидѣть и выслушивать это «чтеніе», рѣзко и быстро отталкивая отъ себя налѣпляющуюся на меня ядовитую саранчу.

При такихъ ужасныхъ сеансахъ молодой неопытной дѣвушкѣ трудно было устоять на принципахъ вѣры и истины, и, если бы не слова дорогого батюшки: «крѣпко берегите свои молодые листочки», слова, постоянно сіявшія мнѣ и подкрѣплявшія меня въ неравной изнурительной борьбѣ—то я пожалуй бы увеличила собой число духовно-заблудшихъ овецъ на радость и торжество злобнаго искушителя.

Святой храмъ былъ отъ имѣнія за 6 верстъ; приходилось ходить пѣшкомъ, такъ какъ изъ семьи никто не ѣздилъ; меня тоже старались отучить отъ подобнаго непризнаемаго ими «хожденія». Постъ, не соблюдаемый никѣмъ, заставлялъ меня тоже выдѣляться и быть у всѣхъ бѣльмомъ на глазу. «Крѣпко берегите свои молодые листочки»—какъ громовая труба Страшнаго Суда постоянно звучало у меня въ ушахъ и, осмѣянная, приниженная, «притча во языцѣхъ», я твердо стояла на своемъ камнѣ духовнаго дѣланія и горячо молила Господа простить окружающимъ людямъ ихъ заблужденія, просвѣтить ихъ помраченные умы свѣтомъ Своей божественной благодати.

Бѣдныя дѣтки, что получали они отъ такихъ родителей! Что созидалось въ ихъ смутныхъ маленькихъ головкахъ; мерзкій червь невѣрія ужъ сталъ подтачивать ихъ маленькій умишко, хотя восьмилѣтняя дѣвочка—серьезная и добрая, какъ бы вопреки окружающему хаосу, носила въ себѣ еще нѣкоторые задатки религіозности, инстинктивно искала чего то высшаго, не удовлетворяясь окружающимъ лжеученіемъ. Но мать, какъ ярая

орлица, не выпускала свое дитя изъ гнѣзда и не давала ему наслаждаться лучами свѣта Божьяго.

Видя во мнѣ нежелательное для нея настроеніе, она не позволяла мнѣ воспитывать ея дѣтей, такъ что, помимо уроковъ, я была совершенно свободна; не имѣя настоящаго дѣла, завела я школу—собирала деревенскихъ дѣтей и занималась съ ними.

Поистинѣ это было для меня большимъ развлеченіемъ, такъ какъ въ обществѣ дѣтей я освобождалась отъ тяжелыхъ нравственныхъ толчковъ и колкостей. Эта же школа, такъ называемая школа грамоты, сдѣлалась для меня якоремъ спасенія: прежнее предубѣжденіе и непріязненное отношеніе ко мнѣ исчезло.

Это мое дѣло, чуждое матеріальной расчетливости, значительно расположило въ мою пользу моихъ хозяевъ; сами добрые и отзывчивые къ нуждамъ другихъ, они всячески стали способствовать прочному устройству этой школы.

Какъ мнѣ пришлось узнать впоследствии мое дѣло не рухнуло безслѣдно, но положило основаніе обширному училищу вполне узаконенному правами и обеспеченному средствами.

Осмѣянная, приниженная я сразу получила санъ порядочной особы. Постныя, скоромныя кушанья съ великой предупредительностью стали готовиться по моему вкусу и желанію.

Лошади для ѣзды въ храмъ всегда были къ моимъ услугамъ; даже отпускала съ мной восьмилѣтняя ученица—это было особенное небывалое довѣріе.

Мнѣ, застѣнчивой отъ природы, было очень неловко принимать эти знаки особаго благоволенія; по правдѣ сказать, я очень тяготилась всѣмъ этимъ, такъ какъ на эту лужайку пришлось перейти черезъ мостъ ужасной духовной пытки.

Моихъ религіозныхъ воззрѣній больше не касались и осторожно обходили ихъ, какъ бы жалѣя меня и каясь въ нанесенныхъ мнѣ обидахъ.

Дѣвочка воспримчивая и способная, быстро успѣвала, уроки музыки шли очень успѣшно; въ то же время школа росла и крѣпла.

Крестьяне съ великой радостью присылали дѣтей, такъ какъ въ окружности не было училищъ.

Кажется, жить бы да жить мнѣ на такомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе что я искренно полюбила дѣтей, но духъ окружающихъ людей, чуждыхъ вѣры и любви ко Господу, такъ былъ тяжелъ и мучителенъ для меня, что я рѣшилась написать мамѣ, попросить ее сходить въ церковь къ батюшкѣ и спросить его: позволить ли онъ мнѣ оставить это мѣсто, которое давило меня своимъ ужаснымъ антихристіанскимъ гнетомъ.

Батюшка—истинная доброта и отзывчивость пожалѣлъ меня, неопытную глупую овечку, очутившуюся среди грозныхъ волковъ и позволилъ мнѣ приѣхать въ Москву.

Съ тяжелымъ чувствомъ недобросовѣстности пришлось мнѣ «повиниться» своимъ хозяйевамъ, что я намѣрена покинуть ихъ гостепріимный кровъ и, притомъ, въ то время, когда они старались предоставить мнѣ всѣ удобства, чтобы загладить свою прежнюю нелюбезность.

Я сослалась на болѣзненность мамы на ея тоску въ моемъ отсутствіи и тѣмъ старалась объяснить мой непонятный для нихъ отъѣздъ.

Они уговаривали меня пробыть хотя годъ, обѣщаясь совсѣмъ не трогать моихъ религіозныхъ воззрѣній, объясняя этимъ мой непонятный отъѣздъ, но я твердо стояла на своемъ.

Тогда они стали упрашивать меня остаться до Рождества, (это было въ началѣ Декабря), пока они найдутъ подходящую особу, чтобы я сама съ рукъ на руки передала ей начатое двойное дѣло; конечно я согласилась, понимая, что невозможно же бросить все какъ попало, написала мамѣ о своемъ рѣшеніи немного отсрочить приѣздъ въ Москву. Вдругъ въ Николинъ день получаю телеграмму: «опасно больна, приѣзжай скорѣй». Грономъ поразила меня такая вѣсть. Конечно сейчасъ же я собралась. Былъ трескучій морозъ. Сама хозяйка отправила меня провожать меня 60 верстъ на лошадахъ, завернула меня въ свой мѣховый тулупъ, надѣла теплыя валенки и повезла на станцію. Пріятно было

ѣхать, только немного лицо пощипывало; быстро доѣхали мы до станціи. Прощаясь, она крѣпко цѣловала меня, говорила, что всѣмъ мы сошлись съ ней, кромѣ релігіозныхъ воззрѣній, что однакоже не мѣшаетъ намъ остаться искренними друзьями; впоследствии, нѣсколько разъ пріѣзжая въ Москву, она вызывала меня и дружески бесѣдовала со мной, сообщая о своихъ дѣтяхъ и школѣ.

Очувившись въ вагонѣ и разставшись съ любезной хозяйкой, я вздохнула свободнѣе, какъ бы сбросивъ съ себя ужасную непосильную тяжесть.

О пагубное невѣріе! Какъ мучишь ты, какъ губишь людей своимъ адскимъ тлетворнымъ дыханіемъ, какъ тяжело, нестерпимо тяжело жить въ твоемъ губительномъ смрадѣ! Если и здѣсь такъ люто приходится отъ тебя, то каково же будетъ тамъ въ мѣстѣ воплей и мученій! Несчастныя жертвы свои ты опутало крѣпкими тенетами, осквернило своей тяжелой заразой. До того ослѣплены онѣ, что бѣгутъ отъ свѣта и какъ стадо безмысленныхъ барановъ стремительно мчатся къ ужасной безднѣ.

Продолжаю описывать свою исторію. Какъ легко, какъ отраднo было на душѣ, когда я катила домой! Странныя слова телеграммы нѣсколько безпокоили меня, но я начала останавливаться на мысли, что это не что иное какъ придуманный мамой ловкій маневръ поскорѣе вызвать свою дочку въ Москву. И я оказалась права. Выхожу на Московскій вокзалъ и вижу сіяющую маму, вполне довольную придуманной уловкой.

Нацѣловавшись и вдоволь наговорившись послѣ 7-мѣсячной разлуки, мы пріѣхали домой; папа тоже очень радостно меня встрѣтилъ. Оказалось что я пріѣхала 8 декабря ко дню празднованія Пречистому Образу Божьей Матери «Нечаянная Радость» въ храмѣ, гдѣ находилась эта святая икона и служилъ батюшка. Робкая и несмѣлая отъ природы, я больше дѣйствовала через мою маму которая исходатайствовала мнѣ свободный доступъ къ батюшкѣ; она возвѣстила батюшкѣ, что ея дочка, жившая у

невѣрующихъ, пріѣхала въ Москву и просить принять подъ его милостивое покровительство.

«Пускай придетъ въ церковь, я поговорю съ ней»—вотъ что отвѣтилъ батюшка. Я была на верху счастья. Великій пастырь позволилъ мнѣ подойти къ нему, онъ будетъ со мной разговаривать—я не знала какъ дожидаться службы.

Наконецъ наступила суббота; я пошла съ замираніемъ сердца ко всенощной, подхожу къ Святому Евангелію и говорю батюшкѣ о его милостивомъ позволеніи подойти къ нему.

«Хорошо»,—ласково обратился ко мнѣ пастырь, «послѣ всенощной подойдите къ Южнымъ дверямъ, я поговорю съ вами». Охъ, какъ страшно было, жутко на душѣ. Говорить съ человѣкомъ, который сіялъ мнѣ неземнымъ велѣніемъ, мнѣ такой грѣшной ничтожной, говорить съ такимъ недосыгаемымъ пастыремъ, который всѣ 7 мѣсяцевъ былъ единственной моей отрадой и поддержкой, человѣкомъ, слова котораго были для меня спасительнымъ маякомъ среди бурныхъ пагубныхъ волнъ невѣрія! Какъ я подойду, что буду говорить! Между тѣмъ служба кончилась; я стою въ сторонкѣ и не смѣю подойти. Тогда батюшка—само милосердіе и состраданіе, вышелъ изъ Южныхъ дверей алтаря и сказалъ: «тутъ кто-то хотѣлъ поговорить со мной; кому-то я нуженъ».

Я выступила впередъ и подошла. Батюшка долго разговаривалъ со мной, расспрашивалъ гдѣ я кончила, чѣмъ хочу заняться и въ заключеніе сказалъ: «напишите записочки и завтра передайте мнѣ, по какимъ предметамъ вы хотѣли бы заниматься; у меня много знакомыхъ, я попрошу для васъ уроковъ».

Это было начало моего знакомства съ великимъ пастыремъ. Бѣдная, недостойная дѣвушка явилась обладательницей несказаннаго счастья—получила отъ Господа духовнаго руководителя и попечителя, который почти 20 лѣтъ изо дня въ день до самой своей кончины тщательнo охранялъ плохенькое благодарное растеньице.

Да, страшно подумать, сколько заботъ, сколько трудовъ я,

малое ничтожное созданіе, принесла дорогому попечителю—батьюшкѣ! Сколько уроковъ давалъ онъ мнѣ все время! Сколько безпокойства и тревоги принесла я ему своей своевольной упрямой натурой своими ошибочными скачками!.. Но все терпѣлъ, все прощалъ дорогой милостивецъ и снисходительно извинялъ мнѣ, слыша частыя на меня жалобы и неудовольство. Жалко ему было отвергнуть меня, такъ какъ онъ зналъ, что при своемъ недостоинствѣ и своей грѣховности я погибла бы безъ его спасительнаго руководства.

Охъ, тяжело мнѣ будетъ на Страшномъ Судницѣ Христовомъ, какой отвѣтъ принесу я въ своихъ беззаконіяхъ. Тогда скажетъ Господь: Я все предоставилъ тебѣ, предоставилъ тебѣ великаго пастыря,—дорогое неоцѣненное сокровище, а ты воспользовалась ли его ученіемъ? его заботами? ты измучила его своими грѣхами, ты утрудила его своими неправдами, презрѣнная раба, твое мѣсто во мракѣ и мученіяхъ. Иди и получай заслуженное. Но что это? Кто это такъ умоляетъ Господа помиловать меня?! Кто это пресвѣтлый, лучезарный, который говоритъ: Господи, прости ей, я почти 20 лѣтъ трудился надъ ней, она грѣшная, недостойная, но я свидѣтель, что она вѣруеть въ Тебя, любитъ Тебя, что она стремилась къ Тебѣ своимъ слабымъ, горько-плачущимъ и глубоко-сокрушеннымъ существомъ. Нѣтъ у ней добрыхъ дѣлъ, но есть искреннее сознаніе своей грѣховности, своего недостоинства, а вѣдь Ты Самъ обѣщаль; «блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть Царствіе небесное». Твои слова—непреложная истина а потому помилуй ее». И что же! Милосердый Господь съ любовью взирая на своего праведника, преклоняется на милость.

Вернусь къ тому времени, когда я только что поступила подъ водительство батьюшки.

Небольшой храмъ «Нечаянной Радости» около Спасскихъ воротъ, подъ горкой, былъ истинно для меня земнымъ раемъ. Сколько блаженныхъ часовъ провела я тамъ, наслаждаясь лучезарнымъ богослуженіемъ батьюшки: онъ служилъ безъ діакона—

литургій, вечерни, всенощныя. Обѣдни были продолжительныя съ молебнами и панихидами.

Передъ Чудотворнымъ Образомъ Царицы Небесной «Нечаянная Радость» читалъ батюшка акаѳистъ, и умиленные, полныя любви и состраданія къ людямъ—слова этого акаѳиста вызывали невольно у всѣхъ слезы покаянія и чистосердечнаго сокрушенія въ своей грѣховной жизни, немощи и заблужденіяхъ. Нѣтъ словъ передать и изобразить то благоговѣйное настроеніе, которое охватывало все существо человѣка дивной силой и мощью батюшкинаго служенія. Его тонкій, точно ангельскій голосъ проникалъ въ самую глубину души, опаляя спасительнымъ огнемъ всю нечистоту грѣховныхъ стремленій, желаній, и чувствованій.

А глаза, это были неземные глаза, цѣлые потоки живительнаго свѣта лились изъ нихъ, озаряя всѣхъ тепломъ и благодатью. И куда только ни проникали они! Кажется, всюду проходили они за предѣлы видимости и матеріи. И внѣшнее и внутреннее не ускользало отъ ихъ могучаго взора; иногда, какъ молнія, прожигали они смятенное существо человѣка; и погибающее, измученное, обезсиленное, оно вновь поднималось на высоту христіанскаго добродѣланія.

Бывало стоишь въ церкви, вялая, лѣнивая, безчувственная, вдругъ что то осѣнить тебя—поднимешь голову, а батюшкины лучистые глаза смотрятъ на тебя съ такимъ жалостливымъ укоромъ, что невольно вся воспаляешься; горячая молитва охватываетъ всю душу...

Пошатнись въ чемънибудь, омрачи только чистоту душевнаго добросѣянія, батюшка тутъ какъ тутъ!—строгимъ неусыпнымъ стражемъ слѣдитъ за всѣмъ.

Вотъ его собранное стадо, вотъ его плохенькія но вѣрныя овечки!.. Смотрите, какъ ходитъ онъ, вразумляетъ онъ эту, при ея богатствѣ и очерствѣлости, смотрите, какъ ласкается онъ и нѣжить—ту при ея скорбяхъ и горестяхъ. Завистливецъ, лжець—посрамлень, приниженъ; скупость, лихоимство—осуждено, затоптано; злость, безсердечіе—вырвано, уничтожено. Духовная гор-

дось—помощница губителя дьявола разобрана во всѣхъ своихъ видахъ и какъ самое ужасное ярмо человѣческой грѣховности, разломана и выброшена далеко за предѣлы духовной ограды пастырскихъ пажитей. Не сразу, принимая къ себѣ, подъ свое пастырское руководство, батюшка налагалъ годичный и болѣе продолжительный срокъ искуса желающимъ вступить въ его духовное стадо. Иного совсѣмъ не благословлялъ по году и больше, испытывая какъ онъ отнесется къ такому трудному терѣнію, другого по годамъ не допускалъ къ себѣ на исповѣдь; иного, принявъ и надѣливъ великимъ богатствомъ своихъ щедротъ и милостей, вдругъ отвергалъ и далеко отбрасывалъ (на время) за предѣлы своего пастырскаго руководства. Поступая такъ и якобы отвергая горемычныхъ, батюшка въ то же время зорко слѣдилъ за ними.

Въ гнѣвѣ и обличеніяхъ онъ былъ истинно великъ: при всей многочисленной толпѣ его голосъ, такой тонкій и нѣжный при богослуженіяхъ, гремѣлъ грозными величественными звуками наказанія и осужденія.

Трепетный, пристыженный въ своихъ недостойныхъ порокахъ и стремленіяхъ человѣкъ, всѣмъ своимъ существомъ принималъ духовную кару разгнѣваннаго пастыря Христова.

«Не смѣйте подходить ко мнѣ, не смѣйте бывать въ этомъ храмѣ»—это было такое ужасное наказаніе для истинно-любящихъ батюшку, что они готовы были все бросить, все побороть въ себѣ, лишь бы получить его милость и благословеніе.

Эти то уроки обличенія и наказанія были настолько спасительны, что сразу вырывали глубокіе многолѣтніе корни самыхъ тяжелыхъ, самыхъ губительныхъ пороковъ.

Пьянство, воровство, ложь, обманъ, лихоимство, злоба—легко излѣчивались такими глубоко-вразумительными уроками.

«Если такъ поступишь, то не смѣй ходить ко мнѣ»—и довольно! соблазнительное желаніе сейчасъ же исчезало, уступая мѣсто полнѣйшей покорности и послушанію.

Меня батюшка почти сразу принялъ къ себѣ, взявъ скоро на

исповѣдь, но зато послѣ такъ долго, такъ томительно испытывалъ меня, испытывалъ такими продолжительными, мучительными наказаніями, что вся моя натура, гордая самолюбивая, надменная, буквально истолклась въ мелкій порошокъ. Полнѣйшее сознаніе своего величайшаго недостатка, своей духовной слабости и безсилія—вотъ послѣдствіе батюшкиной науки.

Вотъ толпа собралась въ церкви, народъ сильно толпится на паперти: ждуть батюшку, задолго еще пришли сюда, чтобы повыгоднѣй размѣститься и получить благословеніе.

Какая разнородная толпа! Рядомъ съ малымъ несмысленнымъ ребенкомъ стоитъ почтенная старость, мысленно побранивая свои непокорныя ноги; тяжело стоитъ ей, плохо слушаются усталыя нездоровыя ноги, но надежда получить благодатное благословеніе преодолеваетъ всякую усталость; вотъ дѣвушки, молоденькія, свѣженькія, о чемъ то оживленно воркующія! Какъ странно ихъ видѣть въ такой ранній часъ утра. Что это онѣ оставили свои мягкія постельки, прервавъ свои сонныя молодыя полныя жизненной услады грезы! Неужели не полѣзлись онѣ изъ какихъ нибудь дальнихъ уголковъ Москвы собраться въ этотъ храмъ, можетъ быть во время вьюги и непогоды? Не устали ли онѣ? Не заболѣли ли онѣ? О нѣтъ—онѣ свѣжесть самаго прекраснаго майскаго утра, онѣ—отрада самой веселой беззаботной жизни. Посмотрите, какъ чисты, какъ духовно прекрасны ихъ личики: не завитыя, не напудренныя—они воплощеніе духовной красоты. И разговоры ихъ—простые христіанскіе, душевные еще больше украшаютъ ихъ и обливаютъ свѣтомъ и радостью.

Послушайте о чемъ онѣ говорятъ—это не тайна, онѣ громко щебечутъ во всеуслышаніе: «батюшка далъ мнѣ образокъ, онъ мнѣ сказалъ то-то, а меня благословилъ и велѣлъ мамѣ передать то-то»—вотъ ихъ невинные рассказы, полные для нихъ жизни и счастья!

А вотъ и мальчики притаились въ уголке—это шалуны и забіяки—но и они смиренно утихаютъ въ ожиданіи чего то болѣе

сильнаго, болѣе возвышеннаго, передъ чѣмъ умолкаютъ всякія ихъ шалости и проказы.

И вотъ вся толпа, торжественная, приготовленная къ чему то неизмѣримо выше стоящему понятій ея обыденнаго житейскаго міровоззрѣнія—стоитъ и ждетъ. Здѣсь и лица, стоящія на пьедесталѣ свѣтской жизни, здѣсь и будущіе умы и знаменности. Все тихо, торжественно. Вдругъ на паперти ближе къ выходу происходитъ движеніе, волненіе. Куда что дѣвалось: ни порядка, ни стройности, ни торжественности.

Батюшка ѣдетъ, батюшка ѣдетъ... и гулъ сотенъ голосовъ, передвиженіе, толкотня, поспѣшность, все завертѣлось, закружилось и слилось въ массу головъ и рукъ. Все рвется и стремится къ одному пункту, къ той величественной фигурѣ, которая однимъ своимъ свѣтлымъ видомъ уже показываетъ, почему всѣ такъ рвутся, такъ стараются подойти къ ней.

«Пустите, пустите»—какъ бы съ нѣкоторой строгостью и угрозой въ голосѣ взываетъ пастырь.

Но развѣ можетъ быть строгъ и грозенъ тотъ, кто разливаетъ повсюду такое счастье, такую благодать! Развѣ эти уста, полныя словъ отрады и милосердія могутъ вѣщать слова обиды и страданія! Нахмурились брови, показались строгія морщинки, но стоитъ только подойти какой нибудь несчастенькой, забитой судьбой и нуждой—горемыкѣ—и опять засіяло лицо пастыря лаской и утѣшеніемъ.

«Дѣточка не скорби, Господь да благословитъ тебя»—и сваливается многолѣтнее бремя заботъ и печалей; ликуетъ христіанская душа, какъ бы провидя будущій блескъ милосердія и велелѣпой славы Божества. «Пустите, молитъ пастырь, мнѣ некогда, надо начинать» и поднимаетъ руки кверху; раздвигается толпа съ тяжелымъ чувствомъ неудовлетворенной жажды; но руки труженическія руки сейчасъ же опускаются и полный жалости къ глубоко опечаленной толпѣ, пастырь опять начинаетъ терпѣливо разсыпать направо и налево свои духовные благодатные дары. Тихо медленно подвигается онъ и при этомъ своимъ шествіемъ къ

алтарю, сколько посѣтъ онъ добрыхъ сѣмянъ, которыя въ послѣдствіи принесутъ исполнѣ желательные всходы, сколько живительныхъ потоковъ ласки и отрады прольетъ онъ въ горькія бездольныя сердца и сдѣлаетъ ихъ надолго поистинѣ счастливыми.

Огненная лава его чудесь и исцѣленій бурнымъ неудержимымъ потокомъ клокотала и изливалась изъ благодатнаго пастырскаго сердца и стремительно бѣжала по всѣмъ направленіямъ, уничтожая грѣхи и пороки, разрушая немощи и болѣзни. Я страшно всегда трепетала передъ батюшкой; думаю, и не я одна, а всѣ, кто понимали его величіе.

Сколько бывало настрадаешься душой, прежде чѣмъ подойдешь къ нему. Это было какое то особенное ощущеніе, ничѣмъ необъяснимое; благоговѣйный страхъ, благоговѣйное поклоненіе, боязнь заслужить его гнѣвъ или немилость, такъ волновала все существо, что слова какихъ нибудь очень серьезныхъ вопросовъ и недоумѣній, уже давно приготовленныя въ умѣ, нѣсколько разъ мысленно правильно повторенныя, никакъ не могли скатиться съ непокорнаго языка, который иногда безсвязно издавалъ какіе то глупые незначительные звуки, и приходилось отходить отъ батюшки, не получивъ нужнаго рѣшенія. Мама моя сначала тоже съ благоговѣніемъ обращалась къ батюшкѣ, ходила къ нему въ храмъ, нѣсколько разъ пріобщалась у него Святыхъ Таинъ и нисколько не запрещала мнѣ ходить за его службы.

Разъ, помню въ Великую Субботу, подходя къ Кресту, который батюшка давалъ причастникамъ, она съ жалобой на меня обратилась къ батюшкѣ: «батюшка! дочка моя вчера постилась, почти ничего не ѣла; побраните ее». «Гдѣ она?»—спросилъ батюшка. Я подошла къ Кресту, хотя не была причастницей. «На тебѣ, кушай», сказалъ батюшка и подалъ мнѣ 2 просфоры, «а ужь подойди ко мнѣ, я буду исповѣдывать и въ Свѣтлую обѣдню пріобщу». Господи! Что же это! Величайшее несказанное счастье охватило всю меня. На крыльяхъ летѣла я домой; весь день не могла придти въ себя отъ радости. Пріобщаться въ Свѣтлый день, что могло быть блаженнѣй этого. Не знала я, какъ дожидаться вечера.

Пришла я въ церковь, часовъ въ 10, встала около исповѣдальни, батюшка уже исповѣдовалъ. Долго пришлось мнѣ стоять, такъ какъ исповѣдниковъ было очень много. Минуты летѣли, прошелъ часъ, я стояла сзади. Вотъ уже и 12-й часъ, а моя очередь далека, не дойти мнѣ до батюшки, нечего и думать; съ горькой тоской приходилось сознаться, что не мнѣ недостойной быть участницей на Свѣтлой Трапезѣ Христа. Своимъ грѣшнымъ презрѣннымъ существомъ я омрачила бы все приготовленное, очищенное, просвѣтленное собраніе Его истинныхъ чадъ. Смятая, небрачная одежда возбудила бы Его праведный гнѣвъ. Но батюшка и тутъ заступился. Помня великія слова проповѣди Іоанна Златоуста о всепрощающихъ милостяхъ Свѣтлаго Христова Воскресенія онъ захотѣлъ и меня озарить лучезарнымъ свѣтомъ ихъ, дать пережить моей душѣ смятенной и пришибленной всѣми житейскими томленіями—частичку райскаго блаженства.

Кончена исповѣдь. Батюшка идетъ начинать полуночицу, быстро проходить онъ среди оставленныхъ несчастливцевъ, вдругъ взоръ его случайно падаетъ на меня.

О, какъ пересказать, что произошло дальше, какъ изобразить переходъ отъ мучительной тоски къ величайшей радости?!

«Пойдемте, я васъ исповѣдую, я вамъ обѣщаль», произнесъ батюшка и, вернувшись, повелъ меня въ исповѣдальню. А дальше что?—Духовное величайшее наслажденіе Свѣтлой утрени, обѣдня, восторженное соединеніе трепещущей души со Христомъ, какъ залогъ возможности получить будущее блаженство и неизреченныя наслажденія.

Какъ ужасенъ, какъ безжалостенъ къ себѣ человѣкъ, если онъ не стремится очищать свою душу покаяніемъ, не жаждетъ таинственнаго соединенія съ Самимъ Господомъ! Что можетъ быть выше и блаженнѣе этого! Принимать Само Пречистое Тѣло и Кровь Спасителя—это предоставлено однимъ людямъ; даже Ангелы лишены этого счастья, и вдругъ самъ человѣкъ иногда по своей слѣпотѣ отказывается отъ этого.

Тѣмъ батюшка и былъ великимъ благодѣтелемъ для всѣхъ

насъ, что заставлялъ проникнуться важностью и необходимостью истиннаго чистосердечнаго раскаянiя, растоплялъ какъ воскъ наши души; вполне сокрушенныя сознаниемъ своего недостойнства, онѣ открывали ему всѣ свои грѣхи и заблужденiя; потомъ очищенныя и обновленныя словами: «прощаю и разрѣшаю», принимали Пречистые Дары съ такой вѣрой, съ такимъ трогательнымъ умилениемъ, что живо ощущали сладость всеблагостнаго завѣта Спасителя: «Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ».

У батюшки было множество исповѣдниковъ, не только въ посты, но даже во дни мясоѣда. Бралъ батюшка часто не по очереди, а кого хотѣлъ. Стоитъ иногда народъ шеренгой, тѣснится, давить другъ друга, стараясь ближе подойти къ батюшкѣ, а батюшка бывало преспокойно отгонить первыхъ или же долго, долго заставить простоять ихъ, давая тѣмъ поучительный урокъ смиренiя. Иногда самыхъ заднихъ батюшка начнетъ вызывать, а переднимъ невольно приходилось посерьезнѣе подумать о своихъ грѣхахъ.

По 17 час. бывало выстаивалъ батюшка въ храмѣ и все исповѣдовалъ. Неустанный пастырь благодатно умѣлъ совмѣстить 2 многотрудныя обязанности: совершать божественную службу и цѣлить духовныхъ чадъ.

Такъ проходили дни, недѣли. Исповѣди были особенныя: батюшка часто не заставлялъ перечислять грѣхи, а многимъ самъ рассказывалъ ихъ: «вотъ то-то ты дѣлалъ, вотъ въ томъ то не исправенъ», и человекъ чистосердечно долженъ былъ сознаться, что онъ къ стыду своему даже забылъ о многихъ грѣхахъ своихъ, а пастырь всѣ напомнилъ ихъ ему.

Батюшка многимъ, въ первый разъ пришедшимъ къ нему на исповѣдь, описывалъ ихъ жизнь съ самаго ихъ дѣтства до настоящаго времени и притомъ такъ вѣрно и подробно, что они въ ослобенiи не могли выговорить ни слова, пораженные такимъ дивнымъ провидѣниемъ пастыря.

«Я знаю день твоего рожденiя и день твоей кончины», вотъ

что возвѣщалъ нѣмымъ батюшка на исповѣди, а потому имъ съ величайшимъ благоговѣніемъ оставалось только упасть къ его ногамъ и горячо, горячо умолять его не оставить своей пастырской милостью и не изгонять изъ своего духовнаго стада.

«Навѣрно папа твой теперь часто думаетъ: бѣдная моя Нюта, какъ ей тяжело живется»—вотъ что сказалъ мнѣ разъ батюшка на исповѣди. И слово «Нюта», которымъ такъ ласково называлъ меня покойный мой отецъ такъ было неожиданно и знаменательно для меня, такъ напомнило мнѣ дорогое беззаботное дѣтство, что невольно привело мою душу въ умиленіе, слезы и восторженное уваженіе къ прозорливцу пастырю, сразу порвали оболочку грѣховной тяжести, съ нѣмой мольбой о прощеніи и снисхожденіи я поверглась къ стопамъ дорогого пастыря, прикрытая его благодатною эпитрахилью.

Мнѣ думается, какъ онъ радовался такой дарованной ему отъ Самого Господа власти. Какъ онъ старался, возможно больше воспользоваться ею, чтобы взрастить обильную благодатную паству, кажется, мало было ему часовъ дня; если бы можно, онъ и самый день продлилъ бы, лишь бы побольше поисповѣдывать, лишь бы побольше очистить и осчастливить человѣческихъ душъ.

«Се азъ и дѣти мои»—вотъ было его любимымъ девизомъ.

«Никто со мной не погибнетъ»—говорилъ иногда батюшка, и мы твердо вѣруемъ, что вся его страдальческая жизнь, направленная на вразумленіе и спасеніе людей принесла многомилліонную жатву. Такъ возится съ каждымъ человѣкомъ, какъ возился батюшка—едва ли кто сможетъ. Съ самой минуты вступленія къ нему, до самой своей кончины онъ многихъ совсѣмъ не выпускалъ изъ подъ своей пастырской охраны. Постепенно возводя по ступенямъ духовнаго совершенствованія, онъ каждому опредѣлялъ мѣсто и родъ занятій: этихъ устроить на низшія должности, неустанно слѣдя за ихъ благовидностью и степенью старанія; тѣмъ дать нѣныя занятія—педагогика, воспитаніе, заботясь, чтобы устроенные имъ люди оправдывали его довѣріе къ нимъ.

Мнѣ батюшка давалъ много уроковъ: съ утра до поздняго вечера приходилось бывало заниматься. Были уроки и въ богатыхъ семьяхъ; были уроки и безплатные; послѣдніе и больше сама выпрашивала у батюшки, потому что батюшка не любилъ навязывать добро, а радовался добровольному желанію чловѣка быть полезнымъ; любилъ тайное невидное дѣло помощи и состраданія, а не кричащую рекламу показной благотворительности. Мнѣ поручались худенькія хрупкія дѣвочки, съ нѣжнымъ мягкимъ характеромъ послушанія и почтенія. Вручались и забіяки — мальчуганы, своевольные, буйные, необузданные. Насколько были пріятны и легки занятія съ первыми, настолько были тяжелы и непосильны занятія съ послѣдними.

Маленькія дѣтскія головки доставляли мнѣ истинное наслажденіе развѣвать ихъ умъ и способности въ духѣ вѣры и благочестія.

Частое пріобщеніе Святыхъ Таинъ было важнымъ способомъ такого умственнаго развитія; дѣтскій облагодатствованный умъ быстро воспринималъ немудрыя правила начальнаго обученія, озаренный благодатью Св. Причастія. Самыя миленькія, самыя любимыя дѣвочки—которыхъ батюшка всегда такъ согрѣвалъ своей лучезарной лаской, по великой милости пастыря, бывали моими ученицами. Что не смогла я съ ними сдѣлать, батюшка восполнялъ своими молитвами, такъ что я иногда сама поражалась успѣшности такого обученія. Батюшка видѣлъ мое стараніе, мое желаніе приносить посильную пользу, а потому съ своей стороны просилъ Господа освятить дѣтей Божіей благодатью, озарить дѣтскій разумъ и способности.

Но мальчики, непокорные, своевольные были моимъ истиннымъ горемъ.

«Возьми, исправь мнѣ этого-то»,—вотъ что говорилъ иногда дорогой батюшка, передавая мнѣ какого нибудь рѣзкаго шалуна и лѣнтяя.

«Исправь», какъ будто батюшка не зналъ, что сама я своими силами, исправить никого не могла; если и замѣчалось иногда

значительное улучшение поведенія маленькихъ забіякъ, попавшихъ подъ мою несложную опеку, то вѣдь это опять же, благодаря его охранѣ и неусыпному попеченію о своевольной испорченной дѣтворѣ.

И безшабашные мальчики притихали, какъ бы утомившись своими неблаговидными шалостями, спокойно усаживались за «противныя» книги и, вопреки своему задорному характеру оказывались усидчивыми и довольно осмысленными слушателями учительницы.

Часто давалъ мнѣ батюшка мудрые совѣты, указывая, какъ приспособляться къ дѣтской натурѣ, какъ возбуждать и развивать ея воспріимчивость.

«Это ребенокъ живой, впечатлительный; преподаваніе должно быть наглядное, интересное, такъ то и такъ надо заниматься. Это болѣе скрытый, замкнутый характеръ, надо на него дѣйствовать лаской и любовью».—О, дорогой незабвенный пастырѣ! истинно ты былъ для всѣхъ самымъ драгоценнымъ, самымъ любящимъ Ангеломъ-хранителемъ.

Такъ шло дѣло подъ руководствомъ дорогого батюшки. Конечно не обходилось безъ жалобъ на меня, но батюшка, вполне понимая, какъ надо охранять авторитетъ преподавателей, сейчасъ же вступался за меня, сразу гасилъ жалобу, посрамляя и пристыжая доносчиковъ.

Слава моя, какъ порядочной учительницы, не ослабѣвала. Семьи батюшкиныхъ духовныхъ дѣтей съ удовольствіемъ раскрывали мнѣ двери, вполне полагаясь на меня и довѣряя своихъ любимыхъ дѣтокъ въ мое полное распоряженіе.

Первая моя ученица была нѣжная бѣлокудрая Вѣрочка. Худенькая, слабенькая, она своей свѣтлой милой фигуркой вполне напоминала ангелочковъ; робкая и старательная, она видимо побаивалась занятій, такъ что любящая ея мама согласилась сама присутствовать за уроками. Я преподавала ей французскій и нѣмецкій языки и музыку. Дѣло шло хотя медленно, но пріятно. Вполнѣ добросовѣстное отношеніе ея къ занятіямъ расположило

меня въ ея пользу, такъ что этотъ урокъ доставлялъ мнѣ одно удовольствіе, потому что заботливая предупредительность хозяевъ, ширь русскаго хлѣбосольтва черезчуръ баловали меня, давая мнѣ понять, по чьей милости я пользуюсь всеѣмъ этимъ.

«Хорошенько покормите ее, она голодная»,—шутить бывало батюшка, и всевозможныя яства и вкусныя приправы въ изобиліи предлагались мнѣ съ убѣдительноѣйшей просьбой сдѣлать честь этимъ блюдамъ.

Милая, добрая дѣвочка, никогда ничѣмъ не огорчала она меня; вѣжливая, до крайности отзывчивая, она боялась даже тономъ своихъ отвѣтовъ обезпокоить меня, и бѣда, если по какойнибудь случайности, ей не удавалось исполнить заданнаго. Слезамъ и замѣшательству тогда не было конца, мама ея всегда назначалась ходатайницей за нее о прощеніи и помилованіи.

Говорили даже, что она иногда по ночамъ вскакивала, спрашивая, скоро ли я приду, не проспала ли она; и до сихъ поръ не могу безъ умиленія вспоминать о ней. Теперь она уже стала взрослой стройной дѣвушкой, но осталась все такой же нѣжной, отзывчивой, впечатлительной. Выхоленная батюшкиными благодатными ручками она навѣрно прочно устоитъ на камнѣ вѣры и благочестія и тихо, незамѣтно, своей кроткой теплой лаской и добротой будетъ согрѣвать окружающихъ.

Милая дорогая дѣточка—ты была лучшимъ цвѣткомъ среди моихъ многочисленныхъ питомцевъ! Такъ занималась я съ ней нѣсколько лѣтъ, пока батюшка не помѣстилъ меня наставницей одной дѣвочки въ домъ, пребываніе въ которомъ не позволяло мнѣ заниматься посторонними уроками кромѣ нѣкоторыхъ болѣе подходящихъ по времени и разстоянію.

Года шли, одни уроки смѣнялись другими; батюшка, пообѣщавъ мнѣ дать нужныя занятія, черезъ чуръ ужъ баловаль меня.

Семьи, однѣ другихъ деликатнѣе и добрѣе, ласкали и привѣтливо принимали меня къ себѣ; вполне замѣняя мнѣ родныхъ и близкихъ.

Но въ этотъ періодъ моего возраставшаго матеріальнаго обез-

печенія и вполнѣ любимой мною педагогической дѣятельности, иное тяжкое испытаніе съ другой стороны надвинулось на меня.

Мама, которая вначалѣ сама стремилась къ батюшкѣ и чтила его, вдругъ страшной законной грозой разразилась надъ моею якобы ненормальностью, ханжествомъ; молніеносныя стрѣлы ея обидной укоризны летѣли далеко за предѣлы терпѣнія. Точно наученная какой силой, она слишкомъ ошибочно приняла на себя роль героини—матери, самоотверженно спасающей свою дочь. Отъ кого спасать? Отъ чего спасать? Вѣроятно она не давала себѣ отчета въ этомъ! Одно было у ней на умѣ: надо спасти меня во что бы то ни стало, даже путемъ личнаго самопожертвованія.

Бѣдная, дорогая мамочка! Чего это тебѣ стоило! Безъ слезъ не могу вспомнить объ этомъ.

Сколько ненужныхъ душевныхъ мукъ принесла она себѣ, спасая меня отъ сказочнаго призрака—миража!

Началось это столь тяжкое гоненіе съ осени послѣ проведенныхъ нами 2-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ имѣніи у ея дяди.

Собираясь въ дальній путь, я объявила мамѣ, что должна получить батюшкино благословеніе, вполнѣ рассчитывая, что батюшка ничего не будетъ имѣть противъ такой поѣздки и сразу благословить на отъѣздъ. Все уже было приготовлено, собрано и послано письмо съ извѣщеніемъ времени приѣзда для высылки лошадей на станцію.

Однакоже вышло совсѣмъ иначе.

Придя въ воскресенье къ обѣднѣ, я удобно расположилась у дверки выхода изъ алтаря въ исповѣдальню (въ Архангельскомъ Соборѣ), надѣясь по окончаніи обѣдни получить благословеніе отъ пастыря. Вдругъ, сверхъ чаянія батюшка вышелъ въ Сѣверную дверь и быстро направился изъ Собора къ извозчику, который стоялъ на площади въ ожиданіи его.

Ужаснувшись такой непредвидѣнной случайности, я быстро обѣжала Соборъ, съ великимъ дерзновеніемъ вскочила на всемъ ходу лошади—на подножку и всунулась въ закрытую пролетку.

Я до того забылась, что осмѣлилась назойливо тревожить пастыря, (одно мнѣ надо было—получить его благословеніе, такъ какъ я знала, что мама очень заволнуется, если придется отложить предполагаемый отъѣздъ).

Но и опять я не достигла цѣли.

Увидя меня въ такой требовательной позѣ при странномъ вскакиваніи на подножку, батюшка какъ бы съ удивленіемъ и недоумѣніемъ взглянулъ на меня, но вмѣсто того, чтобы поскорѣе перекрестить меня и тѣмъ избавить меня отъ неловкости моей продѣлки, онъ вызывающее смотрѣлъ на меня, какъ бы давая мнѣ понять, чтобы я поскорѣе исчезала по добру—по здорову. Ничего не оставалось, какъ со стыдомъ ретироваться.

Дождь пронизалъ меня насквозь, прюнелевые ботинки настолько промокли, что немилосердно шлепали по грязи. Уныло пошла я домой, не зная какъ успокоить маму. Постоявъ около одного подъѣзда на Воздвиженкѣ, (съ цѣлью переждать дождь), я вдругъ рѣшилась пойти въ часовню Иверской Царицы Небесной, попросить у Нея помощи и заступленія.

Ободренная и утѣшенная усердной молитвой, я бодро пошла домой, приготавливаясь къ серьезной оборонѣ.

Каково же было мое удивленіе, когда мама моя совершенно спокойно рѣшилась отложить поѣздку и дожидаться батюшкинаго благословенія.

Пылкая и нетерпѣливая, она такъ поразила меня такой хладнокровной разсудительностью, что я не иное что видѣла въ этомъ какъ милостивое заступничество Царицы Небесной.

Пришлось дожидаться вечера вторника, когда батюшка долженъ былъ служить всенощную подь праздникъ Казанской Божіей Матери.

Пришла я заранѣе, встала въ сторонкѣ, боясь опять тяжелой неудачи.

Тихо, неспѣшно идетъ пастырь, «сострадавая» направо и налево. Я стою и думаю: теперь объясню батюшкѣ, на что мнѣ нужно было его благословеніе, такъ какъ въ прошлый разъ при

моемъ «атлетическомъ» скачкѣ, мнѣ ничего не удалось высказать ему, кромѣ беззвучныхъ словъ: «батюшка, благословите». Вдругъ батюшка, посмотрѣвъ въ мою сторону, отстраняетъ толпу и, подойдя ко мнѣ, старательно, ласково благословляетъ меня: «вотъ теперь можно ѣхать, теперь благословлю, теперь поѣзжайте». Что такое! Или я ослышалась! Чудесныя слова, слова великой прозорливости забили такую сильную тревогу въ моемъ сердцѣ, что залили все мое существо волнами восторга и духовнаго упоенія.

Батюшка святыня, батюшка все знаетъ—такъ откликнулось мое сердце на такое лучезарное благословеніе; окриленная душа моя мысленно вознеслась къ небесамъ и излила свою благодарность Господу за достиженіе цѣли всѣхъ исканій и стремленій.

Благодатно потрясенная, я всю всюнощную проплакала слезами умиленія, умоляя Господа, чтобы Онъ, давъ мнѣ такое великое счастье, не отнималъ бы его у меня, какъ у грѣшницы, недостойной владѣть имъ; уѣзжая на долгіе дни, я по пріѣздѣ своемъ, могла лишиться «всего» и, какъ потерянная горемычная овечка, не обрѣсти сего славнаго пастыря (который, помилуй Богъ, могъ даже уйти на небо). Читая ровншіяся въ моей головѣ мысли и давая мнѣ цѣловать Крестъ послѣ молебна, батюшка пророчески возвѣстилъ мнѣ: «поѣзжайте, не бойтесь! здѣсь все будетъ цѣло, и будетъ и преизбудетъ».

Чего же мнѣ нужно было еще!

Праведникъ—пастырь, которому я и слова не заикалась о причинѣ своей горести, какъ бы сіяніемъ незаходимаго свѣта, озарилъ всего себя, показавъ свою прозорливость. Получивъ такія неожиданныя щедроты счастья, я прибѣжала домой сіяющая, трепетная.

«Батюшка благословилъ», вскричала я въ порывѣ восторга, чѣмъ, конечно, обрадовала маму, которая сильно томилась такой необъяснимой отсрочкой.

Въ тотъ же вечеръ на позднему поѣздѣ мы отправились въ имѣніе.

На поѣздѣ случайно встрѣтили родныхъ, съ которыми мама бесѣдовала; я же, смотря въ окно и любясь красотами лунной тихой ночи, ощущала такую неземную радость и благодатное спокойствіе духа, что и пересказать невозможно.

Батюшка все знаетъ, батюшка читаетъ мысли, онъ съ нами недостойными, онъ среди насъ—это было такое неслыханное блаженное ощущеніе, о которомъ я прежде и помыслить не смѣла.

Мы пріѣхали въ Мценскъ, откуда намъ предстоялъ путь на лошадахъ. Раздумывая, какъ бы достать хорошихъ лошадей, мы къ величайшему своему удивленію, услышали отъ жандарма, что насъ разыскиваетъ кучеръ, присланный изъ имѣнія Подтарскаго, куда мы именно и направлялись.

Ничего не понимая, мы направляемся къ указанному кучеру, и что же оказывается! Вотъ что повѣдалъ намъ кучеръ.

Посланный во время своимъ господиномъ, какъ было условлено, согласно маминому письму, онъ пріѣхалъ къ одной незначительной рѣчкѣ Скнигѣ, которую переѣзжали всегда въ бродъ и принужденъ былъ увидать крайне непріятное зрѣлище: рѣка, переполненная продолжительными ливнями, разлилась и не позволяла переѣзжать ее. Пришлось кучеру дожидаться ея милостиваго разрѣшенія и промедлить 2 дня, именно тѣ дни, на которые остановилъ насъ батюшка, не давъ своего благословенія.

Наконецъ, рѣка успокоилась, вошла въ свои берега, и кучеръ явился какъ разъ во время къ пріѣхавшему изъ Москвы поѣзду.

Все сдѣлалось такъ чудесно и знаменательно: распорядитель батюшка оказался такимъ чудно-аккуратнымъ указателемъ, что избавилъ отъ лишняго промедленія ту и другую сторону. Какъ можно было на это отвѣтить? самой горячей благодарностью.

Даже мама, еще не проникнутая вполне духовнымъ величіемъ батюшки, и та невольно поразила такому дивному знаменію.

Этотъ случай имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшую мою жизнь; я поставила себѣ за непреложное правило, ни одного дѣла,

ни одного занятія не начинать безъ батюшкинаго благословленія, какъ бы трудно мнѣ ни было получить его.

Помню, какъ иногда бывало, долго приходилось добиваться его, но все-таки добивалась, и что же! получались прекрасные результаты!

Не могу тутъ не упомянуть, нѣкоторыхъ случаевъ, хотя это будетъ небольшимъ отступленіемъ отъ моей послѣдовательности.

Разъ, идя на урокъ по Воздвиженкѣ, я увидала, что къ крыльцу батюшкиной квартиры подана лошадь, значить батюшка поѣдетъ; между тѣмъ надо было спѣшно идти на урокъ. Что тутъ будешь дѣлать. Скрѣпя сердце, приходилось пожертвовать своей аккуратностью, а это было не въ моихъ правилахъ. Но получить отъ батюшки благословеніе—такъ пріятно, что я рѣшила дожидаться его и какънибудь извиниться на урокъ за промедленіе.

Вошла въ крыльцо, жду, а батюшки все нѣтъ. Сердце стучитъ и волнуется. Не уйти ли? Пожалуй еще не скоро выйдетъ батюшка, дожидаться некогда и неудобно. Но что-то удерживаетъ меня и заставляетъ подождать.

Полчаса проходитъ томительнаго ожиданія; совсѣмъ вся разстроенная, смущенная, нетерпѣливая, я переживала борьбу духа и міра; святость привлекала меня и удерживала, а міръ тянулъ требованіемъ аккуратности.

Наконецъ часъ прошелъ; томленіе кончилось—самъ батюшка спускается съ лѣстницы, подходитъ, благословляетъ и все съ меня снимаетъ: и волненіе, и смятеніе. Скорѣе нанявъ извозчика, помчалась я на урокъ, (попался удивительный возница, который быстро докатилъ меня до мѣста); оказалось, что опоздала, только на 20 минутъ, бѣда не велика, зато получила благословеніе.

Но вотъ что главное! Не только не пришлось просить извиненія, но даже еще самой пришлось получить цѣлый ворохъ извинительныхъ выраженій отъ хозяйки дома г-жи Д. въ томъ что имъ не удалось извѣстить меня, ибо проѣхала понапрасну, такъ какъ мой ученикъ заболѣлъ.

Пораженная такой неожиданностью, я не могла и слова выговорить. Г-жа Д., но понимая въ чемъ дѣло, и боясь, что я обидѣлась напрасному приходу на урокъ, стала опять просить у меня прощенія, что мнѣ пришлось понапрасну такъ далеко проѣхать, (они жили въ Лефортовѣ). Я поспѣшила съ своей стороны увѣрить ее, что это ничего не значитъ, и что я немного сама запоздала.

Не дивно ли это? Задерживая меня на подъѣздѣ, батюшка какъ бы давалъ понять мнѣ, что мнѣ незачѣмъ въ этотъ день идти на урокъ, а, главное, доказалъ мнѣ, какъ велико его благословеніе. Всѣ эти великіе знаменательные случаи еще болѣе укрѣпляли мою вѣру въ силу благословенія дорогого пастыря, а посему, получая отъ батюшки какое нибудь занятіе, я передъ началомъ его всегда ходила къ нему на домъ (если батюшка въ эти дни не служилъ въ храмѣ), чтобы получить благословеніе.

Няня, которая лѣтъ 40 уже жила въ его семьѣ, знала это мое обыкновеніе и нѣсколько сердилась на меня за причиняемое безпокойство пастырю.

Разъ, помню, надо было начать очень важный урокъ; батюшка въ этотъ день не служилъ въ Соборѣ, пришлось идти на домъ, няня отказалась доложить, говоря, что батюшка очень занятъ. Что тутъ было дѣлать! Между тѣмъ необходимо было получить благословеніе, такъ какъ начинался мой учебный годъ (это было 4 сентября), и я ни съ кѣмъ еще послѣ лѣта не занималась.

Стою около кухни, дожидаясь. Няня нѣсколько разъ сердито пробовала сломить мое упорство, говоря, что батюшка нынче совсѣмъ не можетъ принять.

Совѣстно было такъ назойливо стоять и дожидаться.

Но самъ родной батюшка видно пожалѣлъ меня. Духомъ провидѣнія онъ узналъ, что я пришла на кухню. Вдругъ дверь параднаго крыльца растворилась—и кого же я увидала?—самого дорогого батюшку. Сіяющій, лучезарный, онъ подозвалъ меня и полусердито спросилъ: что вамъ нужно?

Господи! Что переживала и испытывала я! «Получить ваше благословеніе, такъ какъ мнѣ нынче надо начать заниматься съ К.».

«Подождите», сказалъ батюшка, оставивъ меня въ передней; черезъ минуту выходитъ онъ и подаетъ мнѣ каменный Образокъ Николая Чудотворца, которымъ нѣсколько разъ благословляетъ меня и отпускаетъ съ миромъ.

Я «все» получила, и образокъ этотъ какъ драгоценность всегда брала съ собой на уроки.

Ни двери, ни крѣпкіе запоры не могли помѣшать мнѣ, такъ какъ я твердо вѣрила, что батюшка все знаетъ и понимаетъ, какъ необходимо для меня его святое благословеніе.

И вѣра никогда не постыдила меня! Съ этимъ драгоценнымъ талисманомъ—его благословеніемъ, я производила иногда такіе успѣхи, которымъ сама поражалась, и которые являлись поразительнымъ доказательствомъ батюшкиной помощи и милости.

Въ продолженіе почти 20 лѣтъ, благословеніе батюшки было моею крѣпостью, моею силой, моимъ счастіемъ.

Озаренная имъ, я легко жила и дѣйствовала, легко воевала съ буйной дѣтворой, этимъ шумнымъ баталіономъ лѣни и шалостей.

Эта то вѣра въ батюшку помогла мнѣ выдержать болѣе тяжелую, болѣе ужасную борьбу кровныхъ людей, тяжкую борьбу между чувствомъ любви къ матери и христіанскимъ долгомъ.

Сейчасъ разскажу, что произошло въ нашей семьѣ, дотолѣ почти мирной и спокойной. Пріѣхавъ въ имѣніе и насладившись прелестями деревенской жизни, я вдругъ слишкомъ стала чувствовать свою обособленность; какъ то невольно стали выступать наружу мои духовные принципы. Свѣтская жизнь, окружающее веселье, пикники, туалеты рѣзко вычеркнули меня изъ своей среды; осмѣянная веселымъ свѣтомъ я возбудила благородное негодованіе мамы, которой тяжело было переносить такое посмѣяніе дочери.

Всѣ свои громы мамаша обратила на меня, какъ на главную виновницу такого непріятнаго посрамленія—дочери, которою она прежде такъ гордилась, какъ порядочной, образованной *comme il faut* дѣвушкой. Дядя ея, бывшій адмиралъ, человѣкъ свѣтскаго

лоска и традицій, явился ея достойнымъ союзникомъ, а тамъ ея кухни, свѣтскія прекрасныя барышни съ напудренными локонами и утонченными фигурками.

Фи—какая гадость—ханжа, психопатка, какой позоръ въ благородной семьѣ папиной родни! Тонкія насмѣшки, однѣ другихъ острѣе и жесточе, сыпалсь на мою виновную голову.

Началось съ постовъ—моя постная простая пища (въ Успенскій постъ) подняла общее возстаніе; мама, возбужденная всеобщими толками, захотѣла силой передѣлать меня на свой образецъ. Но она совершенно неумѣло взялась за дѣло моего перевоспитанія: своими рѣзкими насильственными требованіями мама окончательно закалила мое упрямство; что можно было сдѣлать со мной мягкостью и любовью, то окончательно не поддавалось силѣ и приказанію. 20-лѣтняя дѣвушка не могла преклониться передъ розгой—требованія и угрозы были равносильны такому жестокому способу исправленія—а потому я преспокойно стояла на своемъ, нисколько не смущаясь общимъ осужденіемъ. Колесо вертѣлось все сильнѣе и сильнѣе, дѣло дошло и до чтенія духовныхъ книгъ. Наслаждаясь утренней прохладой, я любила въ холодкѣ, въ саду, пристроиться на травкѣ и углубиться въ чтеніе прекрасныхъ книгъ Іоанна Златоуста, которыя оказались въ домашней библіотекѣ дѣдушки. Книга, читанная мною, попалась какъ-то на глаза мамы—началось цѣлое возстаніе. Господи! какъ безжалостна я была тогда къ мамѣ; не могла понять ея чувствъ. Только теперь, когда ея нѣтъ въ живыхъ, я вполне могу представить себѣ, что приходилось ей переживать; сколько душевнаго горя и волненій, сколько нестерпимыхъ мукъ несчастнаго материнскаго чувства выпало на ея долю!.. Теперь только я могу разобраться во многомъ, теперь только я вижу свою безконечную вину передъ ней, теперь только во мнѣ загорѣлась горячая любовь и благодарность къ ней, жалость къ ея горькой участи—лишенія любимаго дѣтища; только теперь мнѣ понятна стала ея безграничная самоотверженная горестъ—потери любимой мечты—видѣть свою дочь не какимъ нибудь не-

счастливым жалостным выродкомъ, а правильно и свѣтски воспитанной благодѣтельной дѣвушкой, полной жизни, силъ и энергии. Развѣ вся ея жизнь не прошла въ тяжелыхъ трудахъ и заботахъ для взлелѣянiя меня—ея материнской надежды? развѣ безсонныя ночи, долгіе дни хлопотъ и лишенiй ради всесторонняго воспитанiя своей дочери, не должны были вознаградить ее вполне успѣшнымъ и радостнымъ осуществленiемъ ея мечты?! Скромное жалованiе, получаемое моимъ папой могло только доставить мнѣ обученiе въ городскомъ училищѣ, а между тѣмъ путемъ усиленныхъ лишенiй и просьбъ я помѣщена была въ гимназію, гдѣ восемь лѣтъ мучила родителей издержками и волненiями.

Не могу теперь вспомнить безъ слезъ, какъ давая мнѣ такое образованiе, мама должна была принять на себя всю тягость домашняго хозяйства; покупки съ рынка и изъ лавки подкашивали ея слабое здоровье; недостатокъ вкуснаго питанiя еще больше надламывалъ силы; удрученный организмъ былъ плохимъ помощникомъ, нервы же, ослабѣвшiя отъ тревогъ и волненiй, окончательно подтачивали жизненную энергію.

И всему этому виновницей была единственно я, которая озлобилась противъ нея, какъ дикiй необузданный волчонокъ.

Упрекая и осуждая меня, мама затрагивала и моего дорогого наставника,—это было верхъ всѣхъ ужасовъ! Чувство дочерней любви быстро уступило мѣсто духовной любви къ пастырю.

Ни слезы, ни моленiя мамы—ничего не помогало.

Видя мою непреклонность, мама рѣшается болѣе вѣрнымъ путемъ добиться моей сдачи.

Прiѣхавъ изъ имѣнiя въ Москву, мама сейчасъ же обратилась къ батюшкѣ и въ сбивчивыхъ словахъ и выраженiяхъ объявила ему, что дочка ея уродствуется, читаетъ съ утра до ночи божественныя книги и спитъ на голой землѣ, (правда, читая въ саду; я иногда засыпала на мягкой травѣ, убаюканная красотой Златоустовой мудрости) и многое другое... именемъ родительской власти она требовала отъ батюшки вернуть меня въ рамки обыденнаго общепринятаго режима житейской порядочности.

Дѣло принимало неблаговидную окраску. Ставилось требованіе 5-й заповѣди, законное требованіе оскорбленной матери.

Но батюшка, вполне опытный въ подобныхъ стачкахъ и конфликтахъ, искусно взялся за многосложное дѣло.

Давъ ей надежду, что онъ поговорить со мной и тѣмъ образумить мое своеволие, батюшка поспѣшилъ спросить у меня, чѣмъ я провинилась передъ мамой, и чего она требуетъ отъ меня.

Понявъ, что это дѣйство лукаваго, который, рыкая ходить, ища кого поглотити, батюшка постарался, строго подчинивъ меня материнской власти, обуздать мое высокоуміе. «Она васъ проклясть можетъ—и тогда вы погибли»—вотъ тѣ ужасныя слова, которыми онъ какъ серпомъ подкосилъ мою смѣлую оборону, съ цѣлью самозащиты и самоправства.

Смирившись, я по возможности подчинялась маминымъ требованіямъ, но мама, получивъ такую неожиданную поддержку и доказательство правильности ея дѣйствій—пошла дальше. Теперь она захотѣла уже совсѣмъ отдалить меня отъ батюшки, чтобы предоставить себѣ одной власть управленія мною. Ея планъ былъ—не пускать меня въ Соборъ и такимъ образомъ, какъ она говорила, «отрезвить меня отъ всего вреднаго, кремлевскаго»—но это было уже слишкомъ!

Туго натянутыя струны терпѣнія и покорности лопнули. Какъ! Не ходить къ батюшкѣ, лишиться самаго безцѣннаго сокровища: это было равносильно тяжкой мучительной смерти! Нѣтъ! Этого исполнить я не могла! Не ходить въ Соборъ, не слышать батюшкинаго голоса, не получать его благословенія!.. Если этого требуетъ моя мама, то гдѣ же ея любовь ко мнѣ, гдѣ желаніе мнѣ счастья и радостей? Ошеломленная, измученная, озлобленная я не могла этому покориться! Горечь незаслуженнаго мучительнаго наказанія вопіяла о всей несправедливости его; укрощенная батюшкой я опять вступила на путь непослушанія мамѣ.

«Никогда, никогда этого не будетъ, не будетъ по вашему»—эти слова еще больше кололи и язвили мамино достоинство.

Долго не думая, собравъ серьезныя обвиненія и доказательства полнѣйшаго непослушанія ея дочери, она отправилась опять просить ходатайства у пастыря.

Тщетно промучившись въ храмѣ, она отправилась на крыльцо дожидаться возвращенія батюшки домой изъ Собора—тамъ вся полнота материнскаго страданія о явной погибелн дочери вылилась въ такихъ вѣскихъ доводахъ моего недостойнства, что пастырь, раздраженный такимъ нечеловѣческимъ клокотаніемъ семейнаго вороворота, рѣшился изречь свой рѣшающій судъ: «теперь я ни съ матерью, ни съ дочерью больше не буду знакомъ». Эти слова, которыя я услышала, случайно подошедши въ это время къ подъѣзду, совершенно не зная о маминномъ пребываніи на крыльцѣ, какъ ножомъ рѣзнули меня и принесли мнѣ такую нестерпимую боль, что я не знаю, какъ еще моя нервная и мозговая система могла сохраниться при такой пыткѣ.

О если бы мама могла только знать, что она доставила мнѣ своими жалобами, о если бы она могла понять, что любовь мою къ себѣ и уваженіе она смогла бы добыть только разрѣшеніемъ и одобреніемъ моихъ дѣйствій, а не такую несчастною цѣною! Да! если бы она тогда знала это, то она въ силу своего вообще мягкаго отзывчиваго сердца, жалѣющаго даже послѣднее животное, не поднесла бы мнѣ чашу такой ужасной нестерпимой горечи.

Развѣ я не ползала бы и не цѣловала ея ноги, если бы она, увидавъ мое горячее стремленіе къ иной лучшей жизни и дѣятельности, не только бы не противилась этому, но сама бы со мной раздѣляла радость духовнаго общенія съ батюшкой! Но дѣло совершилось! Дамокловъ мечъ низко опустился и отсѣкъ преступную голову. Судъ Божій надъ виновной, непослушной дочерью совершился! Окаменѣвшая, безмолвная, безжизненная я побрела вслѣдъ за мамой! Куда? Зачѣмъ? Зачѣмъ теперь жить — одно говорило мое отчаяніе, все кончено, все погибло. Нить жизни порвана, силы подкошены; ни плакать, ни стонать я не могла. Погибающіе на утлой ладѣ среди бурныхъ валовъ

разъяренной стихіи вполнѣ могутъ понять такое стонущее, безнадежное, отчаянно-ужасное состояніе души. Мама достигла желаемой цѣли: ея дѣло сдѣлано, она на верху блаженства—она спасла дочь; это была ея необходимая миссія, которую она должна была исполнить во что бы то ни стало—такъ врагъ ловко обкрутилъ насъ всѣхъ, радуясь нашей погибелли. Но, если врагъ торжествовалъ и радовался о своей удачѣ, то и пастырь твердо стоялъ на своемъ посту, дорогимъ стражемъ ввѣренныхъ ему отъ Господа душъ, дорогимъ Ангеломъ—хранителемъ, утѣшителемъ.

Конечно, онъ видѣлъ и зналъ мое тяжкое состояніе души и невидимо помогалъ мнѣ своей благодатью, такъ какъ безъ него я не вынесла бы такой горечи и муки. Уныніе—торжество духа злобы, отчаяніе—его побѣда. По возможности батюшка отразилъ и то и другое.

Прошло первое ужасное острое горе — наступилъ періодъ отупѣлости, безчувственности.

Однакоже зная, что на другой день батюшка служитъ обѣдню, я отправилась въ Соборъ за разъясненіемъ происшедшихъ ужасовъ.

Прихожу, батюшка пріѣхалъ, благословляетъ, подходитъ ко мнѣ и строго, грозно говоритъ: «мама ваша не желаетъ, а потому не ходите ко мнѣ въ этотъ храмъ, а то и мнѣ будетъ грѣхъ и вамъ» Это было второе подтвержденіе Божьяго наказанія—изгнаніе изъ рая сладости и спасенія. Но эти слова не произвели уже того поражающаго дѣйствія какъ первыя; они говорили мнѣ о лишеніи блаженной отрады, но своими звуками они давали надежду моему горячему чуткому чувству—на будущее прощеніе и милосердіе. Видно было, что батюшка при всемъ своемъ подвигѣ духовнаго воспитанія и исправленія испорченныхъ, изломанныхъ душъ человѣческихъ, не могъ руководиться жестокостью и грозностью—необъятная любовь и жалость къ несчастнымъ жалкимъ существамъ такъ были могучи и сильны въ немъ, что, при всѣхъ своихъ карательныхъ наказаніяхъ недостойныхъ грѣшниковъ, онъ глубоко сожалѣлъ о нихъ, глубоко скорбѣлъ

объ ихъ слабости и горемычности, какимъ нибудь словомъ или дѣйствиємъ стараясь умалить бремя достойнаго заслуженнаго наказанія.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Полная отчаянія и безнадежности при первыхъ его словахъ на подъѣздѣ, я почему то теперь воспрянула духомъ. Я вдругъ поняла, что нечего унывать и мучиться, потому что Господь не требуетъ отъ насъ непосильнаго. Если я не могла жить безъ батюшкиной службы, если это была не пустая осудительная забава а осмысленное требованіе увѣровавшей души, то къ чему же лишать себя свѣта и истины, осуждать себя на мракъ и мученіе. Господу не нужна такая жертва. Почему такъ батюшка говорилъ и дѣлалъ, я не могла тогда разобраться; теперь мнѣ стало ясно, что, изгоняя меня гласно изъ Собора, батюшка тѣмъ успокаивалъ мою маму, (объ этомъ ей донесли услужливые знакомые), которой нужно было добиться удовлетворенія своего требованія—иначе проклятіе недостойной дочери могло бы привести насъ обѣихъ къ гибели.

Итакъ, считая невозможнымъ для себя не бывать за службами батюшки, я послушно пропустивъ 2, 3 его службы, сбѣгала на крыльцо, какъ бы для подкрѣпленія принятаго рѣшенія—батюшка неожиданно благословилъ меня и что то вскользь сказалъ мнѣ, что я не могла уловить, только разобрала—«это искушеніе».

Довольно! Все поняла я, отчаяваться нечего, буду тихонько ходить въ Соборъ, Богъ дастъ мама и не узнаетъ; батюшку не буду тревожить, подходить къ нему не буду, пускай онъ будто и не знаетъ; зато буду жить, жить, дышать батюшкиными проповѣдями, наслаждаться батюшкиными службами.

Такъ я ходила въ Соборъ, года два тайкомъ; какъ тяжкая преступница я скрывалась отъ взоровъ батюшки, но ходила въ его храмъ, иначе нечѣмъ мнѣ было жить и дышать. Я ходила, потому что надо было вести начатые уроки, хотя по правдѣ сказать нѣсколько разъ покушалась бросить все въ благородной

обидѣ за воздѣтыя цѣпи. Однакоже уроки были такіе хорошіе, что жалко было ихъ оставить. Была, напримѣръ, одна дѣвочка Наташа, которую я приготовила въ гимназію и лѣтъ 6—7 вела ее репетированіемъ. Это былъ поистинѣ прекрасный урокъ. Отецъ ея шутникъ—малороссъ, олицетвореніе доброты и вѣжливости, составлялъ компанію моей мамѣ и вмѣстѣ съ ней производилъ деликатный штурмъ на меня; шутливо сглаживая болѣе рѣзкіе и взволнованные взрывы картечи моей мамы, онъ умѣлъ придать дѣлу такой веселый милый оборотъ, что, вмѣсто шумныхъ и обостренныхъ бесѣдъ выходили шутливыя рѣчи—перебранки, очень мило и изящно пересыпанныя шутками—прибаутками. Что касается до жены его, то это была моя ярая защитница и покровительница. Она строго и назидательно останавливала всегда мужа, если онъ нѣсколько задорно, въ угоду мамы, касался моихъ принциповъ. Сама въ высшей степени религіозная, вѣрующая, она такъ сочувствовала моему щекотливо-обидному положенію, что вполне была моей отрадой и защитой въ моей неудачно-сложившейся юдоли искушенья.

И, избави Боже, если почтенный мужъ ея касался священнаго и высокочтимаго ея имени батюшки (хотя она не ходила къ батюшкѣ, но вполне отдавала ему должное), о! тогда такой градъ строгостей и упрековъ сыпался на его бѣдную голову, что онъ уже не зналъ какъ поправить оплошность и спѣшилъ ретироваться. Вообще, въ этой семьѣ такая была тишь и гладь, что пребываніе въ ней значительно облегчало мою воспаленную голову, принося ей ту освѣжительную прохладу, въ которой она такъ нуждалась при тяжкихъ душевныхъ боляхъ.

Я не подходила къ батюшкѣ, но завѣтъ его о необходимости удовлетворенія духовной жажды Святѣйшими Тайнами—горячо и ревностно исполнялся мною.

Пастырь Никитскаго монастыря оказался подходящимъ для меня духовникомъ и принималъ мое сердечное сокрушеніе во грѣхахъ.

Время шло. Мѣсяцы тянулись скучной чередой однообразія. Одновременно у меня были и другіе уроки, я радовалась дѣлу,

вертяться бѣлкой въ колесѣ, безъ цѣли, безъ надежды. Похищенное мною право бывать въ Соборѣ нисколько не смущало меня своей незаконностью; оно сдѣлалось моею главной потребностью. Бывая въ храмѣ, я никому не мѣшала; я чиста была передъ батюшкой, такъ какъ не подходила и не волновала его; я чиста была передъ мамой, такъ какъ покорилась ей до предѣловъ возможности. Но каково было мнѣ самой переживать все это! Господь да батюшка—знають чего мнѣ это стоило.

Но милосердый Господь, наконецъ, далъ мнѣ рѣшимость подходить къ батюшкѣ. Съ великимъ опасеніемъ, исподволь и уже осмѣливалась подходить, и батюшка изрѣдка благословлялъ меня.

Вотъ наступило 3 февраля, день моего Ангела. Я сказала мамѣ, что пойду въ Соборъ; немного огорченная этимъ, она однакоже позволила мнѣ для такого дня. Конечно, я могла бы тихонько, не разстраивая мамы, пойти туда, но я возвѣстила ей объ этомъ совсѣмъ съ другой цѣлью: для такого великаго дня мнѣ хотѣлось приобщиться Святыхъ Таинъ, а для этого надо было испросить прощеніе и разрѣшеніе отъ мамы. Какъ тутъ быть?

Осторожно я намекнула о своемъ желаніи, но встрѣтила рѣшительный отпоръ: «теперь не постъ, что такое! Если ужъ такъ хочешь, то причащайся; только ужъ постомъ не будешь».

Унылая, съ глубокой тоской, пошла я въ Соборъ; видя собравшихся исповѣдницъ, я взяла свѣчку и встала на исповѣдь. Батюшка долго исповѣдовалъ. Наконецъ и я стояла на виду. «Мамочка позволила?»—строго спросилъ батюшка. «Нѣтъ, батюшка, она недовольна этимъ»—отвѣтила я.

«Пойди, поставь свѣчку, я не могу тебя взять». Я отошла. О и до сихъ поръ помню, что пришлось пережить тогда. Горькія неудержимыя слезы не прекращались всю обѣдню; это не былъ радостный день Ангела, это былъ несчастнѣйшій день, день сознанія, что я отвергнута Господомъ, не допустившимъ меня къ Своей Святой Трапезѣ! И до сихъ поръ воспоминается это пережитое величайшее горе, чѣмъ я, вѣроятно, омрачила Своего

Ангела—Хранителя, который, говорить въ этотъ день неотступно находится около человѣка.

Но для меня тогда все затемнилось. Если уже Господь въ такой день отвергъ меня, то чего мнѣ больше ждать! Заплаканная, уничтоженная я поплелась домой и вѣроятно тронула маму своей скорбью, потому что она всячески старалась успокоить меня, обѣщая мнѣ постомъ не пренятствовать и охотно пустить къ батюшкѣ. Пришлось отереть горькія слезы и принять приличный видъ, такъ какъ начали собираться знакомые, которые, видя меня въ такомъ удрученномъ горѣ, всячески старались успокоить и развеселить меня.

И, дѣйствительно, Великимъ постомъ Господь удостоилъ меня причаститься Его Пречистыхъ Животворящихъ Таинъ.

Свѣтлый Праздникъ прошелъ радостно; на лѣто мы поѣхали на дачу въ Давыдково: тамъ у меня были порядочныя занятія, но мамино разстроенное нервное состояніе не успокаивалось.

Вдали отъ батюшки, не подкрѣпляемая его благодатью, я болѣе нетерпѣливо переносила свое гонимое положеніе и ведя самостоятельныя занятія, никакъ не могла покориться родительской опеке.

Нервность мамы производила частыя непріятныя столкновенія между нами по поводу хоть малѣйшаго промедленія возвращенія съ урока. Будучи задерживаема часто разговорами съ родными моихъ учениковъ и ученицъ или предлагаемой дружелюбной трапезой я волей неволей попадала подъ строгіе разговоры и обидныя колкости моей мамы, что очень меня огорчало.

Измученная, истерзанная всѣмъ этимъ, я рѣшилась въ концѣ лѣта, во что бы то ни стало бывать въ храмѣ у батюшки и геройски отправлялась пѣшкомъ въ Москву (по праздникамъ), такъ какъ не было подходящаго ранняго поѣзда.

Но такое самовластное нецрпстойное поведеніе имѣло для меня самыя ужасныя послѣдствія.

Мѣра долготерпѣнія маминаго переполнилась; во всеору-

жін своихъ правъ, она предстала опять передъ батюшкой требуя самаго карательнаго строгаго судилища. Опять пришлось великому настырю выступить грознымъ обвинителемъ и обличителемъ моихъ преступныхъ дѣйствій. Не знаю, что онъ говорилъ и какъ, но говорилъ, какъ передавала моя мама такъ гнѣвно и грозно, такъ сердился на меня, что я, вполне знакомая съ правдивостью мамы, которая даже въ шутку никогда не говорила неправды, такъ струсила и пенугалась, что не рѣшалась подходить къ батюшкѣ.

Глухая, глухая, сколько драгоценнаго времени потеряла я изъ за презрѣннаго самолюбія! «Развѣ можно подходить къ батюшкѣ, вдругъ онъ при всѣхъ крикнетъ на меня, и станетъ опять гнать меня» — эта несчастная мысль заставляла меня на много времени лишиться себя батюшкиной благодати.

Завертѣлось острое, колючее колесо жизни, безошадные зубья измалывали силы и энергію. Полнѣйшая апатія ко всему, очерствѣлость, безчувственность—поселились у меня, какъ среднія услужливыя кумушки и ловко обдѣлывали свои хитрыя дѣлишки. Сонливость, невнимательность къ молитвѣ, отсутствіе жалости и состраданія къ ближнимъ—все это смѣшалось, слилось вмѣстѣ, придавило то крохотное духовное зернышко, которое еще оставалось въ моемъ сердцѣ, такъ заботливо посаженное благодатной рукой премудраго настыря.

Задавшись цѣлью спасти меня отъ гибели, мама ни передъ чѣмъ не останавливалась. Началось усиленное показываніе меня настырямъ, какъ небывалое чудище 19-го столѣтія. Не очень то пріятная выставка часто оканчивалась для меня очень благополучно; не знакомая ни съ какими старцами, я, предстая передъ ними въ качествѣ преступницы, удостоивалась видѣть ихъ и получать ихъ благословеніе.

Такъ придумана была мамой съ благовидной цѣлью поѣздка въ Троице-Сергіевскую лавру. Я конечно ничего этого и не предполагала. Горячо почитая Преподобнаго Сергія, я съ радостью согласилась поѣхать съ мамой въ Серіевскій Посадъ, когда

она предложила мнѣ это, мысль о ея благомъ намѣреніи не приходила мнѣ въ голову, но каково же было мое недоумѣніе, когда она пріѣхавъ со мной къ Черниговской Божьей Матери и приложившись къ Ея Чудотворному Образу предложила мнѣ пойти къ старцу-іеромонаху Варнавѣ. Конечно, кто-нибудь посоветовалъ ей обратиться къ отцу Варнавѣ и попросить его вразумить меня. Зная ея всегдашній индифферантизмъ къ старцамъ, я была удивлена такимъ зовомъ, и съ радостью согласилась пойти къ нему, какъ бы не вѣря еще такой радостной переменѣ съ ней. Однако тутъ скрывалась болѣе глубокая цѣль.

Каково же было слышать мнѣ, когда мама, подходя къ отцу Варнавѣ во всеуслышанье объявила: «батюшка, спасите мою дочь, она все молится, постится, отецъ Валентинъ ее испортилъ»... дальше шли прерывистыя, захлебывающія рѣчи матери, борющейся съ губительными волнами и съ трудомъ держащей погибающаго ребенка.

Странный говоръ возбудилъ общее волненіе, слышались осудительные голоса такого неумѣстнаго заявленія.

«Ишь, что говорить, да вы бы должны были радоваться этому, а то на-кось, спасите, научите, да что ваша дочь завертѣлась что ли, а то ишь вѣдь, зачѣмъ Бога любить»—перебрасывался простой народъ, солидарный съ моими взглядами.

Видя, что толпа гудитъ, тревожится, отецъ Варнава позвалъ насъ съ мамой въ свою келью, сѣлъ на свой диванчикъ, посадилъ меня рядомъ, а мама съ самыми искренними мольбами о спасеніи меня, упала ему въ ноги, плача и рыдая.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ старался успокоить маму, а, когда она еще настойчивѣе стала просить его вразумить меня, онъ прямо отрѣзалъ ей: «у ней есть свой великій наставникъ, онъ ее лучше меня научить, а вы простите ему, не сердитесь на него», потомъ далъ ей образокъ Успенія Пресвятой Богородицы, а мнѣ Кіевскую просфору, нѣсколько разъ благословилъ насъ и, показывая мнѣ на Святой Образъ, подтвердилъ: «смотри это Успенье»,

(уже впоследствии я поняла, что этимъ онъ возвѣщалъ мнѣ о кончинѣ мамы).

Захлебываясь отъ радостнаго волненія при такомъ неожиданно-привѣтливомъ пріемѣ, я стала просить его исповѣдовать меня, но отецъ Варнава сказалъ мнѣ: «идите въ больничную церковь ко всенощной, послѣ всенощной васъ исповѣдуютъ, а на завтра пріобщитесь». Провожая маму, опять подтвердилъ: «а на батюшку отца Валентина вы напрасно сердитесь, онъ добру учитъ».

Непріятно поразило маму это посѣщеніе, не того ожидала она, не того добивалась. Вернувшись мы въ Лавру и первымъ дѣломъ я стала просить ее отпустить меня на исповѣдь. Куда тутъ! рѣзко отказала она мнѣ, говоря, что теперь не Великій постъ. Идти наперекоръ я не могла, такъ какъ живо помнила еще урокъ, данный мнѣ въ день Ангела.

И опять ужасное невыразимое горе сдавило мое сердце. Это такое ужасное состояніе—сознаніе невозможности приступить къ Пренебесному Жертвеннику. Весь вечеръ, весь слѣдующій день и многіе другіе прошли въ безысходной острой тоскѣ отверженія Богомъ, въ мрачной темницѣ, гдѣ душа тщетно рвалась къ свѣту и блаженству. Ну какъ же было при такомъ ужасномъ нестерпимомъ горѣ сохранить ангельскую доброту и ласку къ мамѣ!

Теперь я могу во всемъ разобраться и понять, что это все дѣлалось по волѣ Божьей, такъ Ему угодно было для вразумленія меня, а тогда все вертѣлось, горѣло въ головѣ и все казалось мнѣ, что истекаетъ отъ мамы, что невольно возбуждало меня и не позволяло должно—почтительно относиться къ ней. Мама не позволяла, мама запретила—молотомъ колотило мою раскаленную голову и лишало ее здравыхъ понятій, все это такъ озлобило и ожесточило меня, что буквально я была звѣренъшемъ, кусающимъ любящую руку.

Меня лишаютъ духовной пищи, духовнаго подкрѣпленія, значить хотятъ сдѣлать изъ меня презрѣнное существо, отъ ко-

того батюшка съ ужасомъ навсегда отвернется—хоть и навсегда лишитъ меня батюшки, о это уже слишкомъ! брошу я все и не стану трудиться. Кончено! Уроки всё оставлены. Нѣсколько дней провожу дома—никуда не отправляюсь. Мама подозрительно поглядываетъ на меня, смущенная такимъ приемомъ. Однакоже маневръ не удался. Со всѣхъ сторонъ присылались требованія отчета въ такомъ непонятномъ манкированіи уроковъ, требовалось личное или письменное объясненіе не деликатнаго молчанія, да еще сонъ, видѣнный мною, будто бы Іоаннъ Кронштадтскій, котораго я только и знала по слухамъ, убѣждаетъ меня не бросать занятія—все это заставило меня отмѣнить придуманную затѣю и заняться дѣломъ, а не бездѣльничать.

Потянулись дни будничной чредой, однакоже, многіе священники имѣли непріятное удовольствіе прослышать о моемъ неправильномъ образѣ жизни и заочно пожелать моей бѣдной головушкѣ немедленнаго исправленія и отрезвленія.

Іоаннъ Кронштадтскій былъ выбранъ какъ необходимый, вполне надежный вразумитель.

Но какъ добратся до него, и тѣмъ дать мнѣ спасительный толчокъ.

Препятствій, затрудненій множество, однако же все было преодолено, и я опять, неожиданно негаданно удостоилась подойти къ великому молитвеннику, свѣтильнику всей Россіи. Вотъ какъ это произошло. Сижу я разъ на урокѣ, вдругъ говорятъ мнѣ, что моя мама пришла и требуетъ меня въ переднюю. Въ страшномъ безпокойствѣ выхожу я къ ней, такъ какъ папа серьезно былъ боленъ, и что же! Мама убѣждаетъ меня, поскорѣе кончить урокъ и идти съ ней, такъ какъ есть очень важное дѣло.

Ея взволнованный, не терпящій промедленія тонъ, заставляетъ меня поскорѣе идти съ мамой.

Бѣжимъ по Никитской, мама впередъ, я за ней, ничего не понимая; подбѣгаемъ къ одному дому на Никитскомъ бульварѣ (генеральши Дюгамель) и видимъ торжественное ожиданіе: подь-

ѣздъ ярко освѣщенъ, дворникъ у воротъ нетерпѣливо поглядываетъ вдаль. Морозъ. Мама прохаживается, я за ней.

Вдругъ вдали скачутъ 2 кареты; я догадалась. Мама, какъ остолбенѣлая, не двигается съ мѣста. Кареты подкатываютъ; генеральша, разодѣтая, въ одномъ платьѣ, стоитъ на подъѣздѣ и встрѣчаетъ великаго гостя. Я подбѣгаю, мама тоже. Ласковый батюшка Іоаннъ Кронштадтскій раскрываетъ свою шубку, обѣихъ насъ прижимаетъ къ своей груди, какъ бы умоляя насъ сплотиться вмѣстѣ и оставить свой ужасный разладъ. «Милыя мои»— слышится его голосъ, полный мольбы, тревоги, всепрощенія.

Но сознаніе дѣйствительности быстро возвращается къ мамѣ, перенесенныя мучительныя опасенія всплываютъ наружу, изливаясь потоками рѣчей, жалобъ и слезъ.

Повтореніе этихъ жалобъ занимаетъ довольно продолжительный промежутокъ времени, возбуждая неудовольствіе, такъ какъ хозяйка дома принуждена переносить весьма чувствительную стужу, ожидая своего великаго гостя.

Но свѣтлый пастырь понимаетъ чувство матери, онъ не отталкиваетъ его рѣзко и грубо; нѣтъ, любящей лаской утѣшенія онъ нѣжитъ, успокаиваетъ страдальцу, давая понять ей, что она слишкомъ увлекается и неправильно смотритъ на дѣло. Опытный прозорливецъ, знатокъ человѣческаго сердца, онъ разобрался въ ея чувствахъ и мученіяхъ, онъ поласкалъ ее, какъ нѣжное больное горькое дитя, онъ также пожалѣлъ мою молодость, мою неопытность и, вполне уважая мою религіозную ревность, онъ не оскорбилъ меня никакимъ рѣзкимъ укоромъ. Благодать праведника сообщилась и мнѣ, отрада послѣ мучительныхъ пережитыхъ тревогъ, тишина умиротвореннаго духа—были такъ сильны и величественны, что образъ Кронштадтскаго пастыря неизгладимо врѣзался въ мою душу, сіяя въ ней кроткимъ лучезарнымъ свѣтомъ. О дорогая незабвенная мамочка! Стою ли я волоска на твоей головкѣ. Сколько тревогъ, мучительныхъ тревогъ принесла я тебѣ! Ты успокоилась теперь славной мученицей, чистая, цѣломудренная, безхитростная, отзывчивая, ты получила вѣнецъ пра-

ведишь! Прости меня, дорогая защитница, прости, что я причиняла тебѣ много страданій; прости меня за то, что, гордая сознаниемъ своей правоты, своихъ «гонений» за религію, я возносила кичливостью и высокопарностью.

Безмолвный свидѣтель нашихъ сценъ и споровъ — нашъ кроткій труженикъ, глава семьи—папа, какъ бы утомясь при такомъ тяжеломъ неустройствѣ, доживалъ свои послѣдніе денечки. Нежданно, негаданно, страшная болѣзнь ракъ—крѣпко обхватила его своими грозными клещами.

Больницы негостеприимно отказывали ему въ своемъ кровѣ, а болѣзнь, требующая тщательнаго врачебнаго ухода, стала быстро и мучительно заражать весь организмъ.

Мы въ то время жили на Воздвиженкѣ, на одномъ дворѣ съ батюшкой; такое близкое сосѣдство доставляло мнѣ великое наслажденіе, хотя подходить къ батюшкѣ я все не рѣшалась. Только одинъ разъ, измученная страданіями папы, я подбѣжала къ батюшкѣ, когда онъ шелъ на площади изъ Собора, и громко обратилась къ нему, прося помолиться за больного папу. Батюшка быстро отшатнулся отъ меня, ничего не отвѣтивъ, но въ день «Нечаянной Радости», когда папа на ногахъ еще пріобщался въ Чудовомъ монастырѣ и только что вернулся домой, одна моя знакомая принесла ему просфору отъ батюшки; батюшка самъ послалъ ее снести просфору, говоря: «поди снеси болящему», (причемъ назвалъ моего папу).

Получивъ такое трудное порученіе (такъ какъ мама запретила ей показываться къ намъ), знакомая моя не знала на что рѣшиться,—идти страшно, не идти—не исполнить батюшкинаго порученія не позволяла совѣсть. Рѣшено было идти и отдать просфору. Что же! Приходить она и застаётъ папу одного дома, мама отлучилась за покупками, а я была на урокѣ.

Возвращаюсь я съ урока и не вѣрю ушамъ своимъ: «батюшка прислалъ мнѣ съ няней просфору»—встрѣтилъ меня радостный папа, доставивъ моему сердцу великую отраду.

Но болѣзнь шла быстрыми шагами. Нестерпимыя боли,

такъ были ужасны, что заставляли страдальца просить у Господа конца. «Нѣтъ моихъ силъ переносить это, Господи, дай поскорѣе умереть»—взывалъ онъ изъ вѣрующаго сердца и сыновней мольбой просилъ Господа помиловать его.

Наступилъ день Новаго года, съ утра начались ужасныя невѣроятныя мученія. Чувствуя близкую кончину, онъ пожелалъ пригласить духовника; сейчасъ же пригласили приходскаго пастыря, который приготовилъ чистую, труженическую вѣрующую душу къ отходу въ блаженную вѣчность.

Папы не стало. Сиротливо зажили мы съ мамой, прежнія недоразумѣнія, перехватки продолжались.

Въ концѣ концовъ, видя мои страданія, происходившія отъ запрещенія подходить къ батюшкѣ, мама разрѣшила мнѣ подходить къ сему великому пастырю; жертвуя собой, своими страданіями, она предоставила мнѣ свободный способъ дѣйствій; какъ бы сложивъ оружіе, она благородно рѣшилась удалиться съ поля битвы. Все это было сдѣлано по истинѣ чудесно; разрѣшеніе было съ величайшей благодарностью принято моимъ ослабѣвшимъ больнымъ сердцемъ. Кончилась мучительная борьба: врагъ не могъ сломить материнской любви, былъ посрамленъ ея чистотой и самопожертвованіемъ.

Больная, слабая, воспрянувъ духомъ, я подошла къ батюшкѣ на подъѣздѣ. Будучи, что называется, въ курсѣ дѣла, пастырь милостиво принялъ меня опять и, осѣнивъ знаменіемъ Креста, произнесъ: «скоро увидимся».

Запрещеніе было снято. Ободренная его словами на подъѣздѣ, я рѣшилась подойти въ Соборѣ. Батюшка ласково благословилъ меня и сказалъ: «теперь мы будемъ мирны, простите и вы меня».

Чѣмъ болѣе внѣшній человѣкъ тлѣетъ, тѣмъ болѣе внутренній обновляется: изнемогшая ослабнувшая плоть дала полноту блаженства духу. Все было забыто: и тоска, и томленіе и страхъ,—душа рвалась къ небесамъ, къ Господу, ко всему святому, къ пастырю, къ мамѣ, ко всемъ окружающимъ. Неописанное счастье, восторгъ смыли всю многолѣтнюю пытку, и своимъ дивнымъ величіемъ и

полнотой вознаградили за все. Жить, жить, прославлять Господа, трудиться, приносить пользу, вот что твердила просвѣтленная голова. Не прежняя уже апатія ко всему, а горячее желаніе труда поднимало мой духъ; но силы, подточенные, ослабленныя борьбой отказывались слушаться...

Недомоганіе пустило такіе глубокіе корни, что нельзя было сразу вырвать и уничтожить ихъ, требовалась опять высшая помощь, высшее состраданіе.

Взявшись опять за меня, батюшка благостно повелѣ дѣло моего выздоровленія и возобновленія ослабѣвшихъ физическихъ силъ.

До неузнаваемости похудѣвшая, блѣдная, безжизненная, я приговаривалась всеми къ печальному концу. Но батюшка дивно меня утѣшила.

Въ день Николая Чудотворца я подошла къ батюшкѣ совсемъ слабая, батюшка выговорилъ только: «эхъ вы!» но это было сказано съ такой жалостью и состраданіемъ, такъ ободрило всю меня, что я совсемъ ожила духомъ.

Наступало лѣто.

Подошелъ Троицынъ день. Чудный свѣтлый праздникъ озарилъ весь храмъ; торжественное богослуженіе заставило душу вознестись къ Горнему и сразу забыть житейскія горечи. Съ цвѣтами въ рукахъ стою я и дожидаюсь батюшки. Свѣтлый, лучезарный онъ вышелъ изъ алтаря и поспѣшилъ утѣшить обездоленную, брошенную всеми нищенку—спротку. Радостно благословивъ меня, онъ похвалилъ меня за послушаніе его совѣтамъ. «Что мнѣ теперь дѣлать, въ Москвѣ ли оставаться или ѣхать на дачу?» осмѣлилась я спросить батюшку. «По моему, на дачу»—отвѣтилъ пастырь, выполнѣ уже провидѣвшій мою лѣтнюю дачную жизнь.

3 рубля—все достояніе, какъ вертѣться съ ними, да еще снимать дачу.

Прямо изъ Собора, поѣхала я въ Богородское, гдѣ жили наши знакомые.

Объяснивъ мнѣ свое желаніе отдохнуть лѣтомъ на лонѣ природы, я услышала гостепріимное предложеніе поселиться у нихъ на верху, который былъ совершенно свободенъ. Но это опять не подходило подъ мои расчеты; мои частыя отлучки въ Москву съ цѣлью посѣщенія Собора могли бы возбудить невольные толки и разговоры и вмѣсто отдыха принесли бы одно волненіе; заботы о моемъ столѣ тоже бы тревожили всѣхъ, такъ какъ гостепріимное семейство всегда утруждало себя особеннымъ приготовленіемъ для меня яствъ, когда я посѣщала его въ качествѣ учительницы. Нѣтъ, нѣтъ! Не то мнѣ нужно было; пошли мы искать удобную комнатку, и что же! Хорошая, дешевая комнатка явилась къ моимъ услугамъ и просила не лишить ее чести занять ее.

Давъ рубль задатку, я въ этотъ же день вернулась въ Москву и стала спѣшно собираться на дачу. Но нужно гдѣ нибудь занять денегъ; противная щепетильность не пріучила меня къ этому, да и знакомые всѣ почти развѣхались. Осталась въ Москвѣ одна близкая мнѣ старушка, тоже почитательница батюшки, но бѣдная, сама постоянно нуждающаяся. Объяснивъ ей свое горе и безвыходность, я случайно нашла въ ней друга—покровителя. Какимъ то чудомъ оказались у нея 10 руб. которые она съ готовностью отдала мнѣ, счастливая, что такъ во время и кстати поддержала сироту.

Такое быстрое и вполне удачное перемѣщеніе на дачу—явно было дѣломъ благодати и милости батюшки, который невидимо всѣмъ руководилъ и все устраивалъ.

Хозяйка попалась добрая, простая вдова, которая съ любовью и лаской приняла меня къ себѣ.

Проходила недѣля; въ субботу я намѣревалась отправиться въ Москву, чтобы поблагодарить батюшку, такъ мудро устроившаго мое перемѣщеніе на дачу, на отдыхъ и выздоровленіе.

Хозяйка, которой я слегка рассказала про батюшку, боясь услышать отъ нея неправильное сужденіе о немъ, изъявила желаніе сопутствовать мнѣ. Мы, рано-ранехонько на линейкѣ пе-

ребралсь въ Москву въ Кремль и насладились благоговѣйнымъ служеніемъ пастыря. Обѣдня кончилась, мы стоимъ въ исповѣдальнѣ, дожидаемся благословенія, вдругъ сама хозяйка вызывается доложить о себѣ: «вотъ эта барышня сняла у меня комнату»—видно батюшка духомъ призвалъ ее въ храмъ, чтобы посмотрѣть, къ кому это переселилась его неудачница, изнемогшая въ житейской кутерьмѣ. Ласково благословивъ ее и сказавъ, что я буду ей хорошей жилищей, батюшка обратился ко мнѣ и подтвердилъ: «вотъ такъ то лучше, чѣмъ жить на чужой счетъ»—разъясняя мнѣ, почему ему не хотѣлось отпустить меня въ другое мѣсто, куда звало погостить богатое семейство. Черезъ нѣсколько дней батюшка пріобщилъ меня Святыхъ Таинъ.

Быстро началось физическое выздоровленіе. Всеозаряющая, всевозрождающая благодать возобновила жизненную матерію, восполнила истраченные соки, укрѣпила нервы, склеила подорванную клѣтчатку легкихъ, укрѣпила стѣнки сердца и заново скрѣпила всѣ мозговья нити, явился опять живой человѣкъ, мертвецъ быстро сталъ обращаться въ настоящаго здороваго человѣка; черезъ 2, 3 недѣли уже меня нельзя было узнать; полная, краснощекая сильная, я сама поражалась быстротѣ своего чудеснаго исцѣленія. Знакомые, видѣвшіе меня, приписали это цѣлебному свойству богородскаго сосноваго воздуха, не зная того, что въ сосновую рощу я тамъ почти и не заглядывала. Откуда то взялись хорошіе уроки; чудесно надѣленная свѣжими силами, я съ охотой принялась за любимое дѣло. 10 руб. были быстро выплачены, комната оплачена; деньги явились въ избыткѣ, составивъ порядочное сбереженіе. А мама что? Непріятно удивленная моему переѣзду на дачу вмѣсто предполагаемой поѣздки въ имѣніе, она, видимо, волновалась и наконецъ вытребовала меня спѣшной телеграммой въ Алексинъ. Дѣлать было нечего, пришлось поѣхать. Наскоро собравшись и попросивъ подругу извиниться за меня на урокахъ, я прикатила въ Алексинъ.

Увидавъ меня свѣжею, здоровою, мама поразилась моей

счастливой переменѣ и стала уговаривать меня подольше погостить у нея въ Алексинѣ.

Но оставленные уроки и дорогой Кремль манили меня къ Москвѣ на дачу и, повидавшись съ мамой, я опять уѣхала на дорогую родню.

Да, это лѣто было незабвеннымъ праздникомъ, счастьемъ для меня.

Батюшка, взявшись за меня и возставивъ физически, началъ очищать и украшать мою духовную храмину.

Очищая ее въ таинствѣ покаянія, онъ всеспасительными Святыми Тайнами Христовыми старался изгнать изъ нея закоснѣлость, загрубѣлость и пороки.

Впослѣдствіи дивный пастырѣ громилъ меня суровыми обличеніями и прозвищами; буквально я стала пугаломъ въ Соборѣ; только и слышишь бывало переговариваются: «на кого это батюшка такъ нынче сердился и кричалъ? Ну конечно, на А. И., причемъ поминалось мое недостойное имя. Но, чтобы приготовить меня къ такому гоненію, батюшка долженъ былъ укрѣпить меня, и вотъ это-то лѣто онъ и избралъ какъ время, вполне благопріятное для такого приготовленія. Батюшка такими обличеніями стремился изгнать изъ меня гордость. Какъ одинъ день прошло 3-хъ-мѣсячное лѣтнее торжество. Особенно былъ духовно утѣшителенъ Успенскій постъ съ его праздниками Преображенія и Успенія Божьей Матери.

Одна, не стѣсняемая ничьими требованіями, приказаніями, запрещеніями, выговорами, я спѣшила надышаться, насладиться благоуханіями духовныхъ радостей.

Лѣто со всеми его радостями и счастьемъ прошло и унесло съ собой все: и счастье и спокойствіе.

Мама приѣхала и, забывъ мое недавнее недомоганіе, опять родительски обрушилась на меня.

Какъ то доглядѣла она, что мясная пища стала пренебрегаться мною и видѣвъ въ этомъ новое нарушеніе благоприличія, она опять отправилась куда нужно.

Батюшка строго приказалъ мнѣ ѣсть мясо, мама успокоилась.

Батюшка такъ гнѣвно разгромилъ меня при всѣхъ, такъ обличилъ и укорилъ въ недостойнствѣ, что всѣ ужаснулись и затрепетали. Это было можно сказать началомъ моихъ ужасныхъ обличительныхъ наказаній. При всей толпѣ многочисленныхъ различныхъ людей пастырскія слова гнѣвно громили меня, выставляя всѣмъ на показъ мои пороки и заблужденія.

И толпа глумилась надо мной и осмѣивала меня.

Но теперь со мною было уже не то, что прежніе года. Въ пользу пошла батюшкина наука. Сжалась, съежилась я вся, но ужъ той гордой обидчивости и помину не было. Все выслушавъ, все перенесши, я опять подходила къ батюшкѣ, трепетно, мысленно моля у него прощенія и снисхожденія. Хотя малое мое смиреніе видимо радовало праведника. Какъ бы удивившись, что послѣ такой «гонки», я подошла къ нему, онъ часто милостиво награждалъ меня благословеніемъ, или же тихо проходилъ мимо, давая мнѣ передохнуть и собраться съ силами для новаго искуса.

Такъ велось дѣло почти 10 лѣтъ. Иногда нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ я понапрасну становилась на исповѣдь и только послѣ многихъ, многихъ слезъ и томленій бралъ меня батюшка. Послѣ лѣта, прожитаго мною такъ счастливо въ Богородскомъ пришлось мнѣ познакомиться съ одной барышней, пріѣзжей изъ Тулы, которую я подвела къ батюшкѣ. Батюшка не сразу принялъ ее и все уговаривалъ ѣхать въ Тулу къ матери, но душа ея не могла уже разстаться съ пастыремъ, отъ котораго почерпала спасительное руководство.

Кое-какъ пристроившись въ Москвѣ, она постоянно стала посѣщать Соборъ и, будучи учительницей рукодѣлія, пробивалась незначительными уроками.

Между тѣмъ у меня уже начались основательныя занятія. Вѣрочка, милая задушевная дѣвочка, о которой я раньше писала, какъ душистый цвѣточекъ утѣшала меня, весь день проходилъ въ дѣлѣ, не увидишь, бывало, какъ и вечеръ подкатить.

Утромъ въ церкви, а тамъ занятія; приходилось дѣлать боль-

шіе концы въ зимнюю стужу, въ мятели, и все было ни почемъ, непрерывная дѣятельность бодрила духъ, закаляла силы, все вѣнчалось, украшалось батюшкинымъ благословеніемъ; одного только бывало и трепещешь—его гнѣва. Мама, видя мои усиленные занятія, немножко подобрѣла ко мнѣ и какъ бы утомившись своимъ продолжительнымъ героизмомъ, стала жалостливѣе относиться ко мнѣ; она уже пускала меня въ Кремль, не противилась этому.

Я все-таки никакъ не могла понять тогда, какъ это я, часто предъ цѣлою толпою бранимая и обличаемая батюшкой, не лишалась его довѣрія и получала отъ него уроки. «Идите къ А. И., просите А. И.», вотъ что говорилъ онъ обращающимся къ нему съ просьбой указать имъ надежную преподавательницу. А многихъ самъ батюшка наводилъ на мысль поручать мнѣ своихъ дѣтей, и такъ какъ всѣми свято чтилось батюшкино указаніе, то обращались ко мнѣ, прося меня не отказать имъ въ ихъ просьбѣ и взять къ себѣ на попеченіе ихъ дѣтокъ.

Всю зиму я прожила съ мамой, еще раньше какъ то я выучилась восковымъ цвѣтамъ и эту зиму пришлось усиленно поработать, такъ какъ мама просила меня сдѣлать нужныя для нея корзинки, днемъ не хватало времени, приходилось работать по ночамъ. Мама мнѣ читала, и была очень довольна, что я хотя медленно но двигаюсь въ работѣ.

Однакоже такая ночная мелкая дѣятельность значительно повредила мое зрѣніе, глаза стали побаливать, вѣрно ужъ очень переутомила я ихъ занятіями и работой.

Но мама гораздо снисходительнѣе и довѣрчивѣе стала со мной, она увидала, что мое «ханжество» нисколько не мѣшаетъ моему рабочему образу жизни, видѣла, что я съ радостью продолжаю педагогическую дѣятельность и тѣмъ доставляю намъ возможность существованія, она значительно смягчилась и уже не производила шумливыхъ порывовъ оскорбленнаго материнскаго чувства, а потому довольно мирное настроеніе въ нашей

семьѣ подкрѣпляло мои силы и давало мнѣ возможность правильно, осмысленно заниматься дѣломъ.

Въ вьюгу—непогоду я не уставала отъ длинныхъ переходовъ и счастливая возможностью подходить къ батюшкѣ и получать его благословеніе, я жила довольно покойно и отрадно.

Быстро пролетѣла зима, подѣ конецъ утомленіе отъ занятій все-таки давало себя чувствовать, а ослабѣвшее зрѣніе требовало отдыха и подкрѣпленія. Потянуло меня на лѣтній деревенскій воздухъ. Нѣмчиновка, какъ мѣсто благодатнаго пребыванія батюшки, особенно была заманчива, а потому не долго думая, видя, что моя подруга уже сняла отдѣльную маленькую дачку, я написала письмо батюшкѣ, прося его разрѣшить мнѣ пожить съ ней. Съ этимъ письмомъ приѣхала я къ ней и уговорила ее пойти со мной на дачу къ батюшкѣ передать его. Батюшка видя нашу робкую боязливость при самовольномъ вторженіи въ его владѣнія, позвалъ насъ къ себѣ въ комнату и ласково принялъ. Онъ вполне одобрилъ придуманное мною лѣтнее отдохновеніе и избранное мѣстожителство. Внѣ себя отъ радости мы вернулись въ деревню. Тутъ же вскорѣ я привезла нѣкоторыя необходимыя вещи, мы зажили тихо и радостно, наслаждаясь прогулками и здоровымъ воздухомъ. Въ той деревенькѣ было много батюшкиныхъ духовныхъ дѣтей и въ ихъ миломъ дружелюбномъ обществѣ мы весело проводили лѣтнее времячко, всей гурьбой снаряжаясь въ Москву во дни батюшкиныхъ службъ. Чудное было тогда время, какая то легость, беззаботность, безотчетное счастье озаряли все существо; душа переполнялась благодарностью къ пастырю, который такъ промыслительно заботился обо всѣхъ, надѣляя тишиной, радостями, покоемъ.

Но конечно такое время отдохновенія не давало матеріальныхъ средствъ, собранныя маленькія деньжонки истощались, но батюшка и тутъ являлся на выручку. Какъ истинно-чудный щедрый отецъ, онъ жалѣлъ своихъ обѣднѣвшихъ дѣтокъ, помогая имъ, если видѣлъ бѣдность и нищету. Такъ и на мою долю вы-

пало тяжелое бремя пользоваться батюшкиной помощью. Что будешь дѣлать съ батюшкой!

Онъ не слушалъ никакихъ отказовъ; давая деньги, онъ настоятельно требовалъ брать ихъ и огорчался щепетильностью и упрямствомъ.

Зная, что моей мамѣ къ началу осени нечѣмъ даже будетъ заплатить за комнату, онъ ласково предложилъ мнѣ 15 руб. Господи! что я пережила тогда! Обязанная всеѣмъ батюшкѣ, такъ какъ онъ съ меня никогда не бралъ даже за исповѣдь, я вдругъ забирала отъ него такую великую сумму. Что тутъ было дѣлать? Ужасное тяжелое положеніе! Но батюшка настоятельно требовалъ взять, зная, что иначе намъ не обернуться, такъ какъ до уроковъ еще было далеко, а жить совершенно было нечѣмъ.

Спасенныя отъ крайней безвыходности его благодатной поддержкой, мы съ мамой воспрянули духомъ.

Здѣсь я опишу одинъ изъ лѣтнихъ приѣздовъ батюшки въ Нѣмчиновку.

Иногда, зная о приѣздѣ въ деревню батюшки, мы толпами выходили встрѣчать его въ поле, и дорогой пастырь останавливался и разговаривалъ съ нами. Господи! Какіе блаженные незабвенные были это дни! Красоты Божьяго міра и пастырь лучезарный, ласкающій—такъ все это дѣйствовало на душу и восхищало ее, что она переживала истинное счастье, истинное стремленіе къ Господу, самую восторженную благодарность, самые величайшіе порывы вѣры и надежды. Незабвенная Нѣмчиновка! сколько радости и счастья принесла она всеѣмъ намъ! сойдеть бывало батюшка съ пролетки и идетъ тихо неспѣшно, бесѣдуя со своими духовными дѣтьми, самъ благодатный старецъ опускался съ своей высоты къ уровню обыденной жизни любящихъ его людей. Сколько разъ ходилъ онъ по излюбленной тропинкѣ около станціи, а голосъ его давалъ великіе уроки мудрости и поученій.

И мелкота и степенность подходила къ пастырю съ просьбой совѣтовъ, благословенія и уходила довольная, радостная. Среди

толпы особенно выдѣлялся одинъ полный видный господинъ, къ которому батюшка всегда обращался съ такой лаской и любовью, что невольно всѣ недоумѣвали и завидовали его счастью. При прїѣздѣ или отъѣздѣ пастыря онъ всегда былъ на станціи и трепетно съ великимъ благоговѣніемъ подходилъ къ нему. «Вы мой другъ» часто обращался къ нему батюшка, давая ему понять, что онъ любитъ его и цѣнитъ его преданность. Это былъ одинъ помѣщикъ изъ южныхъ губерній, который узнавъ батюшку оставилъ свои богатые помѣстья на управленіе вѣрныхъ людей, а самъ переѣхалъ въ Нѣмчиновку, чтобы наслаждаться батюшкиной благодатью. Поистинѣ это былъ любящій и безгранично преданный человѣкъ, онъ дрожалъ весь отъ восторга, когда батюшка обращался къ нему и ласкалъ его, всѣ письма, присылаемыя ему батюшкой несчетное число разъ перечитывались и общѣловывались: жгучій порывистый, проведеній бурно молодость насладившійся жизненными радостями онъ увидалъ, что все это пошло и ничтожно передъ святыней пастыря, а потому и славу и радости все повергъ къ ногамъ его, моля его принять въ свое благодатное пастырское лоно. Такая безграничная преданность тронула батюшку, и онъ занялся имъ, какъ малымъ балованнымъ, но послушнымъ горячо любящимъ ребенкомъ, и такъ по дѣтски, съ такой нѣжной любящей лаской сталъ обращаться съ нимъ, что конечно размягчалъ его и привязывалъ къ себѣ все больше и больше. Любовь росла, увеличивалась, ни шагу не дѣлалось безъ спросу и указанія пастыря, всѣ дѣла, всѣ недоумѣнія представлялись на пастырскій судъ и подвергались правильному контролю.

Я удостоилась великой чести бывать въ его презентабельномъ домѣ и учить его маленькую, хорошенькую дочку.

Мѣсяца за два батюшка приготавливалъ меня къ этому уроку. «Какой я тебѣ хорошій урокъ дамъ» — говорилъ мнѣ батюшка и тѣмъ волновалъ мое любопытство; со дня на день дождалась я обѣщаннаго урока, а между тѣмъ время шло, а батюшка все продолжалъ напоминать мнѣ и манить обѣщаніемъ.

Наконецъ 16 августа, въ день Нерукотвореннаго Спаса, проѣзжая полевъ, батюшка остановился и указаль мнѣ адресъ, по которому я должна была разыскать одну семью и предстать тамъ въ качествѣ обѣщанной учительницы.

Это было послѣ полудня, я собралась и отправилась по данному адресу, и каково же было мое изумленіе, когда меня любезно встрѣтилъ этотъ видный помѣщикъ и отрекомендовался отцомъ назначенной мнѣ ученицы.

«Мы васъ вчера ждали, такъ какъ батюшка обѣщаль намъ въ Успеневъ день познакомить съ вами... батюшка уже давно обѣщаль намъ васъ»—такъ дружески завелъ онъ разговоръ со мной, вполнѣ понимая мою неловкость перваго визита. Такъ произошло вступленіе мое въ домъ, который я нѣсколько лѣтъ посѣщала, сначала въ качествѣ приходящей учительницы, а потомъ уже, по волѣ батюшки, водворилась въ немъ какъ надежная опытная воспитательница.

Все было подробно мнѣ объяснено батюшкой, и моя ученица представлена въ качествѣ живого впечатлительнаго ребенка, которому нельзя докучать монотонностью и вялостью преподаванія. «Уроки должны быть живые, наглядные, купите картинокъ, книжекъ съ стихами и старайтесь занять ребенка разнообразіемъ и живостью преподаванія; отнюдь не должно быть мертвой зубристики, все должно быть полно новизной и яркостью впечатлѣній, все должно занимать умъ, укрѣплять волю, развивать мысли». Долго, долго училъ меня пастырь приѣмамъ принаровки къ ея живому впечатлительному характеру.

Съ осени они продолжали жить въ Нѣмчиновѣ, за неимѣніемъ подходящей квартиры; аккуратно пріѣзжала я изъ Москвы на урокъ, помня наставленія и указанія пастыря, а между тѣмъ глаза окончательно слѣпли; вечеромъ уѣзжая отъ нихъ, я почти оцупью усаживалась въ вагонъ, и съ трудомъ забиралась послѣ на пролетку.

Наступали длинные вечера, я недоумѣвала, какъ я буду ѣздить на дачу, однакоже батюшка и тутъ распорядился, онъ

посоветоваль имъ выбрать болѣе удобное мѣстожителство въ Москвѣ; вскорѣ найдена была квартира, все семейство со всеми сундуками и пожитками, со всей путаницей и неурядицей переехало въ Москву и, поселившись близъ батюшки, поистинѣ доставляло ему много тревогъ и безпокойства. Всякая мелочь, всякое недоумѣніе несло къ пастырю, принуждая его терять драгоценныя для всѣхъ необходимыя минутки и часы его пастырской жизни. Мѣнялась ли прислуга, сырѣла ли квартира, не удавались ли кушанья—все, это житейское являлось на судъ къ великому пастырю; безконечно добрый батюшка все терпѣлъ, все выслушивалъ и все улаживалъ...

Видя мою усиливающуюся болѣзнь глазъ и снисходя моему нежеланію обратиться къ докторскимъ указаніямъ, батюшка врачевалъ ихъ духовнымъ лѣкарствомъ—благодатию Святого Пріобщенія. И великое непостижимое дѣло благодати! совсѣмъ изоблѣвишій истощенный органъ поправлялся и прилаживался къ подобающей работѣ. Слепая, еле, еле дошедшая до Собора я послѣ Пріобщенія получала внезапное прозрѣніе и шла назадъ свободно бодро, весело.

Врачевство простиралось и далѣе, батюшка осчастливилъ нашу квартирку, 3 раза побывавъ въ ней. Сіяющій благодатный, какъ лучезарное солнышко онъ появлялся у насъ и заставлялъ насъ склоняться и нѣмѣть передъ его лучезарнымъ сіяніемъ.

Вставъ передъ Образомъ Спасителя, который висѣлъ въ моей комнатѣ, онъ возносилъ моленіе Господу о моемъ исцѣленіи. Гнойная кожуха спадала съ глазъ, глаза становилсь чистыми и доброкачественными.

О какія величественныя и отрадныя это были посѣщенія! До сихъ поръ свѣжи они и неотразимо прекрасны.

Батюшка садится на мое кресло, подзываетъ насъ къ себѣ и осѣняетъ образочками Михаила Архангела принесенными съ собой.

«Разсказывайте, какъ вы поживаете дѣвочки мои»,—голосомъ вселюбящаго отца обращается къ намъ батюшка, балуя насъ

такими дорогими прозвищами; мы на колѣняхъ устраиваемся около батюшки, и какъ глупенькія радостныя дѣвочки сибшимъ наперерывъ повѣдать ему наши радости и печали. Поговоривъ съ нами и помолвившись, батюшка уходитъ пѣшечкомъ къ дому, а насъ надолго, надолго заставляеть блаженствовать и восторгаться такому посѣщенію.

Итакъ 3 раза въ одну зиму удостоилъ насъ батюшка своимъ посѣщеніемъ. Кресло послѣ посѣщенія оставалось неприкосновенно; на него никто не смѣлъ послѣ садиться, коврикъ, по которому шествовали дорогія ноги тоже особенно тщательно берегался и охранялся.

Очень меня беспокоило болѣзненное состояніе глазъ. Батюшка не желалъ сразу исцѣлить его, ему нужно было усилить мое смиреніе, мое сознаніе своего ничтожества, чтобы я, понявъ всю свою грѣховность и убожество, горячѣе бы обращалась къ Владыкѣ—Творцу всего видимаго и невидимаго.

«Я» вотъ то-то сдѣлаю; я вотъ туда-то пойду, я сама могу, я сама захочу—вотъ что твердила бывало моя напыщенная голова...

Нужно было смирить меня.

Испорченное совсѣмъ погибающее зрѣніе сломило во мнѣ всякую гордость и самоуправство. Совсѣмъ почти слѣпая я оцупью ходила по комнатамъ, ламповый свѣтъ немножко позволялъ мнѣ видѣть предметы, зато на улицахъ я ничего почти не различала. Какже приходилось ходить на уроки, какъ заниматься? До сихъ поръ еще не могу понять, какъ я не упала и не сломала себѣ руки или ноги, днемъ еще кое-что я видѣла, а вечеромъ оцупью шла по тротуару до ближайшей конки, причемъ даже не различала лицъ прохожихъ. Наконецъ очень страшно стало ходить одной, такъ какъ приходилось спотыкаться и падать со ступенекъ и уступочекъ, а потому мнѣ стали давать на послѣднемъ моемъ вечернемъ урокѣ горничную, которая доводила меня до конки, я усаживалась, возбуждая своимъ оцупиваніемъ всеобщее любопытство.

Охъ какъ совѣстно, какъ мучительно совѣстно было мнѣ, гордой барышнѣ, быть въ такомъ неловкомъ положеніи; слѣзная безпомощная, я возбуждала во всѣхъ жалость, что такъ ужасно для гордаго сердца. На конкѣ выходили иногда недоразумѣнія съ кондукторомъ, который давая мнѣ билетъ и сдачу, видѣлъ что моя рука тянулась въ другую сторону. Воспаленные больные глаза непріятно дѣйствовали на пассажировъ, которые замѣтно отодвигались отъ меня, боясь заразиться.

Все это вмѣстѣ взятое было тяжелымъ ударомъ моему самолюбію.

Приѣхавъ къ цѣли моего путешествія и слѣзая съ конки, я рисковала упасть, такъ какъ не видала, куда я ставлю ногу, въ грязную ли яму или на твердую почву. Наша милая дѣвочка Анюта, которая искренно жалѣла меня, являлась всегда во время къ конкѣ и доводила меня до жилища.

Итакъ я слѣпла и слѣпила, не знаю какъ я еще могла заниматься на урокахъ! Вѣроятно больше по привыку, такъ какъ слѣдить и приглядываться мнѣ было уже не возможно. Уже много лѣтъ имѣя педагогическую практику, я была все-таки знакома съ этимъ дѣломъ, а потому могла по слуху вести его; зато переходы съ урока на урокъ, особенно въ сумерки, когда еще не свѣтились спасительные фонари, были очень для меня затруднительны и весьма забавны для постороннихъ. Довольно бодро шагая по знакомому тротуару, я возбуждала частое неудовольствіе прохожихъ, натываясь на нихъ и тревожа ихъ; мнѣ иногда приходилось слышать рѣзкіе намеки на мою невѣжливость: «Ишь, точно не видитъ», ворчали на меня проходящіе, которыхъ я слишкомъ чувствительно задѣвала.

Разскажу прекуръезный случай моихъ спартанскихъ переходовъ по улицамъ. Было въ началѣ зимы, въ дурную погоду, слякоть не успѣвшая исполнѣ удалиться,—при морозной температурѣ заледенила тротуары и мостовую, я скользила въ мелкихъ калошахъ и шла сбоку по мостовой, такъ какъ тротуары очень беспокоили меня своими невидными приступочками и ступеньками (око-

ло воротъ); вдругъ натыкаюсь на кучу сколотога льда. Непредвидѣнное препятствіе надолго задерживаетъ меня: какъ обойти? гдѣ обойти? Ноги увязаютъ между острыми, неправильными льдинами, съ трудомъ вытаскиваешь ихъ, возшисья. Такое мое неосновательное блужданіе среди льда мостовой возбуждаетъ любопытство прохожихъ, по голосамъ я соображаю, что на тротуарѣ уже собралась порядочная кучка зрителей, которые недоумѣваютъ, что это я путаюсь и верчусь среди малыхъ незначительныхъ осколковъ льда, какъ среди льдинъ моря—океана. А тутъ, какъ на грѣхъ, нога попала въ довольно глубокую ямку и оставила въ ней несносную калошу. Что дѣлать! Какъ быть! Закрутившись въ смущеніи, я совершенно отблась отъ того мѣста, гдѣ застряла калоша. Надо разыскать ее, вѣдь не пойдешь же объ одной калошѣ! Сострадательные голоса спѣшатъ помочь мнѣ и выручить изъ бѣды, не понимая почему я не поднимаю калошу, когда она видна имъ издалека.

«Вотъ вѣдь калоша то—поправѣ, подальше, вотъ, вотъ, а я въ страшномъ смущеніи верчусь правѣ, нагибаюсь, ощупываю руками, ничего не выходитъ.

Моя простенькая одежда и платокъ накиннутый отъ непогоды, наводитъ на болѣе вѣскія соображенія и послушайте-ка какую рекомендацію получила я себѣ за тридцатилѣтнее житье—бытье: ишь вѣдь какъ, наугощалась-то, ничего не видитъ, и сострадательная рука отыскиваетъ калошу и прямо тычетъ мнѣ ее въ лицо. О гордость, что ты почувствовала теперь! Какъ перенесла бы ты это, когда царствовала во мнѣ во всей своей красѣ. А теперь, что мнѣ оставалось дѣлать? Проглотить невольныя слезы и поблагодарить услужливую руку, да утекать по добру по здорову, чтобы не попасть въ гостепріимный «участокъ».

Видя мою безпомощность, батюшка возопилъ ко Господу, моля отворотить отъ меня страшное бѣдствіе. Горячая пламенная молитва праведника достигла небесъ и низвела оттуда милосердіе и всепрощеніе.

Долженъ былъ начаться процессъ правильнаго медицинскаго

врачевства, такъ какъ батюшка хотѣлъ обуздать мое своеволие, мое полнѣйшее пренебреженіе медицинскихъ правилъ и законовъ.

«Зачѣмъ лѣчиться? къ чему лѣчиться? Господь захочетъ и такъ исцѣлится!»—твердила моя кичливость, а того и не поразмыслила: достойна ли она получать чудеса отъ Господа!

Итакъ надо было лѣчиться — батюшка этого требовалъ. Страшно гнѣвно пригрозилъ онъ, если я не послушаюсь. Явился докторъ (который лѣчилъ батюшку), но я не вышла къ нему, какъ дикій пугливый волчонокъ. Тщетно провозившись со мной—прося выйти къ нему и показать свои больные глаза, онъ принужденъ былъ удалиться и пожаловаться батюшкѣ, что я такъ нелюбезно встрѣтила его. Батюшка тогда окончательно разсердился и настойчиво потребовалъ отъ меня отправиться въ глазную больницу и показаться окулисту. Глаза, надо сказать, передъ этимъ мучительно болѣли, такая была нестерпимая острая боль, что я каталась по полу. Требовалась быстрая помощь, иначе угрожала неизбѣжная смерть, потому что, какъ я послѣ узнала, ожидалось быстрое зараженіе мозга.

Поручивъ матери моей капризной ученицы заняться мною и заставить меня поѣхать въ глазную лѣчебницу, батюшка сказалъ, что если и теперь я не послушаюсь его, то онъ окончательно отвергнетъ меня. Этотъ страшный приговоръ парализовалъ всякое мое упрямство, я сдалась боясь несчастныхъ послѣдствій.

Докторъ ужаснулся, видя у меня вмѣсто глазъ—что-то безформенное изгнившее, ни вѣкъ, ни рѣсницъ, ни оболочки—все смѣшалось превратилось въ неопредѣленную массу и поражало своей грязностью и «болѣстью». И вотъ приходилось ему имѣть дѣло съ такимъ субъектомъ, у котораго вмѣсто глазъ были комки гнилого отжившаго мяса. Какъ тутъ братья за лѣченіе! Какая медицина можетъ приладить и прикрѣпить уже погибшій отсталый органъ?

Однакоже батюшка не смущается такому заявленію доктора и убѣждаетъ его взяться за лѣченіе, подкрѣпляя его надеждой на

возможность удачнаго исхода болѣзни при старательномъ правильномъ отношеніи къ дѣлу. Глубоко уважая батюшку, докторъ соглашается и принимается за невозможное. Начинается прижиганіе глазной матеріи и вычищеніе ненужныхъ струпеевъ, разъ отъ разу происходитъ удивительное, можно сказать чудесное превращеніе. Безформенная масса, очищенная и обмытая, принимаетъ пригодный видъ и уже не поражаетъ всѣхъ своимъ неряшествомъ.

Одинъ глазъ у меня, слава Богу, совсѣмъ поправился и принялъ должный видъ, другой же какъ болѣе поврежденный не могъ видѣть ясно предметы отъ появившагося на зрачкѣ пятнышка.

Зрѣніе постепенно возвращалось, но какъ пріобрѣсти навыкъ къ чтенію? Болѣзненность праваго глаза, небольшая его искошенность плохо помогала лѣвому, который одинъ бы легче справился съ своимъ дѣломъ, а тутъ строки и буквы прыгали въ разныя стороны и производили колоротъ игрушечной мельницы. Что тутъ будешь дѣлать? Какъ ухитриться приладить ихъ на подобающее мѣсто и укротить ихъ прыть и верченіе? И за это взялся батюшка и въ этомъ помогъ. Виолнѣ почувствовавъ, что и съ глазами я не могу еще приняться за должную дѣятельность преподаванія, онъ вдругъ поручилъ мнѣ прочесть молитвы изъ своего молитвенника. Забѣгали было, запрыгали буквы, когда я раскрыла молитвенникъ, и стала тихонько приговариваться прочесть нужное. Въ крайнемъ смущеніи, ничего не разбирая, я стояла сконфуженная неумѣлая, но стыдъ провалиться на такомъ важномъ экзаменѣ въ присутствіи самого батюшки, такъ былъ великъ, что я усиленно стала напрягать глаза, направляя ихъ въ одну точку. И о чудо! строчки стали тише, степеннѣе, буквы устойчивѣе, вотъ уже строчки устались съ правильными ровными промежутками, буквы угомонились на свои мѣста, слова молитвъ мало по малу расположились правильной вереницей безъ ненужныхъ скачковъ и прыжковъ, и робкій голосъ мой сталъ возглашать ихъ неспѣшно и боязливо.

Только того и надо было пастырю.

Глаза были принесены, вставлены на мѣсто и обучены къ правильному необходимому труду.

И вотъ неустаннѣй труженикъ успокоился на лаврахъ своихъ: онъ сдѣлалъ великое прекрасное дѣло, онъ спасъ душу человѣческую отъ гибели отчаянія, онъ далъ ей трудъ, далъ радость, далъ дыханіе.

Полнота окружающихъ красотъ Божьяго міра, которой я лишалась въ своей слѣпотѣ, опять отдана была мнѣ съ наказомъ, чтобы я умѣло пользовалась ими. Спасена была душа отъ вѣчныхъ мукъ гнѣва Божьяго и предоставлена ей была теперь возможность получить отъ Господа спасеніе и милосердіе. Разразившаяся было гроза заслуженнаго наказанія за гордость и порочность была разсѣяна благодѣтельной рукой пастыря, который далъ мнѣ понять, что ему жалко стало меня, видя мою неминуемую гибель, и онъ умолилъ Господа сжалиться надо мной и простить меня.

Итакъ, глаза устались въ должный порядокъ и могли быть пригодны для надлежащей работы. Лѣтнѣй отдыхъ еще продолжался но онъ все-таки перемѣшивался съ малыми занятіями. А между тѣмъ батюшкино здоровье было очень плохо. Какъ бы утомившись трудной работой пастырскаго воздѣйствія на строптивыхъ овецъ, батюшка очень обезсилилъ, изнемогъ и тоже сталъ жаловаться на зрѣніе. Глаза, чудные зоркіе глаза, стали меркнуть и гаснуть и по выраженію опытныхъ окулистовъ, стали наполняться темной водой. Что такое за губительная вода, которая погасила столь драгоценное для многихъ тысячъ людей зрѣніе, что это за темная вода, которая затемнила великій бриллиантъ—это осталось непостижимой тайной, надъ которой можно было рыдать, ужасаться, но постичь которую никто не могъ, какъ бы онъ ни старался и ни хлопоталъ объ этомъ.

Зрѣніе стало настолько слабо, что должно было лишить пастыря служенія въ Соборѣ. И вотъ батюшка, свѣтило церкви, одинъ изъ наилучшихъ ея проповѣдниковъ долженъ былъ оста-

вить ее и удалиться на покой. Чего это стоило батюшкѣ, могъ понять всякій, кто сколько нибудь зналъ его.

50 лѣтъ онъ священствовалъ и вдругъ отказаться отъ этого столь дорогого его сердцу служенія, оставить храмъ, гдѣ происходили его святѣйшія возношенія ко Господу, гдѣ приносилась имъ жертва Тѣла и Крови Христовыхъ.

Оставить храмъ, въ которомъ Самъ Господь и Его Пречистая Матерь осѣняли Своею божественною благодатью его—своего достойнаго служителя; оставить храмъ, гдѣ столько лѣтъ онъ цѣдилъ вѣрующимъ Святѣйшей Пищей Тѣла и Крови Христовыхъ — о это тяжело, кажется, чѣмъ разстаться съ самой жизнью. Истинный служитель Христовъ удалялся съ мѣста своего общественнаго служенія въ свою тихую домашнюю обитель.

А несчастная паства его, лишенная своего пастыря—благодѣтеля, лишенная отрадной всеозаряющей, всеисправляющей службы его, почувствовала такое неизмѣримое горе и страданіе, такую тоску безотраднaго будущаго, что вся изныла въ своихъ вопляхъ и стенаніяхъ. Воплиъ понимая, что это она причина такого ужаснаго переворота, что Господь за грѣхи лишилъ ее небесной радости батюшкинаго служенія, она въ самыхъ горячихъ мольбахъ обратилась ко Господу, прося Его отдать имъ назадъ пастыря—ихъ радость, ихъ счастье.

Зная что Господу все возможно, всё твердо вѣрили, что можетъ опять возвратиться зрѣніе батюшкѣ. И вотъ полились горячія моленія, заказываніе обѣденъ, но время шло, а зрѣніе не улучшалось—схима, уже разъ надѣтая самимъ батюшкой, не снималась имъ и была искупительной жертвой за грѣшный народъ. Видя что наши грѣхи и беззаконія сильно прогнѣвляють Господи, и такимъ образомъ ведутъ насъ къ гибели, батюшка, жалѣя всѣхъ своей необъятно-любящей душой, какъ бы распинался за всѣхъ и вымаливая у Господа прощеніе для всѣхъ, облекся въ высшій подвигъ слѣпоты—безпомощности. Можно себѣ представить, что должна была испытывать его кипучая

вѣчно дѣятельная натура при такой постоянной неотвратимой помѣхѣ ея дѣйствованиямъ, ея энергіи.

Особенно тяжело было разстаться съ любимымъ письменнымъ трудомъ. Перо, направленное опытной рукой, никакъ не могло, безъ помощника—зрѣнія, различать и распредѣлять регулярность строчекъ и буквъ, хотя и была пущена въ ходъ пишущая машина, на которой пальчики весьма быстро разыскивали опредѣленные мѣста буквъ, но это было далеко не то и не могло замѣнить удобства писанія.

А книжки, бѣдныя сиротливыя книжки, какъ уныло поглядывали онѣ на своего господина, какъ бы недоумѣвая, чѣмъ это онѣ прогнѣвили его, что онѣ разлюбилъ ихъ, оставилъ. Развѣ не были онѣ ему постоянными собесѣдницами въ длинные зимніе вечера, развѣ онѣ не развлекали его горе и печаль, за что же теперь такая немилость! И что же! Неоцѣненный дорогой пастьеръ, какъ бы внявши такой ихъ горести, приближался къ нимъ, нѣжилъ и ласкалъ ихъ, а ласковый голосъ успокаивалъ ихъ, что онѣ не брошены, не позабыты, а горячо хранятся въ памяти: это все друзья мои, подтверждалъ пастьеръ, ощупывая пальчиками вѣрныхъ пособницъ своего великаго письменнаго богатства.

Да! у батюшки была обширная разносторонняя библіотека: всевозможныя научныя изданія, высшія драгоцѣнности духовной и свѣтской литературы—все это хранилось въ его многочисленныхъ шкапахъ и развивало и украшало его всесторонній свѣтлый, гибкій умъ.

Разнородныя отрасли знаній, обширная научная казуистика плотно улегались въ его умственномъ хранилищѣ и удивляли всѣхъ своей умѣлой примѣнимостью въ должныхъ, нужныхъ случаяхъ, а тамъ иностранныя богатые сочиненія—которыя были вполне доступны по знакомству съ многими древними и новыми языками—все это создало тотъ благодатный кладезь, изъ котораго много, много тысячъ людей почерпали для себя великія основы вѣры, нравственности, благочестія и житейской мудрости, и

весь этот богатѣйшій матеріаль ума вдохновлялся, освѣщался высшей праведностью и провидѣніемъ.

Можно было представить какіе многочисленныя цѣльбоносныя потоки мудрости, помощи, облегченія бѣжали изъ этого непостижимаго чуда—океана. Не было кажется и малаго уголка обширной русской земли, куда бы не проникали они славою своею и могуществомъ, далеко далеко, даже за предѣлы русскаго царства разливались они, разнося повсюду благоухающую свѣжесть и отраду.

А между тѣмъ наше сокровище батюшка—необъятный кладезь благъ и милостей, какъ безпомощное дитя, руками оцупывалъ стѣны, тихо прохаживаясь по комнатѣ.

Что обдумывала его мудрая головка, склоненная внизъ? О! она много, много обдумывала, она устраивала и распредѣляла миллионныя обязанности.

Безчисленныя семьи, несчетныя одиночки—всѣ были на ея попеченіи; надо было обдумать всѣмъ мѣста, занятія, надо было разослать всѣмъ несмѣтную помощь.

Легко сказать: паства раскинулась на тысячи вереть, надо было во-время заглянуть и въ богатыя палаты и приказать смести тамъ ненужный соръ и пыль, надо было все тамъ уставить въ рамки добра и порядочности, надо было подбодрить господъ лаской и нѣжностью, надо было припугнуть слугъ властью и строгостью. Справивъ все тамъ, мудрая головка направлялась въ обыкновенныя зажиточныя жилища. Боже! Какой хаосъ и водоворотъ царствовали тамъ! семейныя неурядицы, непочтеніе, безчинство, маловѣріе, извращенность, безчестность—сколько тяжелой изнурительной работы для такого мудраго всеусмотрѣнія.

Родители, дѣти, зятья, невѣстки, юноши, дѣвицы смѣшивались или же въ неправильную массу или же рыхлыми комьями катились другъ на друга; извольте-ка возиться съ этимъ соромъ, извольте-ка улаживать ихъ споры и мелочи!

Но благая мудрая головка не могла оставить на произволъ гибели живыхъ несчастныхъ созданій: дивный миротворецъ разсы-

лалъ своихъ гонцовъ—воиство съ пальмовыми вѣтвями мира и благоденствія, извращенные люди становились разумными существами съ твердой лучезарной вѣрой, съ правилами любви и почета. Достатки упрачивались, умножались, излишество отдѣлялось, благословлялось.

Но головка все ходила и думала, вотъ теперь то и начинались ея самыя любимыя, самыя завѣтныя думы: многотысячная бѣднота неволью простирала къ ней свои слабыя изнуренныя руки и стыдливо своимъ безвыходнымъ положеніемъ докучала ей. И вотъ морщинки густо набирались на челѣ, брови хмурились, такъ какъ предстояли многосложныя соображенія. Пастырь видѣлъ, что требовалась помощь быстрая, необходимая, но какъ распределить все въ мѣры и границы, чтобы не усугубить распушенности, не потворствовать тунеядцамъ. Голодныя истощенныя семьи требовали правильнаго постояннаго источника матеріальной помощи, даровыми суммами не обеспечишь и не упрочишь ихъ существованіе, необходимъ правильный осмысленный надзоръ, а потому надо разставить всѣхъ по мѣстамъ и дать приличный заработокъ: и вотъ начинается устройство большаковъ на разные заводы и фабрики, начинается приготовленіе малышей къ различнымъ ремесламъ и мастерствамъ.

Такъ холилась, руководилась и вычищалась каждая семейка, благодатно освященная лучами пастырской любви! А каково было устраивать тысячи подобныхъ нескладныхъ семей и надзирать за ними! Истинно, сами ангелы помогали великому старцу.

Но пастырь не успокаивался: ему еще предстояло нелегкое дѣло: на его охранѣ находились большія и малыя одиночки, горькія сиротинки безъ крова и пріюта. Какъ бѣдненькія слабенькія былинки стояли онѣ въ открытомъ полѣ, а буйные безжалостные вѣтры рвали и щипали ихъ со всѣхъ сторонъ, тамъ снѣжныя немилосердные хлопья такъ и леденили ихъ, такъ и выматывали жизненные соки...

Были между ними и совѣтливыя интеллигентныя дѣвушки, которыя лучше будутъ терпѣть самую безысходную крайность а

не протянуть руку за помощью. Какъ съ ними то быть, какъ устроить ихъ, обезпечить? О! и тутъ все обдумалъ и устроилъ мудрый пастырь и тутъ все чудно распланировалъ онъ, какъ самый лучший искусный зодчій: пныхъ изъ нихъ, болѣе свѣтскихъ, живыхъ онъ поставилъ подъ брачный вѣнецъ, другихъ же болѣе монашествующихъ, степенныхъ — устроилъ въ богатая семьи, обставилъ ихъ довольствомъ и комфортомъ, создалъ имъ родню и дружбу; плохенькія, никому ненужныя бездольныя созданья очутились у родного домашняго очага, подъ привѣтомъ и лаской самаго искренняго, самаго близкаго духовнаго родства.

Великій схимникъ, внѣшне слабый и безпомощный, еще обильнѣе сталъ расточать чудеса и исцѣленія; безчисленныя письма взывали къ нему о помощи въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ, безчисленныя телеграммы объ опасныхъ заболѣваніяхъ, утратахъ летѣли къ нему и все больше и больше призывали его къ молитвѣ и ходатайству. А батюшка, какъ бы отъ слабости и изнеможенія запираясь въ свой кабинетъ, возносилъ тамъ пламенную мольбу ко Господу о подкрѣпленіи и утѣшеніи всѣхъ этихъ скорбныхъ угнетенныхъ людей, о всѣхъ бездольныхъ сирыхъ, убогихъ, чтобы Всемилостивый Господь простилъ бы всѣхъ ихъ, отогналъ бы отъ нихъ духа злобы и послалъ бы имъ Ангела хранителя для утѣшенія и облегченія ихъ. И великая чудная душа пастыря постоянно возносилась къ небесамъ въ неустанномъ величаніи своего сладчайшаго Господа, такъ что даже при разговорѣ съ пришедшими, батюшка иногда поднималъ взоръ къ небу и нѣкоторое время находился въ глубокомъ духовномъ созерцаніи.

Матеріальная помощь также обильно расточалась щедрымъ пастыремъ. Чтобы быть доступнымъ бѣднымъ и неимущимъ, онъ ежедневно ѣздилъ кататься, причемъ благословлялъ на крыльцѣ подходящій людъ и въ это то время благодатная щедрая рука, озаряя людей крестнымъ знаменіемъ, спѣшила угасить и матеріальную скудость ихъ. Несчастные, всѣми отверженные, горемыки — бѣдняки, измученные гнетомъ безысходной нужды,

утѣшенные и согрѣтые лаской и щедротами пастыря, съ особенно горячей энергіей брался за свой трудъ.

Наконецъ, эта свѣтлая радость и утѣшеніе должны были на вѣки улетѣть и исчезнуть. Все кончилось. Великая праведная душа вознеслась къ Престолу Вседержителя.

Передъ концомъ своей земной жизни, дорогой пастырь все время принималъ свою паству. Онъ видѣлъ ея искреннее горе, видѣлъ горячую любовь къ себѣ, и жалко ему было своихъ печальныхъ дѣтокъ; онъ понималъ, какъ тяжело имъ будетъ жить безъ него, ибо они привыкли постоянно обращаться къ нему со всеми дѣлами и нуждами. А потому онъ и пожелалъ укрѣпить ихъ своимъ послѣднимъ благословеніемъ, своими послѣдними пастырскими наставленіями.

Всю послѣднюю недѣлю передъ его кончиной приходили посѣтители; сидя на диванѣ, умирающій дорогой пастырь съ трудомъ поднималъ благословляющую руку, осѣняя крестнымъ знаменіемъ подходящій народъ, причемъ изрекалъ назидательныя предсмертныя указанія.

«Приходите ко мнѣ на мою могилку и, все что ни попросите у меня, все получите»—вотъ какой дивный завѣтъ услышали его духовныя дѣти, вотъ какое драгоценное завѣщаніе получили они отъ своего незабвеннаго отца—покровителя въ отраду и облегченіе предъ надвигавшимся ужаснымъ роковымъ ударомъ. Въ субботу 19 Іюля, наканунѣ своей смерти, батюшка не принималъ никого; этотъ день онъ всецѣло посвятилъ на должное приготовленіе къ отходу въ вѣчность. Ночь прошла безпокойно, такъ что былъ вызванъ по телефону докторъ; къ утру батюшка немного успокоился; въ 11-мъ часу утра опять пріѣхалъ докторъ!.. а въ 11 час. праведный старецъ тихо, мирно отошелъ въ вѣчность. На кухнѣ стояли нѣкоторыя преданныя его духовныя дѣти, которыя пришли отъ обѣдни узнать о состояніи здоровья своего дорогого батюшки; няня взяла отъ нихъ просфоры и понесла ему, и что то долго замѣшкалась. Вдругъ бѣжитъ она и громко порывисто возглашаетъ: «батюшка скончался»!..

Ужасная роковая вѣсть тяжкимъ громомъ поразила собравшихся, съ отчаянными воплями и рыданіями заматались онѣ по кухнѣ, еще не вѣря возможности такого ужаса, раздались нервные, порывистые шаги по комнатамъ; всѣ заходили, засуетились; но все уже было кончено; волей-неволей пришлось всѣмъ разойтись, чтобы не беспокоить домашнихъ своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ... И полетѣли повсюду ужасныя громовыя слова: «батюшка скончался».

Молніеносными стрѣлами понеслись они по всему обширному царству русскому, производя повсюду самыя неудержимыя, мучительныя рыданія...

Ужаснулась, застонала несчастная паства и, бросивъ всѣ дѣла и занятія, направилась къ дорогому домику.

Я стояла вмѣстѣ съ другими у подъѣзда; дверь отворил, насъ впустили; мы вошли въ переднюю.

Въ залѣ, на столѣ лежало тѣло пастыря, покрытое чѣмъ то бѣлымъ.

«Подходите прощаться съ батюшкой». Я была какъ бы совсемъ безъ сознанія. Какъ прощаться? Съ кѣмъ прощаться? промелькнуло у меня въ головѣ.

Люди подходили, я пошла за ними. Подходимъ и видимъ своего неоцѣненнаго пастыря. Свѣтлый, лучезарный лежитъ онъ точно заснувшій. Лицо бѣлое, свѣтлое; губы сейчасъ пошевеливаются; глаза откроятся.

Мы приложились къ ручкѣ. Рука теплая, живая... Собирается духovenство, начинается панихида. «Со Святыми упокой!» О комъ это служить? Кого поминають? — протоіерея Валентина! Не знаю, какъ я еще смогла пережить все это, какъ еще голова моя уцѣлѣла, спаслась отъ безумія—это явное чудо—великая помощь дорогаго батюшки, который и послѣ кончины своей продолжалъ охранять и оберегать своихъ осиротѣвшихъ дѣтокъ.

Безпрерывно шли панихиды. Приходили прощаться священники ближнихъ приходовъ, народу притекало все больше и больше...

Какъ же теперь жить? Къ кому обращаться за совѣтами и указаніями? Къ кому прибѣгать въ горѣ и несчастіи?—безпрѣдѣльная тоска давила сердце, наводя нѣмой безотчетный страхъ.

А дорогой, неоцѣненный пастырь тихо спокойно лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ.

«Прощайте, дорогія мои духовныя дѣтки, какъ бы говорилъ онъ всѣмъ подходящимъ къ нему: «я все для васъ сдѣлалъ, я всего себя отдалъ во благо и спасеніе васъ. Развѣ долгими неустанными словами и наставленіями я не научалъ васъ вѣровать въ Господа Спасителя, въ Его Пречистую Матерь, въ сонмъ Святыхъ, развѣ я не давалъ вамъ долгихъ назидательныхъ уроковъ, какъ вамъ жить и дѣйствовать, какъ смиренно сознавать свое недостоинство, и во всемъ съ крѣпкой горячей вѣрой обращаться къ Господу Человѣколюбцу; развѣ я не указалъ вамъ надежнѣйшее средство исцѣленія при всѣхъ вашихъ недугахъ и несчастіяхъ—Святѣйшія Животворящія Таины Тѣла и Крови Христовыхъ; помните же мои слова и указанія; живите въ вѣрѣ и любви ко Господу, а я буду неустанно заботиться о васъ и охранять васъ»—вотъ какіе завѣты могла слышать горемычная паства, въ глубинахъ молитвеннаго чувства объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Протоіерея Валентина!

Вселюбящая душа хотѣла разсѣять ужасное непосильное горе, невидимо вливая въ cadaго теплоту духовной отрады. Горячее моленіе праведника несло къ небесамъ, низводя оттуда небесное утѣшеніе для молящейся паствы...

Воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ быстро пролетѣли при непрерывномъ моленіи у тѣла батюшки; спѣшно пріѣзжали его духовныя дѣти съ дачь, извѣщенные о тяжкомъ несчастіи.

Семейство батюшки ждало его старшую дочь, которая была за границей.

Во вторникъ вечеромъ совершился торжественный выносъ тѣла пастыря въ приходскій храмъ ко всенощному бдѣнію. Гробъ съ дорогими останками вынесли изъ домика и въ предшествіи Святыхъ Иконъ понесли къ храму.

Многотысячная толпа высыпала изъ всѣхъ переулковъ, провожая великаго усопшаго. Гробъ внесли въ храмъ и поставили на приготовленномъ мѣстѣ. Началось вечернее заупокойное служеніе при благоговѣйномъ стройномъ пѣніи хора пѣвчихъ; по окончаніи службы шли панихиды, послѣ чего подходили духовныя дѣти прикладываться къ рукѣ пастыря. Безмолвно, въ нѣмомъ тяжкомъ горѣ, цѣловали они дорогую ручку, которая неслучайное число разъ такъ утѣшала ихъ при жизни, осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ. А теперь все кончено, не поднимется она, не перекреститъ ихъ пастырь благодатнымъ благословеніемъ, не вольетъ уже больше въ ихъ горестныя сердца отраду и облегченіе.

Добрый пастырь приходскаго храма нѣсколько разъ поднималъ воздухъ и тѣмъ неслучайно радовалъ осиротѣлыхъ духовныхъ дѣтей, давъ имъ возможность опять повидать дорогія черты незабвеннаго кормильца — батюшки. Свѣтло — благодатно было почившее лицо; успокоилось оно отъ долгихъ мучительныхъ дней тревогъ и заботъ, успокоилось, предвкушая сладость будущихъ неизреченныхъ радостей.

Лишь около полуночи заперли храмъ, всѣ разошлись по домамъ, чтобы въ тихой домашней обстановкѣ немного успокоиться отъ пережитыхъ волненій.

Но едва ли могъ кто уснуть въ эту тяжелую горестную ночь. Завтра все будетъ кончено и дорогое тѣло общаго хранителя и утѣшителя сокроется въ глубинѣ земли, завтра совершится самая ужасная потрясающая разлука горемычной паствы съ своимъ горячо любимымъ пастыремъ—учителемъ.

Но вотъ и послѣдняя ночь прошла! Чуть забрезжило утро, потянулись печальныя одинокіе сиротинки въ храмъ, который былъ уже отворенъ. Пастырь какъ бы всѣхъ приглашалъ къ себѣ на послѣднее прощальное собраніе. «Прощайте, мои дорогія дѣтки», молча привѣтствовалъ онъ всѣхъ входящихъ въ храмъ. Я еще съ вами, я вижу васъ всѣхъ, не бойтесь, что останетесь сирыми, безпомощными! Нѣтъ! я и съ неба буду охранять васъ и молиться за васъ. Много много я трудился надъ вами, много

заботился о васъ, при моей земной жизни, даже въ то время, когда самъ изнемогалъ среди печалей и болѣзней; неужели же я оставлю васъ теперь при такомъ вашемъ ужасномъ искреннемъ горѣ. Нѣтъ! мнѣ дорога ваша преданность, ваша любовь ко мнѣ, ваша безмолвная печаль и я все полезное для васъ испрошу вамъ у Господа».

Кончилась ранняя обѣдня, стали подходить прощаться съ дорогимъ пастыремъ и какъ горячо любящія дѣти, пожелали сохранить послѣдній даръ отъ него: прикладывали чистые платки и ватку къ дорогой пастырской ручкѣ, какъ въ высоко чтимой мнѣ святынѣ, и глубоко утѣшенные такимъ приобрѣтеніемъ, прятали его у себя, какъ великую драгоценность.

Долго продолжался обрядъ прощанія, пока, наконецъ, не собралось высшее духовенство. Приѣхали два Преосвященныхъ— Владыка Трифонъ и Анастасій, чтобы воздать послѣдній долгъ великому усопшему и начали готовиться.

Засіялъ весь храмъ безчисленнымъ множествомъ свѣчъ и лампадъ. Солнечные лучи, отражаясь и дробясь въ золоченныхъ ризахъ Святыхъ Иконъ, обдавали весь храмъ какимъ то особеннымъ лучезарнымъ сіяніемъ, точно безчисленное ангельское воинство невидимо парило здѣсь и украсило храмъ лучами небеснаго свѣта.

Скромный пастырь, всю жизнь проведеній въ великомъ смиреніи—пожелалъ себѣ простой дубовый гробъ, строго запретилъ всякіе вѣнки и подношенія, но безчисленное множество народа, сильнѣе всякихъ вѣнковъ и цвѣтовъ, украшало гробъ почившаго, свидѣтельствуя о его духовномъ величій.

Кончилась поздняя обѣдня. Началось отпѣваніе тѣла усопшаго.

Паства, понимая всю важность совершающагося обряда горячо молилась за своего незабвеннаго пастыря, благодаря Господа за дарованіе имъ такого великаго духовнаго отца и покровителя.

Владыка Трифонъ и Преосвященный Анастасій своимъ глу-

бокимъ участіемъ въ отпѣваніи почившаго пастыря еще больше усиливали общее молитвенное благоговѣніе.

Кончилось отпѣваніе, допустили еще нѣкоторыхъ проститься съ пастыремъ и закрыли крышку гроба.

Торжественность богослуженія, прекрасный лучезарный день— все такъ было озарено какимъ-то особеннымъ небеснымъ сіяніемъ, что не смотря на переживаемое горе, душа невольно охватывалась волнами невидимаго утѣшенія и высшей духовной радости.

Торжественно понесли духовныя дѣти гробъ своего неоцѣненнаго батюшки кругомъ храма. Многотысячная толпа, гулъ колоколовъ—все слышалось, ликовало, гудѣло, благодать обильно лилась кругомъ, наполняла сердца присутствующихъ какимъ-то особымъ неземнымъ чувствомъ. Предстояла сильная давка, но полиція умѣло сцѣпила кольцомъ шествіе и такимъ образомъ охраняла торжественность его отъ сутолки и непорядка.

Послѣ крестнаго хода кругомъ храма, направилсь къ дому пастыря. Пастырь прощался съ своимъ земнымъ жилищемъ, мѣстомъ его величайшихъ молитвенныхъ трудовъ и подвиговъ.

Отсюда направилсь къ кладбищу. Чинно благоговѣйно несли гробъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія.

Тѣло пастыря несли по тѣмъ улицамъ, мимо тѣхъ домовъ, которые онъ проѣзжалъ во время своей труженнической жизни. Это были тѣ дома, которые онъ проѣздомъ мысленно осѣнял своимъ пастырскимъ благословеніемъ.

Часто въ окнахъ радостно свѣтились знакомыя лица, которыя съ любовью и благодарностью привѣтствовали великаго пастыря—молитвенника. И вотъ усоншій пастырь въ послѣдній разъ шествовалъ теперь мимо нихъ, въ послѣдній разъ освящалъ ихъ своей молитвенной благодатью. Несмѣтная толпа все увеличивалась и присоединялась къ торжественному шествію. Всѣ шли пѣшкомъ за гробомъ, не чувствуя никакой усталости, хотя уже былъ 4 часъ дня.

Вотъ и Святыя ворота кладбища. Внесли гробъ въ ворота и шествіе остановилось. Началась литія.

Гробъ поднесли къ приготовленной могилкѣ, высоко, высоко подняли его, въ послѣдній разъ, показавъ его всѣмъ, и стали тихо опускать въ вырытую могилу. Посыпалась земля, и закрылся гробъ пастыря.

Долго стоялъ осиротѣлый народъ, будучи не въ состояніи оторвать своихъ взоровъ отъ свѣжей насыпи могилки.

О дорогой незабвенный пастырь! и ниже вѣсть судьбами научи и настави насъ, чтобы намъ оставаться навсегда истинными вѣрными твоими дѣтьми и не постыдить тебя своими неправдами, грѣхами и беззаконіями! Аминь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Многочисленные случаи пастырского цѣленія и благопопечительности.

Вотъ что рассказываетъ намъ Елизавета Дмитриевна Васильева *) о чудесномъ исцѣленіи своего мужа отъ чахотки:

Алексѣй Васильевичъ сначала служилъ на одномъ мѣстѣ, но товарищъ сталъ переманивать его на другое. Когда обратились за совѣтомъ къ батюшкѣ, батюшка былъ противъ этого, говоря, что и камушекъ на одномъ мѣстѣ обростаетъ, но Алексѣй Васильевичъ не послушался, перешелъ на другое мѣсто, такъ какъ на прежнемъ ему было очень трудно. И вотъ какъ бы за ослушаніе великому пастырю онъ вскорѣ заболѣлъ.

Незадолго до его болѣзни, на Святкахъ 1900 года пришла Елизавета Дмитриевна въ Соборъ, укутанная по нездоровью въ черный платокъ сверхъ шапки и встала около мощей Св. Димитрія Царевича. Батюшка въ это время исповѣдалъ народъ на лѣвой сторонѣ амвона, и все время свой взоръ направлялъ на нее; народу было очень много, вдругъ батюшка оставилъ исповѣдниковъ, сошелъ съ амвона и направился къ ней; онъ взялъ ее за руку и сказалъ: «я все глядѣлъ на тебя и думалъ, что это за старушонка (она была еще совсѣмъ молодой) стоитъ; потомъ вижу, что это моя. Скажи, зачѣмъ ты нарядилась во все черное, или у тебя горе, или трауръ, сейчасъ не надо ходить во все черное; вотъ впе-

*) Варварка, Кривой переулочъ, домъ № 9, кв. № 6.

реди у насъ съ тобой большое горе и много будетъ траура». У Елизаветы Дмитріевны сейчасъ же мелькнула мысль, что у ней умрутъ старые дѣдушка съ бабушкой, но батюшка сейчасъ же отвѣтилъ на ея мысль: «А ты снималась съ мужемъ? есть у тебя его карточка»? она отвѣтила: «нѣтъ»! Тогда батюшка возразилъ: «пожалуйста снимись съ нимъ вмѣстѣ и дай мнѣ карточку». Они снялись и дали батюшкѣ карточку.

Къ масленицѣ мужъ ея сталъ прихварывать и обратился къ докторамъ.

Елизавета Дмитріевна пошла къ батюшкѣ и попросила его помолиться за мужа. Батюшка велѣлъ показать ему его рецепты, потомъ позвалъ фельдшерицу Мѣшкову, которая служила въ клиникахъ и попросилъ ее показать Алексѣя Васильевича хорошему доктору. Когда докторъ осмотрѣлъ его, то написалъ батюшкѣ письмо, что больной безнадеженъ, что у него чахотка, одного легкаго нѣтъ, а другое заражено. Елизавета Дмитріевна понесла это письмо батюшкѣ, батюшка прочелъ и сказалъ: «вотъ докторъ пишетъ что онъ безнадеженъ, а мы съ нимъ жить еще будемъ, я завтра приѣду его причастить».

Батюшка не замедлилъ это исполнить, на другой день приѣхалъ, причастилъ его и сказалъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ: «докторъ говоритъ, что онъ безнадеженъ, въ больницу его не примутъ, а въ неизлѣчимую его жалко класть, ты за нимъ ходи, онъ выздоровѣетъ, доктора ошибаются».

Каково было несчастной молодой женщинѣ переносить свое тяжелое положеніе: больной мужъ, требующій самага тщательнаго ухода, его неизбежная смерть, будущее вдовство, беспомощность— все это настолько подрывало ея молодой организмъ тяжкими муками, что она не знала, за что взяться, къ кому обратиться. И вотъ иногда въ порывѣ такого тяжелаго душевнаго страданія, она бѣжала къ батюшкѣ, чтобы въ его любвеобильной ласкѣ найти выходъ изъ мучительнаго непосильнаго горя, а дорогой пастыръ, проникая заботливымъ взоромъ въ ея наболѣвшую душу, старался всей мощью своей благодати облегчить его, успокоить.

Однажды подъ давленіемъ скорби, прибѣжала Елизавета Дмитриевна на вокзалъ Смоленской дороги (батюшка долженъ былъ поѣхать на дачу) и прижалась въ уголокъ.

Приѣхалъ батюшка, къ нему стали подступать собравшіеся на вокзалѣ, прося благословенія, вдругъ онъ всѣхъ повелительно отстранилъ и сказалъ: «пустите, меня тутъ дожидаются». Онъ направился къ Елизаветѣ Дмитриевнѣ и какъ горячо любящій отецъ сталъ ласкать ее, стараясь успокоить ея порывистыя рыданія, ея тоску о возможномъ тяжеломъ будущемъ.

Утѣшенная и обрадованная Елизавета Дмитриевна возвратилась въ свой домашній уголокъ но уже не прежней, унылой, безжизненной, а полной силъ, энергии и надежды.

Былъ конецъ весны. Повезла она въ Маѣ своего мужа въ Звенигородъ, гдѣ у нихъ былъ свой домикъ; Алексѣй Васильевичъ тамъ жилъ безвыѣдно, а Елизавета Дмитриевна иногда приѣзжала къ батюшкѣ, и онъ все молился о больномъ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Алексѣй Васильевичъ сталъ проситься къ батюшкѣ и къ доктору (въ это время батюшка уже не служилъ въ Соборѣ: былъ боленъ глазами). Поѣхала Елизавета Дмитриевна съ нимъ въ клинику; докторъ Богдановъ, осмотрѣвъ его, сказалъ, что прочтетъ лекцію и объяснитъ его болѣзнь студентамъ. Пока приготавлились къ лекціи, у Алексѣя Васильевича сдѣлалось сильное трясеніе въ ногахъ, самъ онъ тоже весь сталъ трястись, лицо его приняло синеватый оттѣнокъ. Елизавета Дмитриевна сказала объ этомъ Надеждѣ Николаевнѣ Мѣшковой, та позвала доктора, онъ его опять осмотрѣлъ, и они ушли посоветоваться въ кабинетъ; черезъ нѣсколько минутъ позвали и Елизавету Дмитриевну туда, и сказали ей, чтобы она его скорѣй везла домой и причастила бы и пособоровала, такъ какъ Алексѣй Васильевичъ долженъ сегодня ночью скончаться! Елизавета Дмитриевна свезла его на квартиру, а сама, заливаясь слезами, побѣжала къ батюшкѣ. Батюшка къ ней вышелъ; она плача сообщила ему слова доктора, что мужъ ея въ ночь долженъ скончаться. Батюшка далъ ей прежде успокоиться; потомъ повелъ ее въ приемную комнату и, ставъ передъ образами, началъ горячо молиться.

Изливъ передъ Господомъ свою пламенную мольбу и духомъ получивъ удостовѣреніе въ несомнѣнномъ исполненіи просимаго, пастырь опять съ великой лаской и любовью началъ утѣшать Елизавету Дмитріевну. Потомъ батюшка благословилъ Елизавету Дмитріевну, сказавъ: «жаль что я не могу его причастить, потому что самъ боленъ, но скажи ему, что я буду за него молиться и приду къ нему». Потомъ батюшка прибавилъ: «причастить надо, а соборовать не надо, умереть онъ не умретъ, но еще поживетъ и поработаетъ, онъ намъ здѣсь еще нуженъ».

Елизавета Дмитріевна пошла отъ батюшки съ полной вѣрой; пришедши домой, она сейчасъ же позвала священника, больного причастили; онъ послѣ этого заснулъ, а Елизавета Дмитріевна пошла въ часовню Иверской Божьей Матери. Приходитъ она домой, мужъ ея уже проснулся, такой веселый, и говоритъ: «какой я сонъ сейчасъ видѣлъ: будто бы пришелъ ко мнѣ батюшка, и далъ мнѣ кусочекъ просфоры, одинъ кусочекъ уналъ; батюшка говоритъ: это твоя болѣзнь унала, а другой кусочекъ онъ положилъ ему въ ротъ и сказалъ: «не унывай, ты выздоровѣешь»; потомъ благословилъ меня; у меня теперь ноги получше, не такъ ломаютъ, (они у него передъ этимъ совсѣмъ отнялись). Къ Рождеству Христову больной сталъ вставать на ноги; Елизавета Дмитріевна опять увезла его въ Звенигородъ.

И вотъ Алексѣй Васильевичъ чудесно сталъ выздоравливать, сталъ возвращаться къ жизни, послѣ того, какъ медики опредѣлили его близкій конецъ, и даже выдана была ему бумага о его безнадежномъ состояніи. Вотъ что гласила она: «Алексѣй Васильевичъ Васильевъ страдаетъ бронхіальной астмой и туберкулезомъ легкихъ и совершенно неспособенъ къ работѣ, 30 октября 1902 года, за подписью: докторъ медицины Н. Богдановъ».

Итакъ устами науки предписана была неизбѣжная быстрая смерть, устами же Божьяго служителя изречена вѣсть о его спасеніи и выздоровленіи. Здоровье быстро стало крѣпнуть; больной своимъ обновленнымъ жизнерадостнымъ видомъ прославлялъ Божіе всемогущество и милосердіе. Силы быстро стали цвѣсти и

крѣпнуть, такъ что въ скоромъ времени ощутилось радостное стремленіе къ труду и дѣятельности. Не доживъ до конца лѣта, въ Іюль, наши супруги отправились въ Москву, чтобы опять начать дѣятельную трудовую жизнь. Алексѣй Васильевичъ поступилъ на службу и сталъ работать, какъ (вполнѣ) здоровый, крѣпкій труженикъ, иногда только его душила астма.

Въ Августѣ мѣсяцѣ пошли они въ клиники. Богдановъ былъ переведенъ въ отдѣленіе для лежачихъ; докторъ Матвѣевъ его выслушалъ, очень поразился и сказалъ: «какая глубокая ошибка медицинская, у него легкія здоровы» и попросилъ ихъ показаться Богданову, но, такъ какъ къ нему было трудно пройти, то онъ далъ имъ письмо. Богдановъ его выслушалъ, тоже поразился и въ недоумѣніи спросилъ: «чѣмъ вы лѣчались»? Алексѣй Васильевичъ отвѣтилъ, что ничѣмъ не лѣчился, но его иногда беспокоитъ удушье. На это Богдановъ возразилъ: «ложитесь ко мнѣ въ клиники, я васъ совсѣмъ вылѣчу». Но Алексѣй Васильевичъ не рѣшался и попросилъ подождать до завтра.

Пошли они къ батюшкѣ, все ему рассказали, а батюшка на это отвѣтилъ: «Боже васъ избави ложиться въ больницу! имъ хочется узнать, чѣмъ мы лѣчились; нѣтъ мы имъ не покажемъ, чѣмъ мы вылѣчились»... И они уже больше въ клиники не ходили.

Такъ совершилось великое исцѣленіе, великое дѣло милосердія Божьяго!

Догнивающій остатокъ легкаго, послѣдній процессъ обмѣна жизненныхъ соковъ, послѣдній процессъ догорания жизненной дѣятельности, и вдругъ вновь откуда-то полученный токъ жизни, движенія, токъ дыханія, кровообращенія, процесса пищеваренія!

И наука въ глубокомъ недоумѣніи, въ глубокомъ смущеніи поникнула передъ такой непостижимой тайной, и со вздохомъ должна была согласиться, что не всегда могутъ торжествовать ея законы и велѣнія, но что и надъ ними есть Высшая Благодатная Сила, Которая одна можетъ устанавливать ихъ и управлять ими.

Съ этихъ поръ прошло 10 лѣтъ, а Алексѣй Васильевичъ про-

должаетъ жить и благоденствовать, чувствуя себя довольно крѣпкимъ и здоровымъ.

Вотъ какія великія чудеса совершались при батюшкѣ, все то онъ могъ испросить у Господа, чтобы порадовать и осчастливить своихъ духовныхъ дѣтокъ!

Есть у Васильевыхъ приемная дочка Таисія, которая досталась имъ знаменательно. Елизавета Дмитриевна очень сокрушалась, что у ней нѣтъ дѣтей, и вотъ зная ея безпокойство, батюшка какъ-то сказалъ: «у тебя будетъ дитя, но только великое дитя». И что же! Въ деревнѣ, гдѣ они жили, отдана была на воспитаніе дѣвочка изъ Воспитательнаго дома, которая была подкидышъ. Это была несчастная заморенная дѣвочка, вся въ болячкахъ и струпьяхъ; невозможно было смотрѣть на нее такъ она была изуродована. Ея воспитательница сама была больная и не могла ходить за ребенкомъ, и вотъ черезъ нѣкоторое время она умираетъ на рукахъ Елизаветы Дмитриевны и передъ смертью проситъ ее взять на свое попеченье несчастную дѣвочку. Елизавета Дмитриевна была въ крайней нерѣшительности, не зная что ей дѣлать. Ребенокъ былъ одинокимъ безпріютнымъ, и самъ бросился къ ней на руки, когда она поманила ее, тогда она написала батюшкѣ, прося его благословенія, онъ отвѣтилъ, что это долгъ ея—взять дѣвочку къ себѣ. И вотъ она приютила ее къ себѣ, стала обмывать и очищать; мало-по-малу изъ ребенка выровнялась порядочная, умная дѣвочка, которая теперь уже усыновлена ими и учится въ церковной школѣ Вознесенскаго монастыря.

Елизавета Дмитриевна рассказываетъ еще что дѣдушка ея Василій Ивановичъ Бабакинъ совсѣмъ ослѣпъ, у него былъ катарактъ, доктора сдѣлали ему операцію, но не могли снять его. Когда сообщили объ этомъ батюшкѣ, то онъ сказалъ, что надо еще сдѣлать операцію. Обратились къ Крюкову, осмотрѣвъ глаза больного онъ объявилъ, что можно сдѣлать операцію, но только врядъ ли будетъ толкъ; тогда ему сказали, что батюшка Валентинъ совѣтуетъ сдѣлать операцію. Глубоко почитая батюшку профессоръ Крюковъ взялся это дѣло и исполнилъ вполнѣ удачно.

старикъ сталъ видѣть хотя $\frac{1}{4}$ глаза, могъ ходить и различать предметы.

Однажды идя ко всеюнощной въ Соборъ дорогой супруги поспорили между собой, Елизавета Дмитриевна сильно возмущалась противъ мужа и подумала «пойду изъ церкви, не буду первая и заговаривать съ нимъ»; подходитъ она послѣ молебна къ Кресту, батюшка задерживаетъ ее и говоритъ, «подожди, ты мнѣ нужна». Тутъ подошелъ къ батюшкѣ и Алексѣй Васильевичъ. Тогда батюшка обращается къ Елизаветѣ Дмитриевнѣ и спрашиваетъ ее: «это твой родной?»

Она въ недоумѣніи отвѣчаетъ: «да».

Батюшка обращается и къ Алексѣю Васильевичу съ вопросомъ: «она твоя родная»? Тотъ спѣшитъ отвѣтить: «да». Тогда батюшка говоритъ княгинѣ Шаховской, стоящей около него: «Ваше сіятельство, вѣдь они оказались родные». «Ну поцѣлуйтесь», повелѣлъ имъ тогда пастырь. Они поцѣловались, позабыли, что дорогой поссорились, и пошли домой мирно, разсуждая о великой прозорливости пастыря.

Алексѣй Васильевичъ игралъ на гармоніи; вотъ однажды онъ усердно занялся этимъ, всю Святую недѣлю все наигрывалъ духовныя пѣснопѣнія, чѣмъ сильно волновалъ жену, которая возмущалась, что онъ такія великія пѣснопѣнія играетъ на такомъ плохомъ инструментѣ. Въ концѣ Святой недѣли, когда они оба были въ Соборѣ, батюшка вышелъ изъ алтаря, благословилъ Елизавету Дмитриевну, далъ ей просфору и сказалъ: «что ты ворчишь на него?! пускай его играетъ, хвалите Имя Господне на тимпанахъ и гусяхъ»; Елизавета Дмитриевна подумала, что мужъ на нее нажаловался батюшкѣ. Потомъ батюшка подошелъ къ Алексѣю Васильевичу и сказалъ: «Царь Давидъ игралъ и намъ съ тобой велѣлъ хвалить Имя Господне». Возвращаясь домой супруги стали другъ друга упрекать. Жена говоритъ: «это ты нажаловался на меня батюшкѣ»? А онъ тоже съ своей стороны допрашиваетъ: «Ты вѣрно рассказала о моей игрѣ»? Оказалось

что ни тотъ, ни другая даже и не заикались пастырю, а онъ самъ духомъ провидѣнія разобрался во всемъ этомъ.

Однажды бабушка Елизаветы Дмитриевны общалась дать ей 50 руб., но 3 года прошло а она ей ничего не давала и вотъ какъ-то батюшка въ обѣдню далъ Елизаветѣ Дмитриевнѣ просфору съ изображеніемъ Божьей Матери «Нечаянная Радость» и сказалъ: «бѣги домой, вотъ тебѣ Нечаянная Радость».

И что же! приходитъ она домой, находитъ у себя пріѣзжую бабушку, которая тутъ же дала ей 50 рублей.

Вотъ что пожелала намъ сообщить о батюшкѣ Софія Анисимовна Старшинова. Пришла она разъ въ Соборъ на исповѣдь, встала около Образа Преподобнаго Сергія и начала горячо молиться Преподобному Сергію, чтобы батюшка взялъ ее на исповѣдь, положила поклонъ передъ Святымъ Образомъ; батюшка вскорѣ же открылъ дверцу въ придѣлъ Іоанна Крестителя, гдѣ онъ исповѣдовалъ и сказалъ: «Иди ко мнѣ». Онъ сталъ ее исповѣдывать, причемъ самъ указалъ всѣ ея намѣренія и тайныя мысли и сказалъ: «А какой ты поклонъ положила», показывая ей, что онъ знаетъ какъ она поклонилась Преподобному Сергію и какъ возносила къ нему въ горячей молитвѣ.

Пришла разъ Софія Анисимовна на первой недѣлѣ Великаго поста на исповѣдь, и видитъ, что батюшка исповѣдуетъ около «Благодатнаго Неба», (мѣстная Икона Божьей Матери), и что спереди все стоятъ богатые важныя лица; съ прискорбіемъ думаетъ она, что гдѣ же ей попасть на исповѣдь когда собралось такое множество именитыхъ, важныхъ лицъ. Вдругъ батюшка вызываетъ ее и говоритъ: «иди клиросомъ, а въ народъ не ходи, тебѣ вредно». Оказалось что у Софіи Анисимовны были на тѣлѣ чирьи; пастырь духомъ прозорливости узналъ это и, чтобы она не повредила себѣ, велѣлъ ей свободно пройти по амвону. Болѣли у нея однажды зубы такъ сильно, что не хватало терпѣнія переносить эту мучительную боль; тогда она спрашиваетъ у батюшки позволенія пойти къ доктору, батюшка отвѣчаетъ ей, что докторъ не поможетъ, а нуженъ Небесный Врачъ. Пришла

она домой, зубы еще больше разболѣлись; въ сильномъ страданіи подошла она къ портрету батюшки и говоритъ: «батюшка, помоги, сейчасъ тащу». Взяла она щипцы, стала вырывать зубъ, но не могла его вытащить, а только сорвала эмаль. Боль усилилась, не знала она, какъ дожидаться и утра. На другой день пошла она въ Архангельскій Соборъ, встала на исповѣдь; вдругъ батюшка изъ толпы вызываетъ ее: «Иди ко мнѣ; что съ тобой раба Божія»? «Батюшка у меня терпѣнія нѣтъ: зубы болятъ», отвѣчала она. А батюшка на это какъ бы съ укоромъ замѣчаетъ ей: «дѣточка, срывать не надо» и осѣнилъ ее своимъ благословеніемъ; послѣ этого зубная боль тутъ же прошла.

Батюшка зорко наблюдалъ за Софьей Анисимовной; онъ видѣлъ ея и большія и малыя дѣла, все открывалъ ей на исповѣди, чѣмъ возбуждалъ въ ней благоговѣйный трепеть и восторгъ.

Приходитъ она разъ къ одной знакомой, которая не могла постичь тайны благодати пастыря и неправильно смотрѣла на его великую духовную дѣятельность. Въ благородномъ негодованіи за такое недостойное сужденіе Софья Анисимовна начала горячо и порывисто доказывать всю неправильность и неосновательность ея мнѣній, ясно обрисовывая всю красоту духовныхъ дѣйствованій пастыря, глубину его мудрости и провидѣнія.

Пошла она послѣ этого въ Соборъ; батюшка съ любовью и ласкою благословляетъ ее и говоритъ: «Сонечка ты меня все хвалишь, мнѣ это очень тяжело, не надо такъ», показавъ ей все величіе своей праведной души, которая смиренно избѣгала похвалъ и отличій. Пришла Софья Анисимовна разъ на домъ къ батюшкѣ, но, такъ какъ батюшка былъ очень слабъ, то няня не хотѣла докладывать о ней и рѣшительно объявила, что батюшка не велѣлъ никого принимать. Софья Анисимовна стала упрашивать ее доложить о ней. Сострадательная няня отправилась и доложила батюшкѣ. Батюшка, не смотря на свою слабость и изнеможеніе, велѣлъ ее впустить къ нему. Няня стала просить ее поменьше говорить батюшкѣ, чтобы не обезпokoитъ его. Софья

Анисимовна общала. Но батюшка, встрѣтивъ ее, поступилъ иначе. Онъ повелъ ее въ пріемную комнату и сталъ разспрашивать, зачѣмъ она пришла? Софья Анисимовна, помня наказъ няни, посмѣшила возразить батюшкѣ, что ей хотѣлось только получить отъ него благословеніе. Но пастырь, видя, что много горечи и скрытаго страданія накопилось въ ея наболѣвшей душѣ, пожелалъ все снять съ нея и облегчить наболѣвшее сердце. «Разскажи мнѣ, все разскажи, дѣточка», словами нѣжнаго любящаго отца ласкалъ ее пастырь. Душа ея вся раскрылась и она все разсказала батюшкѣ. Пастырь, видя такой благопріятный для себя моментъ, сталъ обильно насаждать въ открытой глубоко преданной душѣ ревностное стремленіе и преданность Господу: онъ изрекъ ей глубокія назиданія, какъ идти къ Господу, какъ украшать себя смиреніемъ, незлобіемъ, состраданіемъ къ ближнимъ.

Пришла еще разъ какъ-то Софья Анисимовна къ батюшкѣ на домъ (когда онъ уже не служилъ въ Соборѣ) и стала разглядывать его лицо, въ полной увѣренности, что онъ не видитъ; вдругъ пастырь, окомъ прозорливой мудрости познавъ о ея любопытствующемъ наблюденіи надъ нимъ, полусхотливо сказалъ: «Сонечка, зачѣмъ ты на меня смотришь?»

Вотъ что разсказываетъ бывшая послушница Маша Шишкова.

Пошла она разъ въ церковь «Нечаянной Радости», батюшка взялъ ее на исповѣдь, причемъ отечески—любяще положилъ свою руку на ея плечо. Благодатное прикосновеніе пастырской руки потрясло весь ея организмъ, такъ что она долго, неудержимо плакала, не понимая, что съ ней творится.

Потомъ ей захотѣлось поступить въ монастырь; обратилась она къ батюшкѣ за благословеніемъ и стала проситься въ монастырь, батюшка ничего не отвѣтилъ. 3 раза обращалась она къ нему съ той же просьбой, но всякій разъ онъ сердито молчалъ; наконецъ, наскучивъ ея приставаніямъ, онъ молча перекрестилъ ее.

И вотъ Маша поступила въ Страстной монастырь; ей на-

значили послушаніе печь просфоры. Къ несчастію, она оказалась неспособной къ этому труду, такъ какъ отъ сильнаго жара у ней кружилась голова, послушаніе же это назначалось на 10 лѣтъ; ей пришлось удалиться изъ монастыря; вотъ почему провидецъ—пастырь и не благословлялъ ее поступить туда, а такъ какъ она самовольно собой распорядилась, то и получила за это должное наказаніе.

Пришла разъ Маша въ Соборъ; у ней была такая тоска, что она не знала, что дѣлать. Вдругъ слышитъ она слова Евангелія: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азь упокою васъ». Эти слова сильно поражаютъ ее; точно прикованная стоитъ она и смотритъ на пастыря, его благодатное вдохновенное лицо ясно показываетъ о его величій; она тутъ же рѣшила, что больше никуда не пойдетъ отсюда.

На другой день она пришла въ Соборъ къ обѣднѣ, вынула за батюшку просфору и подала ему. Батюшка далъ ей на обмѣнъ свою и промолвилъ: «а это въ нашемъ монастырѣ некли». Потомъ Машѣ очень хотѣлось попасть къ батюшкѣ на исповѣдь; стоитъ она и думаетъ, вѣроятно ее батюшка не возьметъ. Вдругъ батюшка проходитъ мимо нея, беретъ ее за руку и говоритъ: «я тебя возьму», тѣмъ озаряя ее надеждой и утѣшеніемъ. Черезъ нѣкоторое время онъ, дѣйствительно, возглашаетъ: «Марію изъ монастыря» (хотя она и не помнила ему о своемъ имени). Онъ поставилъ ее передъ аналоемъ, сталъ исповѣдывать; когда послѣ исповѣди она стала давать батюшкѣ деньги, то онъ сердито сказалъ; «кто васъ этому научилъ», не взялъ денегъ, а далъ ей образокъ Спасителя. Въ другой разъ онъ самъ далъ ей послѣ исповѣди 1 руб., прибавивъ: «онъ вамъ пригодится», далъ и образокъ Рождества Христова.

Мѣсяца 3 походила она къ батюшкѣ; ей опять захотѣлось поступить въ монастырь, она рѣшилась попросить у батюшки благословенія, подошла она къ Кресту, но не успѣла еще и слова выговорить, какъ вдругъ благодатный пастырь самъ далъ ей наставленіе: «вѣдь у насъ тоже монастырь, вонъ какая обитель»;

взялъ ее за руку, поставилъ рядомъ съ собою, для укрѣпленія ея на вновь начавшемся поприщѣ духовнаго воспитанія ласково благословилъ ее и далъ большую просфору, какъ бы желая показать ей, что она нашла здѣсь для себя самый подходящій и наилучшій монастырь, а о другомъ не должна больше и думать.

Черезъ нѣкоторое время ее стали переманивать въ Кронштадтъ, она была въ нерѣшимости, ѣхать ли ей туда, или оставаться въ Москвѣ. Хотѣла она попросить у батюшки благословенія поѣхать туда, но не успѣла еще и заикнуться объ этомъ, какъ онъ самъ отвѣтилъ ей: «ты никуда не ѣзди».

Жила она однажды съ одной больной страждущей личностью, которая мучила ее и выводила изъ терпѣнія. Намучившись съ ней, она рѣшилась оставить ее и пошла къ батюшкѣ на домъ за благословеніемъ. Только что хотѣла сообщить батюшкѣ о своемъ намѣреніи, какъ батюшка возгласилъ: «мнѣ и солнце перестало свѣтить, а вы и немножко потерпѣть не хотите», показывая сколь великое страданіе претерпѣваетъ онъ ради насъ, тогда какъ мы и малое не можемъ безропотно перенести.

Однажды у Маши цѣлую недѣлю болѣли зубы. Что она ни дѣлала, ничего не помогало. Пошла она къ батюшкѣ за всеобщую, батюшка рукой дотронулся до больной щеки и зубы моментально перестали болѣть. Однажды Маша приобщилась Святыхъ Таинъ у батюшки; послѣ этого встрѣтилась съ одной дѣвушкой, которая своими неразумными разсужденіями объ религіи потрясла весь ея духъ. На другой день пастырь, желая опять поставить ее въ должныя рамки духовнаго порядка и благоустройства, заботливо спросилъ ее: «дѣточка, какъ ты день то провела вчера? что съ тобой было»? взялъ за руку и желая опять духовно освятить ее и наградить ее за ея религіозную ревность, онъ снова удостоилъ ее принять Святые Таины; все смятеніе ея сразу прошло, на душѣ стало отрадно и покойно. Чтобы убѣдить ее, какъ опасно вступать въ религіозныя пренія съ маловѣрующими испорченными людьми, батюшка назидательно сказалъ ей: «ни съ кѣмъ не спорь объ религіи».

Одна женщина немирно жила съ мужемъ; грубый, невоспитанный, онъ часто рѣзко обходился съ ней и тѣмъ волновалъ и разстроивалъ ее. Познавъ величіе батюшки, она и мужа старалась привлечь къ нему, понимая что только великій пастырь можетъ вразумить, облагородить его и направить по должному истинному пути; но бурливый и неподатливый мужъ рѣдко покорялся женѣ и, отправляясь вмѣстѣ съ ней къ батюшкѣ, часто на пути уходилъ отъ жены.

Однажды пришла она въ храмъ, сильно взволнованная такой продѣлкой мужа, подходитъ подъ благословеніе; батюшка обращается къ кому то и, указывая на нее, произноситъ: «вотъ какой у нея мужъ, пойдетъ съ ней вмѣстѣ, а дорогой убѣжитъ отъ нея; она и остается одна».

Случилось такъ что деверь ея отдалъ квартиру какимъ то изувѣрамъ (толстовцамъ), которые осмѣливались произносить кощунственное сужденіе о духовныхъ подвигахъ, о хожденіи въ храмъ, о таинствахъ, и, такъ какъ ей приходилось съ ними встрѣчаться, то они сильно смущали ее своимъ пагубнымъ лжеученіемъ. Приходитъ она разъ въ Соборъ за Архіерейское богослуженіе; по окончаніи служенія выходитъ батюшка изъ храма, благословляетъ народъ и, обращаясь къ стоявшей возлѣ нея барышнѣ, говоритъ: «вотъ какъ толстовцы то учатъ: пей, ѣшь, лежи, спи и спясешься». Эти слова такъ поражаютъ ее, что сразу же отрезвляютъ отъ чада пагубныхъ заблужденій, которыя своимъ хотя мимоленнымъ прикосновеніемъ, но все же смутили ясность и правильность ея вѣрованія, благотно насажденнаго самимъ пастыремъ.

Однажды, идя въ храмъ, она уговаривала мужа тоже придти туда; онъ обѣщался, но зная, какъ мужъ съ трудомъ приходилъ туда, она не надѣялась на него; по окончаніи службы подходитъ она къ Кресту, а батюшка и говоритъ: «а мужъ то вѣдь твой пришелъ и тѣмъ отвѣтилъ ей на ея безпокойство за мужа; дѣйствительно и мужъ ея подошелъ къ Кресту; батюшка, желая поощрить его къ дальнѣйшему посѣщенію храма, радостно обратился къ нему: «спасибо, что пришелъ помолиться».

Идетъ она однажды въ Соборъ, а мужъ подозрительно говорить ей: «гдѣ у тебя деньги то? смотри не бери, а то тамъ оберуть». Приходитъ она къ батюшкѣ, батюшка съ укоризной обращается къ ней: «дѣточка скажи, обираль я тебя когда нибудь»? Въ сильной горести на такую укоризну пастыря, она возражаетъ: «что вы, дорогой батюшка»? понимая, къ кому направлены эти слова, и кого обличаетъ пастырь. Стоитъ она разъ съ одной духовной дочерью батюшки—Авдотей Петровной, дожидаясь получить благословенія; онѣ перебираютъ въ разговорѣ житейскія мелочи. Авдотья Петровна между прочимъ высказываетъ нѣкоторое сожалѣніе о продолжительности Петровскаго поста (въ тотъ годъ онъ быть великъ), причемъ жалостливо замѣчаетъ: «то-то бы я молочка похлебала»; проходитъ батюшка мимо нихъ и обращается къ стоявшей тутъ же Прасковѣ Филимоновнѣ: (которая высока ростомъ) «ты-то велика, а Петровки то еще больше тебя, то-то бы молочка похлебала».

Была она замужемъ много лѣтъ; дѣтей у нея не было; она сильно сокрушалась объ этомъ и роптала, явился ей во снѣ батюшка, положилъ ей какого то младенца на руки и сказалъ: «возьми этого младенца и вскорми его»; послѣ этого она совсѣмъ успокоилась и не роптала.

Много чудесъ и исцѣленій видѣла эта духовная дочь батюшки отъ своего ненагляднаго пастыря; съ великой любовью и заботливостью охранялъ онъ ее, какъ малое беззащитное дитя, онъ видѣлъ ея великую преданность къ нему, онъ видѣлъ ея тяжелую жизнь съ грубымъ и непросвѣщеннымъ мужемъ, всѣми силами старался утѣшить и облегчить ея семейныя неурядицы. Онъ заботливо воспитывалъ и ея мужа, по возможности шлифовалъ его твердую неподатливую натуру, старался размягчить и его сердце, сдѣлать его доступнымъ жалости и состраданію, способнымъ понимать духовныя требованія жены, и тѣмъ сгладить неровности и шероховатости, которыми была усѣяна ихъ семейная неурядица. Онъ оберегалъ ея физическія силы и здоровье и часто говорилъ ей: «дѣточка, береги свои силы. Что ты такъ шибко

бѣгаешь?! вѣдь тебѣ силы нужны будутъ». Онъ зорко наблюдалъ, чтобы какое нибудь постороннее пагубное вѣяніе не омрачило ясности ея сложившихся духовныхъ сужденій и взглядовъ, а потому такъ во время обличилъ лжеученіе толстовцевъ. Потомъ, когда она ходила за ночные молебны въ часовню Св. Мученика Пантелеймона, батюшка понимая, что ночью въ эту часовню приводятъ, такъ называемыхъ, «порченныхъ» людей, которыя своими отрывистыми безсвязными рѣчами потрясающее дѣйствуютъ на душу человѣка, строго запретилъ ей ходить ночью туда, говоря: «не надо ходить»; онъ требовалъ отъ нея послушанія и зорко слѣдилъ за исполненіемъ его. Какъ то утромъ послѣ обѣдни обратился къ ней и спросилъ: «что нынче не была тамъ»? Она отвѣтила, что не была; тогда батюшка успокоительно замѣтилъ: «ну вотъ не была, я и узналъ тебя; а если бы была, я тебя и не узналъ».

Когда батюшку переводили изъ церкви Нечаянной Радости въ Архангельскій Соборъ онъ, понимая, какъ тяжело его духовнымъ дѣтямъ разстаться съ любимымъ храмомъ горячо сочувствовалъ имъ, стараясь облегчить ихъ томительное горестное состояніе. Невозможно описать то блаженное ощущеніе, которое охватывало человѣка въ этой маленькой благодатной церкви,— это была полнота довольства, душевнаго удовлетворенія, восторга, умиленія.

Вдохновенный пастырь наполнялъ весь храмъ своей горячей пламенной вѣрой, своими славословіями Сладчайшаго Спасителя, своими дивными дѣлами обновленія, укрѣпленія, исцѣленія.

При своемъ переходѣ въ Архангельскій Соборъ батюшка любяще ласкалъ всѣхъ и говорилъ: «о чемъ вы горюете»?! я тамъ буду старшимъ; вы не плачьте, какъ здѣсь ходили ко мнѣ, такъ и тамъ будете». И, дѣйствительно, онъ украсилъ Соборъ своей благодатью и мудростью и тоже сдѣлалъ его мѣстомъ цѣленія, отрады и обновленія.

Собралась однажды эта духовная дочь батюшки на родину,

батюшка неохотно пускалъ ее туда, но видя что она рвется, онъ сказалъ: «ступай, погости!» И что же! ей тамъ было очень плохо; свекровь не влюбилась ее и все роптала на нее; она не знала, какъ поскорѣе возвратиться въ Москву. Приѣхала она домой, пошла въ храмъ къ батюшкѣ; батюшка спрашиваетъ: «ну, что, дѣточка, каково погостила? Рады тебѣ были»? Когда же она пришла въ послѣдній разъ на домъ къ батюшкѣ, то при видѣ своего дорогого, незабвеннаго пастыря, который былъ уже настолько слабъ, что сидя принималъ посѣтителей, она неудержимо стала рыдать, будучи не въ состояніи сдержать себя. Пастырь, понимая ея душевную муку, старался облегчить ее и съ великой нѣжностью обратился къ ней: «дѣточка, какъ это ты ко мнѣ пришла». Своими ласковыми сочувственными словами онъ благодатно подѣйствовалъ на нее и тѣмъ хотя немного успокоилъ и утѣшилъ.

Однажды на второй день Рождества, батюшка, давая ей прощору тяжело вздохнулъ. Приходить она домой, а товарищи уже увели ее мужа, и онъ только поздно ночью вернулся назадъ, чѣмъ, конечно, сильно измучилъ жену.

Она еще рассказываетъ, что у одной женщины мужъ выпивалъ; она его все посылала къ батюшкѣ на исповѣдь, мужъ не соглашался и говорилъ: «зачѣмъ я къ нему пойду, тутъ я священнику 20 коп. дамъ за исповѣдь, а ему надо 1 руб. дать». Однакоже она какъ то его уговорила, онъ пошелъ къ батюшкѣ. Батюшка взялъ его исповѣдывать. Когда онъ послѣ исповѣди подалъ батюшкѣ 1 р., батюшка быстро сказалъ: «зачѣмъ мнѣ 1 р., давай 20 к.» и этимъ такъ поразилъ пришедшаго, что тотъ сразу понялъ, какой пастырь стоитъ передъ нимъ.

Рассказывала еще другая духовная дочь батюшки, что однажды въ Лазарево Воскресенье она такъ сильно наказала своего 3-лѣтняго сына, что онъ лишился сознанія. Мужъ ее посылалъ ее къ доктору, но она побѣжала въ Архангельскій Соборъ, пришла туда, когда пѣли причастный стихъ, она заплакала и произнесла: «Господи, Господи, Ты воскресилъ Лазаря, воскреси и сына моего». Послѣ обѣдни, батюшка вышелъ въ Сѣверныя двери, она

ему рассказала о своемъ горѣ, тогда онъ благословилъ ее и сказалъ: «приходите съ нимъ завтра». Она въ недоумѣніи подумала, какъ же я могу придти съ нимъ завтра, когда онъ лежитъ безъ сознанія; она еще разъ обратилась къ пастырю и сказала, что младенецъ больной, и его никакъ нельзя принести. Батюшка отрывисто возразилъ: «что я буду говорить»? Пошла она домой, вошла въ квартиру, мальчикъ ея уже сидитъ на стулѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; отъ великаго волненія она не могла удержаться, заплакала, произнеся: «ну, чудеса Твои Господи!» На другой день она пошла съ ребенкомъ къ батюшкѣ и причастила его.

Лежала она больная въ разслабленіи и думала: что же это я на вѣчный поминъ за себя не подала»? вдругъ явился на яву къ ней батюшка въ голубой рясѣ и камплавкѣ, онъ перекрестился и произнесъ: «Господи Исусе Христе, Боже Нашъ— (дальше словъ батюшки она не могла запомнить, только осталось въ ея ушахъ имя Голіааа) — Самъ Безсмертный Царю... и, окончивъ эти послѣднія слова, онъ сдѣлался невидимъ.

Рѣшилась она женить старшаго сына и пошла въ Соборъ, чтобы попросить у батюшки благословенія. Батюшка вышелъ въ южныя двери, она подала ему просфору и попросила благословить на женитьбу сына. Батюшка ничего не отвѣтилъ, взялъ просфору и ею же благословилъ ее. Пришла она домой, а сынъ ея сталъ разспрашивать, что ей отвѣтилъ батюшка. Узнавъ, что батюшка ничего не сказалъ, онъ сталъ уговаривать мать поѣхать къ Преподобному Сергію, чтобы пойти за благословеніемъ къ старцу Варнавѣ. Мать согласилась, и они поѣхали. Сходили они къ отцу Варнавѣ за благословеніемъ, и когда она возвратилась въ Москву, то вскорѣ же утонулъ у нея 9-лѣтній мальчикъ— Сережа.

Въ страшномъ горѣ пришла она къ батюшкѣ, а батюшка на это высказалъ ей: «зачѣмъ ты ѣздила къ Троицѣ? не ѣздила бы, онъ былъ бы живъ». Потомъ онъ вдругъ измѣнился, оказался въ ризѣ, а подъ правой рукой у него, прижимаясь къ нему, стоялъ ея утонувшій мальчикъ.

Пораженная такимъ чудеснымъ видѣніемъ, она не могла опомниться; тогда пастырь предсталъ передъ ней въ прежнемъ видѣ и сказалъ: «смотри никому не сказывай».

Передъ своей несчастной кончиной ея сынъ Сережа видѣлъ замѣчательный сонъ. Такъ какъ онъ плохо учился, то мать подъ Новый годъ больно наказала его, и онъ съ горя заснулъ. На утро онъ встаетъ и говоритъ: «мама, мама какой я сонъ видѣлъ: батюшка Валентинъ взялъ меня на руки, и мы съ нимъ полетѣли на небо; тамъ такъ было хорошо, что я не могу и рассказать тебѣ. Мнѣ дали 3 иконы: одну—Распятіе, другую икону Божьей Матери, а третью—Преподобнаго Сергія; потомъ насыпали цѣлый карманъ частичекъ (кот. вынимають изъ просфоръ), дали еще просфору и мы съ батюшкой оттуда слетѣли». Послѣ этого мальчикъ жилъ только до Іюня мѣсяца.

Послѣ печальной кончины сына мать никакъ не могла успокоиться; подъ вліяніемъ такого тяжелаго горя, она такъ ожесточилась, что стала роптать на пастыря. Идетъ она въ домикъ пастыря и читаетъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго»... Увидавъ ее батюшка обращается къ другимъ и говоритъ: «вонъ это, христіанка что ли»? и велитъ нянѣ подать просфору, потомъ подпускаетъ ее къ себѣ и спрашиваетъ: «Ты что христіанка что ли»? Она отвѣтила: «да батюшка, христіанка». «Ну крестись», повелѣлъ ей пастырь, она перекрестилась настоящимъ крестомъ. «Ну такъ», одобрительно замѣтилъ онъ ей; съ тѣхъ поръ грѣховныя мрачныя мысли оставили ее, и она успокоилась.

Вотъ что просила меня написать одна духовная дочь батюшки дѣвица Соня Ушакова.

Батюшка однажды долго не бралъ ее на исповѣдь; она очень этимъ огорчалась, стоитъ за обѣдней и слышитъ, какъ читаетъ діаконъ Евангеліе о сѣятелѣ. Послѣ обѣдни пошла она домой, размышляла о Евангеліи и не знала къ какому зерну примѣнить качества своей души, и сильно заскорбѣла. Вдругъ слышитъ окликаетъ ее батюшка, (онъ ѣхалъ мимо нея), подзываетъ къ себѣ и говоритъ: «такъ не надо думать; помни одно, что

ты есть зерно мною посѣянное; которое должно взойти». Постѣ этого она совсѣмъ успокоилась.

Старушка Игнатъева рассказывала, однажды батюшка долго не брала ее на исповѣдь; она все не понимала почему пастырь такъ поступаетъ съ ней. Батюшка далъ ей понять что она провинилась и, указывая на нее, сказалъ разъ княгинѣ Шаховской: «я на нее эпитемію наложилъ». Но старушка все-таки не могла разобраться въ этомъ. Уже спустя довольно времени батюшка наконецъ взяла ее на исповѣдь и сказалъ: «я тебя потому наказывалъ, что ты безъ разрѣшенія моего, постомъ пошла молочка и съѣла яичко».

Тутъ только она вспомнила, что дѣйствительно Петровскимъ постомъ позволила себѣ съѣсть яичко и выпить молочка, не спросившись у пастыря.

Она была 3 года больна: у ней было помѣшательство, такъ что она одна бродила по городу, и дочери ея сильно сокрушались объ ней. Случилось такъ, что она забралась за городъ и пошла въ болото, такъ что 2 прохожіе мужчины съ трудомъ вытащили ее оттуда.

Дочь ея Марья Степановна рѣшилась попросить батюшку помолиться за мать. Она приготовила задравную записку и 1 р. денегъ и положила въ карманъ. Пришла она въ церковь, батюшка уже исповѣдывалъ. Зная, что не пройти ей теперь къ пастырю, она встала на исповѣдь, чтобы передать батюшкѣ записку. Батюшка взялъ ее исповѣдовать, а на исповѣди она совсѣмъ и позабыла про записку, рассказывая свои грѣхи. Вдругъ батюшка прерываетъ ее и говоритъ: «а что у тебя въ карманѣ: записка что ли»? Тутъ только вспоминаетъ она зачѣмъ пришла на исповѣдь, достаетъ записку и деньги и проситъ батюшку помолиться за мать. Батюшка отдаетъ ей деньги назадъ и говоритъ, что помолится. И что же! Помѣшательство у старушки совсѣмъ прошло, она стала окончательно здоровой. Спокойно начала жить съ дочерьми и не предпринимала больше никакихъ экскурсій.

Наталья Степановна рассказывала, что у ней опасно заболѣла мать въ деревнѣ. Она служила у барыни, которая по ея просьбѣ

отпустила ее на мѣсяць съѣздить къ матери. Наталья Степановна пришла въ Соборъ къ батюшкѣ, рассказала ему о своемъ горѣ и попросила его взять ее на исповѣдь передъ отъѣздомъ. Но пастырь отказалъ ей: сказавъ: «тамъ поговѣшь». Она поѣхала къ матери и все недоумѣвала, гдѣ она сможетъ поговѣть тамъ. Дѣйствительно, мать ея была при смерти, но, по святымъ молитвамъ батюшки, по приѣздѣ дочери быстро стала поправляться, такъ что черезъ 2 недѣли была уже совершенно здорова. Кто то предложилъ Натальѣ Степановнѣ съѣздить къ Тихону Калужскому (что было недалеко оттуда); ей очень захотѣлось съѣздить туда, она сообщила о томъ матери, которая тоже пожелала поѣхать вмѣстѣ съ ними, и вотъ у Тихона Калужскаго онѣ поговѣли и приобщились Святыхъ Таинъ. Такимъ образомъ исполнились слова пастыря: «тамъ поговѣшь».

За Наталью Степановну сватался женихъ, она пошла въ Соборъ попросить благословенія у батюшки.

Пришла она ко всенощной и встала около Образа Усѣкновенія Главы Иоанна Крестителя. Идетъ батюшка по храму, подходитъ къ ней и говоритъ: «невѣста, посторонись!» (хотя она еще ничего не высказывала пастырю о своемъ желаніи выйти замужъ и о сдѣланномъ ей предложеніи).

Вѣра Ивановна Попова періодически страдала сильными головными болями. Она прежде все ходила въ Благовѣщенскій Соборъ, но однажды опоздала туда къ обѣднѣ; ей сказали, что она еще можетъ застать обѣдню въ церкви «Нечаянной Радости», такъ какъ тамъ богослуженіе совершалось позднѣе, чѣмъ въ другихъ церквяхъ. Пошла она туда, отстояла обѣдню, молебень; послѣ молебна подходитъ къ Кресту. Батюшка вдругъ останавливаетъ ее, даетъ ей выпить Святой воды, а оставшуюся въ кружкѣ выливаетъ ей на голову (хотя она ничего не говорила ему о своихъ боляхъ). И что же! боль вскорѣ прекращается.

Черезъ недѣлю она опять пришла въ церковь Нечаянной Радости; батюшка, проходя мимо нея, вдругъ обратился къ ней и спросилъ: «что боли нѣтъ»? Пораженная Вѣра Ивановна отвѣ-

тила, что нѣтъ. «Ну вотъ и хорошо», возразилъ благой пастырь и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ дальше, невидимо разсыпая дары мудрости и цѣленія.

Одна духовная дочь батюшки Дуняша рассказывала, что ея пріемный отецъ Поликарпъ опасно заболѣлъ сердцемъ. Такая была сильная боль, что онъ на крикъ кричалъ. Пошла Дуняша въ Соборъ къ батюшкѣ, подошла къ нему подъ благословеніе и сообщила про болѣзнь отца. Что у него болитъ? спросилъ батюшка—сердце? и велѣлъ ей послѣ обѣдни подойти къ Сѣвернымъ дверямъ. Послѣ обѣдни онъ вынесъ просфору больному и ничего не сказалъ. Дуняша однакоже не успокоилась и, провожая батюшку, продолжала допрашивать его: «батюшка, что же теперь дѣлать, такъ ли пройдетъ или послать за докторомъ»? Батюшка ничего не отвѣтилъ и прошелъ мимо. Но Дуняша, понимая, что ей безъ указанія пастыря нельзя и возвратиться домой, осмѣливается еще разъ обратиться къ нему съ тѣмъ же вопросомъ. Тогда батюшка со вздохомъ возражаетъ ей: «охъ, какъ ты мнѣ тяжело дѣлаешь; иди домой, такъ все пройдетъ». Приходитъ она домой, а Поликарпъ уже совсѣмъ здоровъ и занимается своимъ дѣломъ.

Батюшка говорилъ: «мои духовныя дѣти, это какъ въ школѣ ученики; и у учителя бываютъ непутевые ученики, такъ и у меня; всѣхъ я училъ, наставлялъ, а многіе не сохранили моего ученія, разметали его и остались ни съ чѣмъ».

Авдотья Степановна Яковлева рассказывала, что у нея сильно болѣли ноги; она не знала, что дѣлать, пришла она къ батюшкѣ на исповѣдь, рассказала ему о своей болѣзни. Выслушавъ ее, батюшка слегка коснулся ея ногъ, и онѣ мгновенно сдѣлались крѣпкими и здоровыми.

Потомъ она сообщаетъ, что у одной женщины очень болѣло ухо. На исповѣди она рассказала батюшкѣ о своемъ горѣ; батюшка успокоилъ ее. Когда она встала на колѣни, и онъ накрылъ ее эпатрахилію, самъ приподнялъ ее съ колѣнъ за больное ухо,

она не могла опомниться отъ боли; потомъ боль вдругъ прекратилась, и ухо совсѣмъ исцѣлилось.

Одна простая неграмотная женщина Маша (Степановна) ходила еще къ Нечаянной Радости; пришла она разъ больная въ церковь, кушла Святую Икону Царицы Небесной и подошла къ батюшкѣ подь благословеніе; онъ ее благословилъ, и вскорѣ Господь далъ ей ребенка, но, такъ какъ у ней не было средствъ къ жизни, то она поступила кормилицей въ одинъ домъ и тамъ по великимъ молитвамъ пастыря выучилась грамотѣ: 7-лѣтній мальчикъ въ томъ домѣ учился, и она вмѣстѣ съ нимъ. Но прежняя жизнь манила ее своимъ весельемъ, и она продолжала пить вино. Подходить она разъ къ батюшкѣ, а онъ и говоритъ: «ты прежде была слѣпа, а теперь Спаситель отверзъ тебѣ очи, читай Евангеліе». Не губительное зелье все тянуло ее; наконецъ, однимъ постомъ рѣшилась она съ помощью Божьей преодолѣть это влеченье. Батюшка послѣ этого взялъ ее на исповѣдь и спросилъ, какъ она поживаетъ? Когда она высказала свое желаніе, то онъ съ особеннымъ значеніемъ сказалъ ей: «Аминь, аминь, аминь»; съ тѣхъ поръ у ней совсѣмъ отпала страсть къ вину.

Потомъ она рѣшилась оставить ѣсть мясо, пришла въ Соборъ; батюшка благословилъ ее и сказалъ: «исполни, все, что ты задумала». Съ тѣхъ поръ она перестала ѣсть мясо.

Одна докторша дошла до крайняго душевнаго разстройства и рѣшилась покончить съ собой, но милосердый Господь чудесно показалъ ей батюшку. Кто то посоветовалъ ей пойти въ храмъ Нечаянной Радости; она пошла туда, батюшка сразу взялъ ее на исповѣдь и долго исповѣдовалъ; послѣ чего она стала глубоко вѣрующей христіанкой, привела къ батюшкѣ и своихъ знакомыхъ.

Одной дѣвушкой Татьяной Петровной овладѣло искушеніе: гдѣ только она ни бывала, и у схимниковъ и у затворниковъ,—ничего не помогало. Указали ей на батюшку. Пошла она и стала дожидаться его у церкви.

Батюшка пріѣхаль, взяль ее за руку, повель въ церковь, потомъ взяль на исповѣдь и сразу все сняль.

Одна особа жила гражданскимъ бракомъ; пришла она въ церковь Нечаянной Радости; батюшка, проходя мимо нея рѣзко сказалъ: «уйди блудница». Она поразилась, такъ какъ ничего не говорила батюшкѣ о своей жизни; вторично, когда она стояла около Образа Божьей Матери, батюшка снова подошелъ къ ней и сказалъ: «отойди блудница». Это такъ на нее подѣйствовало, что она горячо стала молиться Богу и потомъ вступила въ законный бракъ.

Другая особа, тоже состоявшая въ гражданскомъ бракѣ, пришла къ батюшкѣ на исповѣдь и хотѣла покаяться, но не могла высказаться. Тогда пастырь беретъ отъ нея свѣчку, зажигаетъ ее передъ Образомъ и говорить: «пусть такъ же возгорится душа твоя, какъ эта свѣча».

Тутъ разомъ слезы подступили къ ней, она зарыдала и во всемъ открылась батюшкѣ. Тогда пастырь промолвилъ: «пришли его ко мнѣ».

«Батюшка, онъ не пойдетъ» отвѣтила она. «Непремѣнно пришли» настаивалъ батюшка. Дѣйствительно онъ пришелъ къ батюшкѣ, батюшка вразумилъ его, и онъ соединился законнымъ бракомъ съ этой особой. По молитвамъ великаго пастыря они стали жить счастливо и спокойно.

Прасковья Матвѣевна Цурикова уговаривала однажды своего дѣдушку сходить въ Соборъ къ батюшкѣ, но онъ все не соглашался и говорилъ: «Зачѣмъ я пойду въ Архангельскій Соборъ? и въ Чудовомъ монастырѣ есть хорошій батюшка; лучше къ нему пойду!» Наконецъ, все-таки уговорила она его поговѣть у батюшки. Онъ пошелъ на исповѣдь. Какъ только батюшка увидалъ его, то обратился къ нему и сказалъ: «иди въ Чудовъ монастырь и тамъ хорошій батюшка».

Одна простая женщина очень скорбѣла о своей жизни, такъ какъ не ладила съ мужемъ. Она обращалась къ разнымъ знахарямъ, гадалкамъ, чтобы опять привести его къ себѣ, но ничего не

помогало. Кто-то посовѣтовалъ ей обратиться къ батюшкѣ, она пришла въ церковь, подошла подъ благословеніе, батюшка замѣтилъ ее: «у людей скоро, да не споро, а у Бога трудно, да зато прочно».

Съ тѣхъ поръ мужъ опять сталъ любить ее и они зажили въ мирѣ и согласіи.

Крестница Прасковьи Михайловны Сотниковой—Нюша еще маленькой дѣвочкой бывала въ церкви Нечаянной Радости. Послѣ, когда она вышла за богатаго человѣка въ Ярославль, постоянно вспоминала объ этомъ храмѣ, при всякомъ пріѣздѣ въ Москву заходила туда и говорила крестной: «Больше я нигдѣ такого утѣшенія не нахожу какъ я батюшки, когда онъ меня благословлялъ и давалъ просфорочки». Когда она была еще дѣвочкой, батюшка далъ ей образокъ Николая Чудотворца и сказалъ: «ахъ не тотъ; нужно бы Образокъ Божьей Матери; ну, послѣ». И что же? она вышла замужъ за Николая!.. потомъ разошлась съ нимъ и стала часто ѣздить въ церковь Нечаянной Радости.

Умерла одна бѣдная прачка; послѣ нея осталась дѣвочка Маня. Узнавъ объ этомъ батюшка сказалъ: «Богъ далъ намъ дочку»; съ тѣхъ поръ съ великой заботливостью постоянно слѣдилъ за ней. Онъ опредѣлилъ ее въ Варваринскій пріютъ, гдѣ она жила до 17 лѣтъ, научилась хорошо шить гладью; изъ пріюта батюшка опредѣлилъ ее на мѣсто, потомъ выдалъ замужъ и надѣлилъ приданымъ.

Одна дѣвушка Саша рассказываетъ, что ея крестный привезъ изъ деревни маленькую сиротку Аниуту, ей былъ еще только годикъ; она была вся больна, голова ея вся налилась какъ отъ водянки. Ноги у нея еще не дѣйствовали; приходилось носить ее на рукахъ. Пошла она въ Соборъ, чтобы причастить больного ребенка, встала около гробницъ; вдругъ батюшка прямо направляется къ ней и цѣлуетъ ребенка. Послѣ Святого Приобщенія дѣвочка замѣтно окрѣпла; у нея головокруженіе прекратилось, Саша стала ее часто пріобщать; черезъ 2 недѣли дѣвочка уже стала вставать на ножки, вскорѣ совсѣмъ выздоровѣла. До 8 лѣтъ

она была крѣпенькой здоровой дѣвочкой, и одна безъ присмотру бѣгала на дворѣ. Но, такъ какъ Саша сама жила въ крайней нуждѣ, то пастырь понималъ, что долго дѣвочкѣ нельзя жить у ней, такъ какъ надо было заняться ея правильнымъ воспитаніемъ. Онъ попросилъ Сашу: «пусть она у васъ останется до осени, а тамъ мы ее устроимъ». И вотъ въ концѣ Іюля, очищенная, надѣленная высшей благодатью Святого Приобщенія дѣвочка свѣтлымъ ангеломъ полетѣла на небо, чтобы воспѣвать и славословить Господа въ сладостныхъ благодарственныхъ гимнахъ (она заболѣла, отвезена была въ больницу, гдѣ и скончалась).

Это все одиночные случаи великаго попеченія дорогаго хранителя—батюшки; развѣ возможно ихъ всѣ пересказать и перечислить? каждый день его благодатной жизни былъ наполненъ, украшенъ ими. кипучая дѣятельность пастыря ни днемъ ни ночью не знала покоя: днемъ въ заботахъ, ночью въ молитвахъ, она подобно прекрасному калейдоскопу поражала своей красотой, богатствомъ внутренняго содержанія и, сіяя тысячами благодатныхъ лучей, проникала во всѣ уголки обширной земли русской, все очищая, исправляя, украшая. По истинѣ только благодатный умъ могъ все это обнять, обновить, воспитать, укрѣпить!

Чудеса и исцѣленія послѣ блаженной кончины пастыря.

24 Апрѣля 1911 года день памяти батюшки (день Ангела), какъ и всѣ поминовенные дни, праздновался очень торжественно. Цѣлый день было несмѣтное множество народа; приходили духовныя дѣтки воздать поклоненіе своему неоцѣненному пастырю, которому они были всѣмъ обязаны: и счастьемъ и радостями жизни и духовнымъ и матеріальнымъ благоустройствомъ. До поздняго вечера толпился народъ, будучи не въ состояніи оторваться отъ родной могилки, которая покоила въ себѣ тѣло великаго молитвенника и дивнаго пастыря.

И вотъ, поздно вечеромъ, приходитъ со службы на могилку одна барышня, тоже духовная дочь батюшки, сильно разстроенная и въ большомъ горѣ. Поклонившись своему дорогому пастырю, она обращается къ одной своей знакомой и рассказываетъ ей, что сестра ея вдова находится въ крайне опасномъ душевномъ потрясеніи. Она почти ничего не ѣстъ, говоритъ о какихъ то своихъ великихъ грѣхахъ, даже покушается лишить себя жизни. Можно понять, что должна была переживать семья, состоящая изъ старушки матери, сестры больной и ея сына, молодого человѣка, служащаго на приличномъ мѣстѣ.

Больная постоянно высказывается, что она такая величайшая грѣшница, что ей не можетъ быть и помилованія отъ Господа, а потому она должна покончить съ собой. Она избѣгаетъ храма и молитвы, боится всего духовнаго, забирается въ чуланъ и сидитъ тамъ цѣлые часы къ великому ужасу домашнихъ, которые, въ постоянномъ страхѣ за нее, не знаютъ что и дѣлать.

И вотъ измученная барышня—(сестра больной) изливаетъ на могилкѣ все свое душевное страданіе и горечь.

Знакомая ея, которой она изложила свое горе, поручила ее находящейся здѣсь же на могилкѣ матушкѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, которая, выслушавъ въ чемъ дѣло, рѣшилась помочь несчастнымъ. Дорогой пастырь и по смерти облегчилъ горе. (Елизавета Васильевна узнала, что больная живетъ около храма Козельщанской Божьей Матери, Чудотворная Икона была особенно чтима ею).

Елизавета Васильевна на другой же день отправилась къ больной. Та встрѣтила ее крайне сурово и не хотѣла говорить съ ней. Такой приѣмъ нисколько не утратилъ матушку. Ей уже нѣсколько разъ приходилось имѣть дѣло съ подобными больными. Она знала, что въ такихъ случаяхъ нужно возложить все упованіе на помощь Божію. Она постепенно стала уговаривать больную ходить въ храмъ Божій, готовя ея къ Св. Таинству Приобщенія, которое своей всеильной благодатью единственно можетъ цѣлить и исправлять подобную духовную немощь.

Принявшись за такое благое дѣло, матушка рѣшилась не

отступать отъ него, а потому, не смотря на общія увертыванія больной, преспокойно сама заходила за ней, и вела ее въ храмъ. Больная въ лицо ей сыпала всевозможными оскорбительными замѣчаніями, не хотѣла собираться, почти выгоняла матушку, но Елизавета Васильевна не смущалась этимъ. Она понимала, что врагъ всецѣло овладѣлъ своей жертвой и не можетъ легко разстаться съ ней. Но съ вѣрующей и смиренной матушкой врагу трудно было бороться: всѣ его нападки она смѣло отражала силою Креста и Именемъ Господнимъ; посрамленный диаволь долженъ былъ удалиться.

Итакъ дѣло начато. Больная ходитъ въ церковь, вотъ ее уже приводятъ на исповѣдь къ весьма уважаемому пастырю отцу А., (онъ служитъ въ маленькой церкви въ одномъ изъ переулковъ Пречистенки). Онъ исповѣдуетъ ее, очищаетъ отъ духовнаго омертвѣнія и допускаетъ къ Святѣйшимъ Таинамъ. Только того и надо было ревностной Елизаветѣ Васильевнѣ. Возрадовалась она, что омраченная диавольскимъ вторженіемъ душа наконецъ очистилась и освятилась.

Дальше дѣло пошло быстро и радостно. Нѣсколько разъ больная приобщалась Святыхъ Таинъ; стала чувствовать себя лучше и лучше. Елизавета Васильевна повезла больную на могилку къ батюшкѣ и горячо благодарила своего дорогого попечителя, что онъ далъ ей возможность несчастную страждущую опять вернуть въ лоно церкви. Вскорѣ послѣ того больная разъ сидя въ комнатѣ, вдругъ ощутила такое спокойствіе, такое тихое блаженное состояніе, что вполне поняла, что съ нея все снято, и она совсѣмъ исцѣлилась отъ прежняго ужаснаго духовнаго недуга, который могъ повергнуть ее въ пропасть гибели и отчаянія. Теперь она совсѣмъ здорова, ходитъ въ храмъ Божій, часто приобщается Святыхъ Таинъ, ходитъ на могилку къ дорогому пастырю и благодаритъ его за свое чудесное исцѣленіе.

Марфа Евдокимовна, послѣ смерти батюшки, все рождала, что ей нечѣмъ жить, и что батюшка ее никуда не устроитъ. Вдругъ во снѣ является ей батюшка, въ митрѣ, красной ризѣ, затканной

прекрасными цвѣтами и говорить ей: «что ты все ропщешь на меня, что я тебѣ ничего не оставилъ, а Крестъ на моей могилѣ, развѣ я тебѣ не оставилъ его?—это мое наслѣдство. На всемъ кладбищѣ нѣтъ больше моего Креста». Но Марфа Евдокимовна возражаетъ ему: «Крестъ то большой, да мнѣ то что»? Тогда батюшка подошелъ къ ней, съ великой любовью перекрестилъ ее и сказалъ: «Что же можетъ быть лучше Креста»? какъ бы давая ей этимъ понять, что онъ оставилъ ей высшее сокровище, которое драгоцѣннѣе всего для человѣка—это вѣру въ Господа и любовь къ Нему.

Въ другой разъ видитъ она во снѣ батюшку, онъ подходитъ къ ней и говоритъ: «Марфа, я за тобой пришелъ, я давно уже слѣжу за тобой, вижу, что тебѣ пора домой идти», и ее вдругъ охватываетъ такое состояніе, что она чувствуетъ, что она кончается. Тогда, будучи еще сильно привязана къ жизни, она боится расстаться съ жизнью и говоритъ: «батюшка погоди, дорогой».

Батюшка укоризненно говоритъ: «все по твоему; какъ при жизни своей все по твоему дѣлалъ, такъ и теперь! Ну, хорошо, подожду. Приду, когда ты захочешь». Она въ страхъ и трепетъ проснулась; сильно была потрясена такимъ замѣчательнымъ и яснымъ сновидѣніемъ, которое показало ей, что ея дорогой хранитель пастыръ, болѣе 20 лѣтъ при своей жизни руководившій ею, и теперь охранно и зорко наблюдаетъ за ней и спасительно ведетъ ее къ вѣчности, любяще предупреждая, что пора уже оставить все земное, а что надо стремиться всѣми своими мыслями, чувствами и желаніями къ Единому вѣчному прекрасному блаженному Свѣту Божества.

Елизавета Васильевна Воскресенская рассказываетъ, что она черезъ годъ послѣ смерти батюшки видѣла его во снѣ: онъ явился ей и сказалъ: «матушка, возьмите къ себѣ Анну, она находится при учительницѣ, при школѣ, у ней дочь», потомъ остановился и произнесъ: «Юлія». И что же! внукъ ея Борисъ Викторовичъ вскорѣ самъ нашелъ себѣ невесту Анну; они счастливо обвѣнчались; у нихъ родилась дочка, которую они и назвали Юліей;

теперь всё вмѣстѣ живутъ съ матушкой (Анна Николаевна—супруга Борпса Викторовича дѣйствительно работала въ дѣвушкахъ при школѣ Ламановой).

У дочери Анны Никитичны Львовой—Лизы сильно заболѣла рука; сдѣлалась рана, она пошла въ Екатерининскую больницу, тамъ осмотрѣли ея руку, перевязали и велѣли опять придти на перевязку. На другой разъ докторъ сказалъ, что болѣзнь очень серьезная, можетъ произойти зараженіе крови, причемъ предстоитъ опасная операція, такъ что надо лечь къ клинику.

Лиза испугалась и пошла за совѣтомъ къ одной знакомой, которая первымъ дѣломъ направила ее на могилку къ батюшкѣ, чтобы попросить у него помощи и исцѣленія. Онѣ рѣшились вмѣстѣ на другой день поѣхать туда. Лиза приложила къ больной рукѣ земли съ могилки батюшки. Въ то же время ощутилась острая боль и руку сильно жгло. Но послѣ этого быстро почувствовалось облегченіе. Когда же она опять пошла въ больницу на назначенную ей перевязку, то докторъ, осмотрѣвъ ея руку, съ удивленіемъ спросилъ ее, что она дѣлала съ рукой, ибо опасность миновала, такъ что не нужно и дѣлать операціи.

Вотъ какъ драгоценный цѣлитель батюшка и теперь мощно облегчаетъ страданія и боли людей, съ вѣрою и любовью прибѣгающихъ къ нему.

У Прасковьи Михайловны Сотниковой Великимъ постомъ 1911 года разболѣлся палець; она показала доктору, онъ сказалъ, что надо скорѣе отрѣзать его, потому что можетъ сдѣлаться Антоновъ огонь. Больная однакоже не повѣрила ему и обратилась къ главному доктору, тотъ тоже подтвердилъ, что опасность велика, и, что если она не рѣшится отнять его, то придется отнимать всю руку, потому что скоро начнется зараженіе крови.

Въ сильномъ горѣ ѣдетъ она на могилку батюшки; въ пальцѣ страшная боль, такъ что уже нѣсколько дней она нигдѣ не находитъ себѣ покою.

Приѣхавъ на могилку, она всей силой своей вѣры и любви къ батюшкѣ просить его помочь ей, такъ какъ ей предстоитъ

большое несчастье лишиться пальца или даже всей руки. Со слезами просит она дорогого пастыря исцѣлить ея опасную болѣзнь, не сомнѣваясь, что если онъ при жизни своей предотвращалъ самыя великія опасности, то и теперь быстро можетъ откликнуться на ея горячій вопль. И великій непостижимый пастырь своей небесной всеутѣшающей помощью, тотчасъ же показалъ ей что и по смерти ему дороги и пріятны его преданныя духовныя дѣтки, и онъ никогда не оставитъ ихъ сырими и безутѣшными. Припала Прасковья Михайловна къ могилкѣ, взяла земли вмѣстѣ съ снѣгомъ, приложила къ воспалившему пальцу и завязала его. (что сказали бы скептики-доктора на это)? Палець былъ уже багрово-синимъ. Самъ пастырь при концѣ своей жизни сказалъ: «если вамъ что нужно будетъ, то придите къ могилкѣ моей; я тутъ же услышу васъ и все исполню».

И вотъ Прасковья Михайловна чувствуетъ, что боль сразу затихла, но она еще боится вѣрить своему счастью; пріѣзжаетъ домой, развязываетъ палець и что же! онъ совсѣмъ опалъ, сталъ бѣловатымъ, воспалительнаго процесса и помину нѣтъ. Она боится даже говорить роднымъ, все еще какъ бы не довѣря совершившемуся чуду. Встаетъ она на другой день, палець совершенно нормаленъ: ни боли, ни опухоли—ничего нѣтъ. Тутъ уже радости конца не было. Сейчасъ же поѣхала она на кладбище, попросила отслужить благодарственную панихиду на могилкѣ батюшки, горячо благодаря своего неоцѣннаго отца-пастыря, за непосланное по его молитвамъ чудесное исцѣленіе.

У старушки Александры Исаевны заболѣла поясница, боль была такая сильная, что она разогнуться не могла. Знакомый ея Сергѣй Васильевичъ навѣстилъ ее и сейчасъ же посоветовалъ ей съѣздить на могилку батюшки. Александрюшка согласилась, только не знала, какъ она доѣдетъ до кладбища. Дѣйствительно при каждомъ толчкѣ пролетки, была такая острая боль, что невозможно было сидѣть. Наконецъ, слава Богу, доѣхали и до кладбища. На могилкѣ Александрюшка припала къ землѣ и молила дорогого пастыря облегчить ея боль, такъ какъ ей трудно было

и дышать. И что же! тут же почувствовалось облегчение, поѣхала домой, а боль совершенно уже утихла, такъ что даже явилась возможность на пути заѣхать къ знакомымъ.

У жены аптекаря М. была сильная внутренняя болѣзнь. Въ 3 мѣсяца она совсѣмъ вся ослабла и извелась, все время она лѣчилась: но никакія лѣкарства не помогали. Тогда она рѣшилась съѣздить на могилку батюшки. Кое-какъ доѣхала на извозчикѣ, насилу, насилу подошла къ могилкѣ. Она стала горячо молиться, просила батюшку облегчить ея болѣзнь и помочь ей, какъ онъ всегда помогалъ ей при своей жизни, взяла съ могилки земли, всыпала за воротъ. И что же! сейчасъ же почувствовала облегчение, такъ что могла уже бодро и радостно дойти до извозчика; по приѣздѣ домой болѣзнь ея совсѣмъ прошла.

Марія Викторовна очень сильно заболѣла въ день Мпхаила Архангела; десять дней пролежала она въ опасности; на 11-й день видитъ во снѣ батюшку, будто бы онъ служитъ въ Соборѣ. По окончаніи обѣдни подзываетъ онъ ее къ Сѣвернымъ дверямъ и говорить: «пойди-ка ко мнѣ»; потомъ даетъ ей въ бѣломъ платочкѣ просфору, она просыпается, ей становится легче, и она вскорѣ выздоравливается.

Въ другой разъ она заболѣваетъ глазами, является ей во снѣ батюшка и даетъ 2 свертка; она разворачиваетъ и видитъ въ одномъ старинный образокъ Николая Чудотворца, а въ другомъ — Георгія Побѣдоносца. Просыпается, ей становится легче, идетъ на батюшкину могилку, проситъ отслужить панихиду, беретъ земли съ могилки и прикладываетъ къ глазамъ. Отецъ Іоаннъ, служившій ей панихиду, говоритъ ей, что по молитвамъ своего батюшки она исцѣлится. Дѣйствительно, глаза стали совершенно здоровы.

Соня Ушакова рассказываетъ, что 3 зимы трескались у нея пальцы. Наступала опять зима, она съ горечью думала какъ она будетъ работать больными пальцами. Пошла къ батюшкѣ на могилку и стала просить его помочь ей. И вотъ послѣ того она видитъ во снѣ батюшку, онъ является ей и надѣваетъ ей на палецъ

кольцо. Надо замѣтить, что такое точно кольцо лежало у нея, и она его не носила: оно было привезено ей изъ Кіева одной знакомой. Послѣ сна она сейчасъ же надѣла это кольцо, и пальцы ея всю зиму не болѣли.

Одна духовная дочь батюшки А. Н. рассказываетъ, что ея родственница осенью 1911 года получила сильный ревматизмъ и лежала недвижима, руки и ноги ея совсѣмъ опухли, она даже не могла сама напиться или взять платокъ. Э доктора ея лѣчили, удивляясь, гдѣ это она могла такъ сильно простудиться. А. Н., душевно скорбя объ ней, поѣхала на батюшкину могилку и просила дорогого утѣшителя помочь больной; потомъ взяла съ могилки воскъ и вѣточку и прямо съ могилки направилась къ больной. Она начала ей рассказывать сколько чудеснаго видѣла она отъ батюшки уже послѣ его смерти въ своей семьѣ. Больная лежала недвижимо: казалось, она уже потеряла всякую надежду на чью либо помощь. Однакоже такіе живые рассказы подѣйствовали и на нее: маленькая тонкая искорка вспыхнула въ ней слабымъ боязливымъ огонькомъ, готовая при каждомъ мгновеніи быстро потухнуть. Но пастырь не даромъ прислалъ къ ней свою преданную духовную дочь: онъ захотѣлъ и ее спасти и ей возвратить счастье и здоровье. И вотъ больная пожелала имѣть что нибудь съ могилки батюшки. Тогда А. Н. положила кусочекъ воскъ (со свѣчъ, которыя часто возжигаются на могилкѣ) въ бутылку, налила бутылку водой и дала больной выпить этой воды. Больная пила эту воду 5 дней, на 5 день руки и ноги у нея зашевелились; мало-по-малу она стала владѣть и руками и ногами, потомъ нѣсколько разъ ѣздила на могилку батюшки; теперь чувствуетъ себя совершенно здоровой.

Трехлѣтняя дѣточка Леночка Князева, какъ то неправильно наступила на ножку, и почувствовала такую сильную боль, что не переставая кричала отъ боли. Что тутъ дѣлать, дѣвочка уже тяжелая, нести ее трудно, а надо во что бы то ни стало скорѣе отправиться на дорогую могилку. И вотъ несмотря на холодъ и сильную вьюгу, (это было 9 Декабря), мама съ великимъ тру-

домъ усаживаетъ ее въ колясочку и тихо, осторожно везетъ на кладбище (они жили недалеко оттуда). Подъѣзжаютъ къ могилкѣ, она сажаетъ свою дѣточку на могилку, а сама проситъ дорогого цѣлителя обратить на нихъ милостивый свой взоръ и помочь дѣвочкѣ. И вотъ дѣвочка уже не кричитъ, боль есть, но уже не такая острая, она даже слегка можетъ ступить на ножку. Усаживаетъ мама ее опять въ колясочку и везетъ обратно, приче́мъ сторожъ съ удивленіемъ поглядываетъ, какъ это мать рѣшилась въ такую ужасную погоду везти по стужѣ ребенка. Однакоже все получено; семья опять счастлива и спокойна. Привезла она Леночку домой; та сейчасъ же крѣпко заснула; проснулась и свободно уже могла ходить по комнатѣ.

Поля Илларионова опасно заболѣла, она была въ сильномъ жару, вся воспалилась и тяжело дышала. И вотъ при такомъ страданіи она обращается къ мамѣ и говоритъ: «мама, я чувствую, что я умру». Мама ея, вся измученная опасностью ея положенія, начинаетъ успокаивать ее, однакоже она хорошо понимаетъ, что воспаленное состояніе быстро можетъ пресѣчь жизнь ея дочки. И вотъ садится она около дочери, съ безпокойствомъ наблюдаетъ за ней и въ то же время горячо проситъ дорогого своего покровителя пастыря спасти ея дѣвочку. Вдругъ видитъ она, что жаръ у больной какъ будто сталъ уменьшаться, дыханіе сдѣлалось правильнѣе, ровнѣе, вотъ и лобъ изъ воспаленно-краснаго принялъ слегка красноватый оттѣнокъ. Не вѣря своимъ глазамъ, она подходитъ, щупаетъ лобъ, и о чудо! онъ сдѣлался влажнымъ. Дѣвочка тихо спокойно спала. Что же! проснулась больная и порывисто заговорила. «Сейчасъ приходилъ ко мнѣ батюшка Валентинъ и сказалъ: «дѣточка! зачѣмъ ты боишься, что будешь горькую чашу пить, (она отъ кого то слышала, что человѣку передъ смертью даютъ пить горькую чашу, и очень боялась этого); я своимъ даю не горькую чашу, а сладкую; не бойся ты не умрешь, смотри приходи ко мнѣ на могилку, (1 Сентября—день рожденія пастыря). Ёшь то же что и мамочка твоя кушаетъ; у васъ скоро введутъ языки, займись ими, я тебѣ помогу». Дѣ-

вочка вскорѣ же встала и смогла поѣхать 1 Сентября на батюшкину могилку. И въ церковно-приходской школѣ Рождественскаго монастыря, гдѣ она училась, дѣйствительно, стали преподавать французскій и нѣмецкій языки, она занялась ими и не смотря на трудность, смогла усвоить ихъ.

У Зиночки Илларионовой цѣлый мѣсяцъ былъ тяжелый сухой кашель, онъ сильно беспокоилъ ее и подтачивалъ ея здоровье. Поѣхала она на батюшкину могилку; по возвращеніи домой стала откашливаться, и кашель вскорѣ совсѣмъ прошелъ.

У Мани Илларионовой сильно заболѣла нога; совсѣмъ не могла она ходить, мама повезла ее на кладбище, съ трамвая сѣли они на извозчика. Она еле-еле добралась съ извозчика до могилки; какъ только помолилась тамъ, приложила къ Кресту и къ могилкѣ, то почувствовала, что боль ея утихла, что она свободно можетъ ступить и бодро и спокойно дошла до трамвая.

У матушки Елизаветы Васильевны сдѣлалась сильная боль подъ ложечкой, точно тѣло мучительно нарывало. Съ трудомъ собралась она на кладбище, помолилась на могилкѣ, приложила листиковъ съ дерева къ больному мѣсту, ей сдѣлалось лучше. По возвращеніи домой боль совсѣмъ прекратилась.

Матрена Степановна рассказывала, что у одной женщины сильно болѣла грудь, она посоветовала ей съѣздить на могилку и приложить листиковъ и землицы къ тѣлу—боль прошла.

Николай Ивановичъ Рѣшетниковъ страдалъ флюсомъ; онъ такъ сильно мучился, что не находилъ себѣ мѣста. Пришелъ онъ къ матери, та читала батюшкину книгу, онъ взялъ книгу, приложилъ батюшкинъ портретъ къ больной щекѣ, легъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, то боль совсѣмъ прошла; поѣхалъ на кладбище отслужить благодарственную панихиду по батюшкѣ.

Ваня Воробьевъ былъ опасно боленъ, у него была сильная горячка, нѣсколько дней онъ метался въ жару, и вотъ къ нему явился дорогой батюшка и благословилъ его и родные даже видѣли, какъ онъ радостно привсталъ на постели, сложилъ ладони, чтобы получить благословеніе и проводилъ радостными глазами

удаляющагося пастыря; послѣ этого онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Одна порченная кричала на могилкѣ: «никто меня не исцѣлитъ, только батюшка Валентинъ. Я бы всѣхъ разорвалъ, кто обращается къ нему; только не могу, очень сильно онъ за нихъ молится».

Одна женщина нѣкоторое время находилась въ летаргическомъ снѣ, причѣмъ ходила по мытарствамъ; очнувшись она стала рассказывать всѣмъ, какъ ужасно это восхожденіе, и какъ строго и жестоко обращаются мытари (злѣбные духи) съ душой. Такъ на одномъ мытарствѣ она была задержана, но явился священникъ, что-то далъ мытарямъ и они ее пропустили (она знала батюшку Валентина только по слуху). Женщина спросила: «что же я не вижу отца Іоанна Кронштадтскаго и отца Валентина»?— «Да развѣ они здѣсь»?—отвѣчали ей: они святые. Вдругъ раскрылось небо, и она увидѣла въ великомъ сіяніи отца Іоанна Кронштадтскаго и батюшку Валентина.

Одинъ духовный сынъ батюшки Онуфрій долго былъ безъ мѣста и сильно бѣдствовалъ. Пришелъ онъ на кладбище, сталъ горячо молить пастыря, чтобы онъ послалъ ему какое нибудь дѣло, сѣлъ на лавочку и забылся. И вотъ видитъ, что подходитъ къ нему батюшка въ облаченіи и въ митрѣ, подаетъ ему 2 просфоры и говоритъ: «одну возьми себѣ, а другую снеси прежнему своему хозяину въ Хамовники» (дѣйствительно Онуфрій былъ прежде на фабрикѣ въ Хамовникахъ). Очнувшись, онъ озирается, видитъ, что просфоръ нѣтъ, а между тѣмъ батюшка такъ ясно явился ему, точно не во снѣ. Онъ преклоняется передъ могилкой и горячо благодаритъ пастыря за такое дивное явленіе. На другой день онъ идетъ въ храмъ, вынимаетъ двѣ просфоры, одну за батюшку, а другую за своего бывшаго хозяина и отправляется въ Хамовники.

Пришедши туда, онъ спрашиваетъ дворника, кто управляющій и, узнавъ, что прежній, проситъ его доложить ему, что пришелъ Онуфрій. Управляющій велитъ позвать его, но онъ не рѣшается войти къ нему, такъ какъ оказывается плохо одѣтымъ.

Тогда самъ управляющій вышелъ къ нему и повелъ его къ себѣ.

Онуфрій разсказалъ ему о своемъ снѣ, подаль просфору, попросилъ сходить къ хозяину и попросить за него.

Какъ только управляющій доложилъ хозяину, что пришелъ Онуфрій, хозяинъ съ радостью воскликнулъ: «пусть сейчасъ же придетъ ко мнѣ, я давно щу его, и не знаю, гдѣ найти». И Онуфрій тутъ же поступилъ на мѣсто. Такъ великій помощникъ батюшка быстро откликнулся на мольбу Онуфрія и устроилъ его.

Соня Ушакова разсказываетъ, что 6 Ноября 1911 года, хотя она и причащалась, но очень было тяжело у ней на душѣ, потому что ей очень хотѣлось уладить одну сильно разстроенную семью, и она не знала, какъ къ этому приступить. Отъ обѣдни она пошла къ батюшкѣ, встала около могилки, начала горячо молиться и такъ углубилась, что даже не замѣчала окружающихъ людей, съ великой вѣрой просила она пастыря, чтобы онъ облегчилъ ея тяжесть. И вотъ по молитвамъ пастыря явилась возможность помочь несчастной семьѣ, которой угрожала неизбежная гибель и отчаянiя.

Одна дѣвица желала выйти замужъ, но женихи были ей неподходящiе; одного стали ей сватать, очень онъ ей понравился, но она боялась что онъ не возьметъ ее.

Наслышалась она много про батюшку, и вотъ пришла она къ нему на могилку помолиться и попросить благословенiя; дѣло все уладилось, она вышла замужъ, мужъ оказался человѣкомъ хорошимъ и богатымъ.

Соня Ушакова разсказываетъ, что однажды ушибла себѣ глазъ, сдѣлалась боль, она очень испугалась, пришла къ батюшкиной могилкѣ и стала молиться; потомъ масломъ изъ лампы помазала глазъ, и боль утихла.

Авдотья Степановна Яковлева служила прежде въ шпечбумажномъ магазинѣ на Арбатѣ; батюшка при своей жизни сказалъ ей: «у насъ съ тобой 2 магазина будетъ». Какъ-то разговаривалась она объ этомъ съ матушкой Елизаветой Васильевной,

та ее стала убѣждать, что разъ пастырь говорилъ это, то ей надо устраивать это дѣло. Но средствъ мало! Какъ быть. Является ей на выручку ея двоюродная сестра, которая съ готовностью желаетъ помочь ей въ этомъ важномъ дѣлѣ. Отыскивается небольшой уютный магазинъ на Плющихѣ недалеко отъ матушки, такъ что является возможность посѣщать ее и подкрѣплять въ этомъ сложномъ трудномъ дѣлѣ. Когда все въ магазинѣ было устроено, то первымъ дѣломъ пригласили Чудотворную Икону Козельщанской Божьей Матери, подъ покровомъ которой прежде жила много лѣтъ. И когда окончился молебенъ, началась торговля. Черезъ 3 дня пригласили еще святыню—Чудотворный Образъ Иоанна Воина, какъ грознаго разрушителя враговъ. Мало по малу магазинъ сталъ расти и украшаться картинami духовнаго содержанія.

Одинъ священникъ въ годовой поминъ батюшки (20 Юля) пріѣхалъ къ нему съ семьей на могилку и самъ отслужилъ по немъ панихиду. Видя такое искреннее почтеніе своей памяти, батюшка щедро наградила семью. Былъ у нихъ сынъ, который окончилъ семинарію и перешелъ въ Академію, годъ проучился онъ весьма похвально. Когда подана была просьба о назначеніи ему стипендіи, то вскорѣ же получился удовлетворительный отвѣтъ. И каково же было ихъ изумленіе, когда ему назначили стипендію имени отца Валентина. (Семья батюшки распорядилась устроить стипендію на его имя въ духовной Академіи, такъ какъ онъ самъ учился прежде тамъ).

Сашѣ Кротовой приснился батюшка, она подходитъ къ нему, онъ благословляетъ ее и спрашиваетъ: «ну, какъ ты теперь поживаешь»? Она отвѣчаетъ, что слава Богу все хорошо, только вотъ въ матеріальномъ отношеніи очень трудно. Тогда батюшка даетъ ей 5-рублевый золотой и когда она совѣтится принять его, то онъ рѣшительно заставляетъ взять деньги. Это было въ Прощеное Воскресенье, а Великимъ постомъ она стала получать много заказовъ изъ булочныхъ на бумажные цвѣты для куличей и пасохъ. Кромѣ того она приготовила много цвѣтовъ на Вербу

(такъ называется гулянье съ выставкой всевозможныхъ издѣлій, игръ и лакомствъ), такъ что къ Святой выручила всего около 500 руб. (480 р.)—вотъ что означалъ 5-рублевый золотой батюшки.

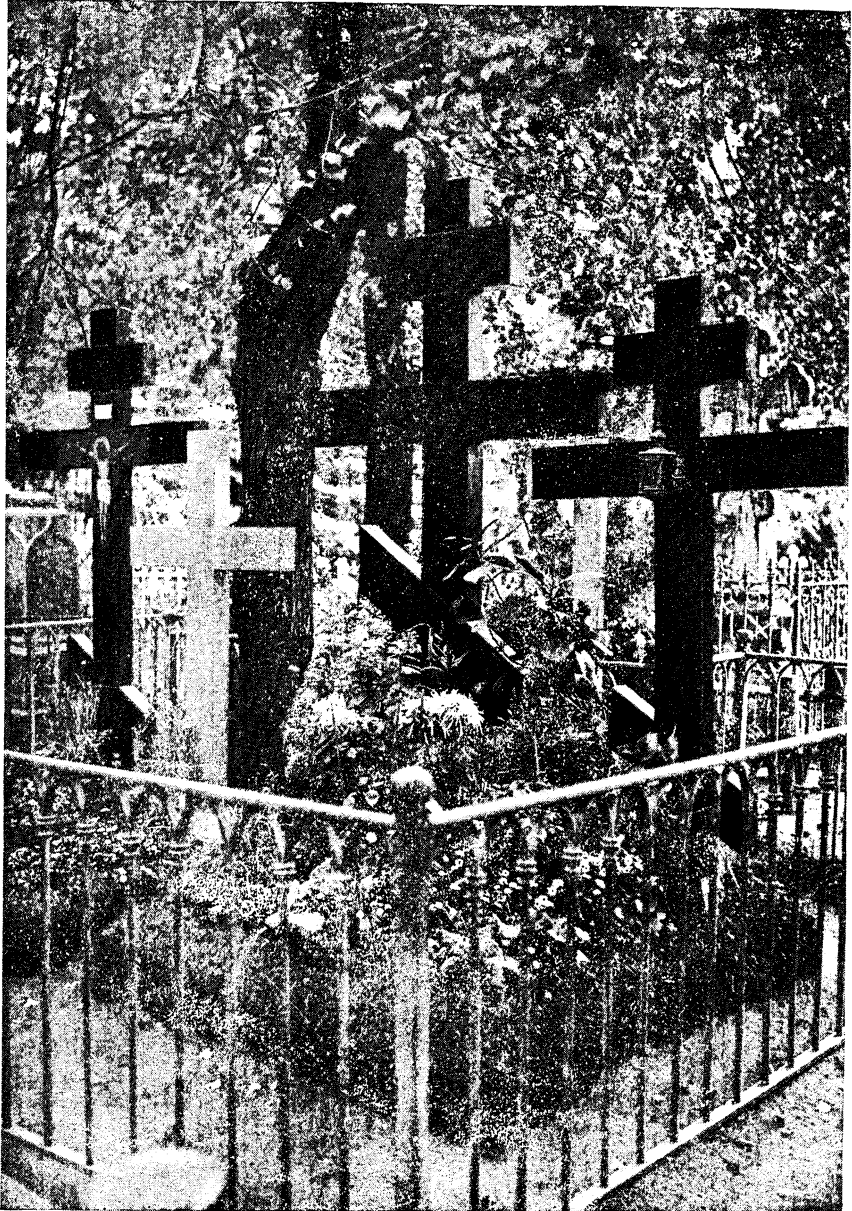
Елизавета Васильевна рассказывала, что одна прислуга Татьяна заболѣла; хозяева стали уговаривать ее ѣсть скоромное по постнымъ днямъ, но она отъ этого еще сильнѣе ослабѣла, чувствовала себя очень плохо; во снѣ явился ей батюшка и сказалъ: «не ѣшь мяса по постнымъ днямъ». Она исполнила его приказаніе и вскорѣ же поправилась.

Одна женщина овдовѣла и вторично хотѣла выйти замужъ, батюшка явился ей во снѣ и не велѣлъ вторично выходить замужъ.

Прислуга Воробьевыхъ, Матрена, слыша, что господа ея читаютъ въ столовой проповѣди батюшки, тоже пристроилась послушать ихъ; вдругъ видитъ она, какъ цѣлый снопъ огненныхъ искръ поднимается отъ книги, живописно развѣваясь по воздуху; ничего не понимая, начинаетъ она приглядываться, протираетъ глаза, думая, что это обманъ зрѣнія, но искры, одна другой ярче и красивѣе, какъ бы вдогонку стремятся другъ за дружкой. Видя ея изумленный устремленный на книгу взглядъ, господа ея спрашиваютъ, что съ ней; въ великомъ волненіи рассказываетъ она имъ о своемъ видѣніи. Черезъ нѣкоторое время это видѣніе исчезаетъ.

Этимъ великій пастырь хотѣлъ показать, что пламенные слова его проповѣдей, подобно огненнымъ искрамъ, проникаютъ въ сердце читающихъ (или слушающихъ), покаяя всѣ ихъ неправильности, ошибки и заблужденія.

Будемъ же до конца своей жизни озаряться этимъ снопомъ его огненныхъ лучей, и онъ не оставитъ насъ въ вѣчности, такъ какъ онъ самъ сказалъ, что «съ нимъ никто не погибнетъ». Аминь.

Могилка батюшки и могилки его близкихъ родныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Часть I-я. Краткій очеркъ духовной дѣятельности великаго пастыря.	5
О таинствахъ покаянія и причащенія	51
Назиданіе о праздникахъ.	53
О молитвѣ.	55
О перенесеніи скорбей.	57
О болѣзняхъ.	—
Наставленія на разные случаи жизни.	58
Случаи благодатнаго исцѣленія и помощи по молитвамъ пастыря.	63
Случаи зоркой наблюдательности и охраны дорогаго пастыря.	100
Часть II-я. Какъ я обрѣла вѣру.	125
Часть III-я. Многочисленные случаи пастырскаго цѣленія и попечительности.	209
Чудеса и исцѣленія послѣ блаженной кончины пастыря.	233
